Эмилия Руэте

Принцесса Занзибара

Женщины при дворе султана

Seliga Seliga

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Остров Занзибар, захваченный оманским султаном Сеидом Саидом, в XIX веке переживал эпоху подъема. В нескольких дворцах султана в окружении многочисленной челяди росли почти сорок принцев и принцесс. Дочь султана Салама бинт-Саид рассказывает в этой книге о своем радостном детстве и о том, как после смерти отца она, пережив череду дворцовых переворотов, вышла замуж за немецкого коммерсанта и перешла в христианство под именем Эмилии Руэте.

Принцесса удивительно точно воссоздает систему отношений в гареме, излагает свои взгляды на положение восточной женщины, разъясняет все тонкости восточного этикета.

- Эмилия Руэте
  - Введение
  - О подлинности этих мемуаров
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

○ 4

Эмилия Руэте
Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида

Введение

Занзибар – остров возле восточного побережья Африки, в изобилии производящий гвоздику, сахарный тростник, пряности и кокосы. Но не это составило основу его благосостояния. В начале XIX века в Африке свой расцвет переживала работорговля. Рабов караванами приводили из Центральной Африки в такие восточноафриканские порты, как Занзибар, а потом на кораблях доставляли в порты Красного моря и Индийского океана. Султан Занзибара получал крупную сумму денег, взимая таможенный сбор за каждого раба, проходившего через его порт, благодаря чему стал очень богат. Прибыльная торговля слоновой костью и пряностями тоже была одним из источников пополнения казны.

Салама бинт-Саид, дочь Сеида Саида, султана Занзибара, Омана и Маската, написавшая эту свою биографию, родилась 30 августа 1844 года. Матерью Саламы была Джилфидан, наложница-черкешенка[1], которая воспитала свою дочь в гареме султанского дворца.

Когда Салама бинт-Саид в 1880 году писала мемуары, она уже покинула свой дом, чтобы выйти замуж за немецкого коммерсанта, приняла христианство, сменила имя на другое – Эмилия Руэте, была уже вдовой и одна растила троих детей в изгнании, в Германии. Ее жизнь – жизнь женщины, которая была отвергнута своей любимой семьей за то, что нарушила незыблемые традиции, – в значительной мере была борьбой и в вопросах денежных, и в мире чувств, и в сфере общественной морали.

Создавая свои воспоминания, Салама пыталась заработать деньги для семьи, но, кроме того, и это было важнее, осуществляла сокровенное желание рассказать детям о своем прошлом и своем наследстве. И рассказ Саламы о ее детстве на Занзибаре, и ее рассказ о ее второй жизни молодой вдовы и матери в чужой стране поистине уникальны. Книга была написана и опубликована в 1886 году, когда Саламе бинт-Саид было сорок два года. Это первая известная нам биография арабской женщины. Она начинает с описания своего детства и жизни в султанском гареме. Ее отец умер, когда ей было всего двенадцать лет, и в результате жизнь страны долгое время была омрачена семейными распрями и борьбой за власть. Салама ярко описывает жизнь во дворце султана Занзибара и на плантациях, подробно рассказывает о традициях и обычаях, придворных интригах, переворотах, гареме, рабах, праздниках, нравах, положении женщин и многом другом. Безошибочно понимая оба

очень разных мира, Салама сравнивает жизнь на Занзибаре с жизнью в Германии и ведет отчаянную борьбу, отстаивая право быть самой собой, на этом пространстве между двумя культурами.

Принцесса выросла разговаривая на двух языках – арабском и суахили, и провела первые годы жизни у моря, во дворце Бет-иль-Мтони. В 1851 году она переехала во дворец своего брата Маджида, который позже стал султаном. Брат позволял ей выходить из дворца, что было необычно для арабских женщин, поощрял ее занятия верховой ездой и стрельбой. К этому времени Салама самостоятельно научилась читать и писать – факт, почти неслыханный для арабских женщин того времени. Когда в 1856 году ее отец умер, принцесса в двенадцать лет была объявлена совершеннолетней и получила свою долю отцовского наследства – плантацию, дом и 5429 фунтов. Ее брат Маджид стал султаном Занзибара, а другой брат, Сайид Туэни бин-Саид аль-Саид, – султаном Омана и Маската. Когда в 1859 году умерла ее мать, Салама получила второе наследство – три плантации.

Ее братья сражались один против другого, и Салама оказалась в центре этих столкновений, что привело к неприязни между нею и царствующим братом Маджидом, ведь она, пусть и невольно, поддержала их брата Баргаша, который неудачно попытался захватить трон Занзибара.

Салама часто отлучалась из дома, хотя много лет не отъезжала далеко от места, где родилась. Там она познакомилась с немецким коммерсантом Рудольфом Генрихом Руэте, и скоро между ними началась запретная любовь. Поползли недобрые слухи, и, когда Саламу заподозрили в том, что она беременна, девушка бежала от своей недовольной семьи на британском военном корабле в Йемен. Там она перешла в христианскую веру, вышла замуж за Руэте и уехала с ним в Германию, в город Гамбург. Салама, которую теперь звали Эмилия Руэте, родила троих детей. Примерно в 1870 году ее муж погиб в результате аварии и оставил ее одну без денег с тремя маленькими детьми. Несчастная женщина попыталась получить с Занзибара свое наследство, но после ее отъезда ее имущество и деньги были конфискованы, и власти отказались их вернуть. Два раза, в 1885 и в 1888 годах, вдова приезжала на Занзибар. Именно в это время немецкие политики попытались колонизировать этот остров, посадив там султаном сына Эмилии. К несчастью, план не удался, и бывшая принцесса стала еще более чужой для своей семьи. С 1889 до 1914 года Эмилия часто приезжала к детям в Европу, а жила в ливанском городе Бейруте или в Яффе. Затем она вернулась в Германию и в 1924 году умерла от воспаления

легких.

Эта книга очарует всех, кого интересует история Среднего Востока, изучение культур других стран или волнуют женские судьбы. Добро пожаловать в детство принцессы Саламы с королевскими привилегиями и семейной враждой, в ее захватывающие приключения с тем, кто был ее первой любовью, в ее жизнь одинокой вдовы с тремя маленькими детьми в Германии второй половины XIX века, в ее путешествие на родину с мыслью вернуть себе королевское наследство. Все это – мемуары принцессы Занзибара.

Шелли Кронзек

О подлинности этих мемуаров

Сочинение, перевод которого предлагается здесь читателю, первоначально было опубликовано одной берлинской фирмой в 1886 году под названием Memoiren einer arabishen Prinzessin. За этим изданием немедленно последовало английское, которое, кажется, вызвало мало интереса, поскольку и немецкая, и английская версии книги скоро были забыты и перестали печататься. Для мира в целом Черный континент и его народы тогда значили меньше, чем теперь.

По поводу этих мемуаров возникает вопрос, подлинные ли они. Об исторических событиях – например, о долгом споре Баргаша по поводу права его брата Маджида наследовать престол – кто угодно мог знать достаточно подробностей для вольного пересказа. Но в этой книге есть интимные подробности, которые указывают на необыкновенно точное знание арабской жизни в целом и жизни в гареме правителя Занзибара в частности. Была ли создательница мемуаров действительно дочерью султана, которая бежала из родной страны и поселилась в Германии, став женой немецкого коммерсанта? Подобное романтическое предположение нуждалось в доказательствах, и потому английский издатель послал письмо правительственному служащему, который был хорошо осведомлен обо всем, что касалось африканских колоний. И получил ответ, всю значимость которого может оценить только тот, кто внимательно прочитал мемуары. Вот этот ответ:

«Я проконсультировался с одним признанным авторитетом, самым лучшим. Он не желает, чтобы его имя было упомянуто, но можно считать абсолютно достоверным следующее.

Такая дама действительно существовала. Ее звали Салама бинт-Саид, а став христианкой, она приняла имя Эмилия. Она была одной из дочерей Сеида Саида, султана Омана, Маската и Занзибара, а значит, сестрой Маджида, который унаследовал после него трон Занзибара, и Баргаша, который правил после Маджида. Руэте был немецким коммерсантом, а она, к несчастью, забеременела от него. Она бежала с Занзибара в Аден, там родился ее ребенок, и там она вышла за Руэте, который тоже посчитал целесообразным покинуть Занзибар.

Руэте погиб во время несчастного случая, попав под трамвай, и тогда она приняла титул принцессы, на который имела право по рождению. Я не могу сказать, потеряла ли она это право, когда вышла за Руэте. Ей очень покровительствовали люди, занимавшие в Германии высокое положение. Позже она, кажется, много

интриговала вместе с немцами – Бисмарком и другими, которые думали, что смогут каким-нибудь образом ее использовать, но в конце концов они ее бросили.

Она также переписывалась с султаном Баргашем, но он не согласился с ее мнением и вообще не признал за ней никакого титула и ранга. Она показывала эти свои письма британскому агенту. Что касается ее переговоров с Фрером, я ничего не смог узнать о них, но думаю, что в основном ваши сведения верны».

Предисловие

Девять лет назад у меня возникла мысль записать некоторые факты, чтобы рассказать о них моим детям, которые тогда знали о моем происхождении только то, что я арабка и приехала с Занзибара. Тогда, обессилевшая телом и душой, я не надеялась дожить до того времени, когда они вырастут, и не думала, что смогу рассказать им о событиях моей молодости и о своей судьбе. Поэтому я приняла решение записать историю своей жизни на бумаге. Первоначально мои мемуары были предназначены не для широкой публики, а для моих детей, которым я хотела завещать их как наследство любящей матери. Но в конце концов, после настойчивых убеждений, я согласилась отдать их в печать.

Я закончила их несколько лет назад, и только последняя глава была добавлена недавно. Она написана благодаря моей поездке вместе с моими детьми на мою прежнюю родину, Занзибар. Пусть эта книга идет в мир и встретит так же много друзей, как повезло найти мне.

Эмилия Руэте,
принцесса Занзибара

Глава 1
История семьи

Дворец Бет-иль-Мтони. – Бани. – Верховая езда и другие развлечения. – Отец принцессы Саламы. – Как была куплена ее мать. – Главная жена и младшие жены Сеида Саида. – Его дети. – Бенджиле. – Вопрос дисциплины. – Брат Маджид стал совершеннолетним. – Переезд будущей создательницы мемуаров из одного дворца в другой.

Я появилась на свет в Бет-иль-Мтони, нашем самом старом дворце на острове Занзибар, и в нем я жила до седьмого года моей жизни. Бет-иль-Мтони расположен в очаровательном месте на берегу моря на расстоянии примерно пяти миль от города Занзибара в роще из великолепных кокосовых пальм, манговых деревьев и других тропических гигантов. Место, где я родилась, получило свое имя от маленькой речки Мтони, которая, проделав короткий путь из внутренней части острова, делится на несколько рукавов, которые протекают по территории дворца, и сразу за дворцом впадает в тот красивый сверкающий водный поток, что отделяет Занзибар от Африканского материка.

На все множество зданий, из которых состоит дворец, приходится всего один просторный двор, и по причине разнообразия построек – они, вероятно, создавались постепенно, по мере необходимости – все в целом имеет скорее отталкивающий, чем привлекательный вид. Бесчисленные переходы и коридоры сбивали с толку непосвященного человека. Комнат во дворце тоже было столько, что невозможно сосчитать; я уже не помню в точности, как они были расположены, но очень хорошо помню бани Бет-иль-Мтони. В дальнем конце двора располагались в ряд двенадцать бассейнов, и, если шел дождь, это любимое место отдыха можно было посетить только под зонтом. Так называемые «персидские» бани стояли в стороне от остальных. На самом деле так называли турецкие бани, и других на Занзибаре не было. Каждая баня состояла из двух бассейнов, каждый размером примерно четыре на три ярда, а вода в них доходила до груди взрослому человеку. Это место пользовалось большой популярностью у обитателей дворца, большинство которых имели привычку проводить здесь по нескольку часов – молиться, делать свою работу, читать, спать, даже есть и пить. С четырех часов утра и до двенадцати ночи здесь наблюдалось постоянное движение, поток входящих и выходящих людей

никогда не прерывался.

Тот, кто входил в одну из бань, выстроенных по одному и тому же плану, видел два помоста, один справа, другой слева, покрытые изящно сплетенными циновками, на которых можно было молиться или просто отдыхать. Здесь было запрещено все, что можно считать роскошью, например ковры. Предполагается, что мусульманин должен всегда надевать для молитвы особую одежду, желательно белую, и использовать ее только для означенной цели. Конечно, этому достаточно трудному для исполнения правилу следуют только очень набожные люди. Между помостами и бассейнами возводились узкие колоннады, у которых не было никакой крыши, кроме голубого свода небес. Изогнутые каменные мостики и лестницы вели в другие помещения, и каждое было совершенно отдельным от остальных. У каждой бани были свои посетители, потому что – это нужно знать – в Бет-иль-Мтони практиковалась суровая система сословных различий, которой строго следовали и высшие и низшие.

Апельсиновые деревья такой же высоты, как самые высокие вишни здесь, в Германии, обильно цвели вдоль всего фасада бань, и в их ветвях мы, испуганные дети, много раз укрывались от нашей ужасно суровой учительницы. Люди и животные очень дружно жили вместе на этом большом дворе, нисколько не мешая друг другу: газели, павлины, фламинго, гвинейские куры, утки и гуси бродили по нему как хотели, а люди, старые и молодые, ласкали и кормили их. Для нас, малышей, огромным наслаждением было собирать яйца, лежавшие на земле, особенно огромные яйца страусов, и относить их главному повару, который вознаграждал нас за труды лучшими леденцами.

Два раза в день, рано утром и вечером, мы, дети – те, кто был старше пяти лет, – учились на этом дворе верховой езде, и это нисколько не беспокоило наших друзей-животных; а уроки давал один из евнухов. Как только мы начинали достаточно хорошо ездить верхом, отец дарил нам наших собственных верховых животных: мальчикам – лошадей из султанских конюшен, а дочерям – красивых белых мулов из Маската в богато украшенной сбруе. Верховая езда – любимое развлечение в стране, где неизвестны театральные постановки и концерты, и у нас иной раз устраивали скачки на равнине за пределами дворца, которые часто кончались несчастным случаем. Однажды я чуть не погибла во время одной такой скачки. Я очень не хотела, чтобы мой брат Хамдан обогнал меня, мчалась вперед бешеным галопом и не замечала впереди большую наклонившуюся пальму. Я обратила внимание на это препятствие, только когда чуть не разбила о него

голову, и, рывком откинувшись назад, успела избежать катастрофы, но очень испугалась.

Характерной особенностью Бет-иль-Мтони было множество лестниц, очень крутых и со ступенями рассчитанными, должно быть, на Голиафа. И, несмотря на это, человек шел прямо вперед, все выше и выше, не имея перед собой ни единой площадки и ни единого поворота, так что у него почти не было надежды добраться до верхнего конца, если он не подтягивался вверх, держась за примитивную балюстраду. Эти лестницы были так изношены, что балюстрады приходилось постоянно чинить, и я помню, как испугались все в нашем крыле дворца, когда однажды утром обнаружили, что оба поручня ночью сломались; помню, в тот день я удивлялась, что на этих страшных наклонных лестницах не произошло ни одного несчастного случая, хотя за целые сутки по ним прошло вверх и вниз множество людей.

Поскольку жители Занзибара незнакомы со статистикой, никто не знал, сколько в точности людей жило во дворце Бет-иль-Мтони, но, если бы мне пришлось рискнуть и сделать приблизительный подсчет, я думаю, не преувеличила бы, если бы сказала, что общее количество его обитателей – тысяча человек. И это большое число не покажется слишком огромным, если учесть, что на Востоке каждый, кто хочет, чтобы его считали богатым и влиятельным, должен иметь целую армию слуг. Не менее многолюдным был, по сути дела, и городской дворец моего отца, который назывался Бет-иль-Сахель, то есть Дом на берегу. Отец имел привычку каждую неделю проводить три дня там, а четыре в Бет-иль-Мтони, где жила его главная жена, которая была его дальней родственницей.

Мой отец Сеид Саид носил два титула – султан Занзибара и имам Маската, причем титул имам – религиозный, и первым его носил мой прадед Ахмед; более того, это наследственный титул, который каждый член нашей семьи имеет право прибавлять к своей подписи.

Как одна из младших детей Сеида Саида, я никогда не знала его без вызывающей почтенной белой бороды. Он был выше среднего роста, его лицо выражало необычную доброту и любезность, хотя в то же время его внешний вид мог мгновенно внушить уважение к нему. Несмотря на свою любовь к войне и завоеваниям, он был для нас образцом и как отец, и как правитель. Для него величайшим идеалом была справедливость, и, если был нарушен закон, он не делал различия между одним из собственных сыновей и обычным рабом. Прежде всего, он был само смирение перед Всевышним. В отличие от очень многих людей, занимающих высокое положение, он по природе был чужд

высокомерию и гордости, и не один раз случалось, что, когда обычный, но долго и верно служивший раб женился, мой отец приказывал оседлать коня и ехал один к молодоженам, чтобы лично высказать им свои добрые пожелания.

Моя мать была по происхождению черкешенкой. Вместе с братом и сестрой она мирно жила на ферме отца. Внезапно началась война, страну захватили полчища мятежников, и маленькая семья укрылась «в месте, которое было под землей» – так называла это моя мать; вероятно, она имела в виду подвал: их нет на Занзибаре. Но эти отчаянные головорезы отыскали их, убили обоих родителей моей матери, а троих детей увезли на коне. До моей матери так никогда и не дошло никаких известий ни о судьбе брата, ни о судьбе сестры. Должно быть, мой отец стал ее владельцем, когда она была еще очень мала, потому что она потеряла свой первый зуб в его доме и была воспитана вместе с двумя из моих сестер, которые были одного с ней возраста, как их подруга. Как они, она научилась читать, и это было достижением, возвышавшим ее над другими женщинами ее положения, которые обычно попадали во дворец в шестнадцать или восемнадцать лет и в этом возрасте, конечно, вовсе не желали сидеть на твердой школьной циновке вместе с малолетками. Она была некрасивой, но высокой и хорошо сложенной, и глаза у нее были черные; черными были и ее волосы, которые спускались до коленей. Она была ласковой и доброй, и ничто не было ей приятнее, чем помочь кому-то, кто мог оказаться в беде. Она всегда была готова пойти к больному и даже ухаживать за больным как сиделка. До сегодняшнего дня я помню, как она ходила от постели одного заболевшего к постели другого с книгой в руке, читая им благочестивые утешительные советы.

Моя мать имела большое влияние на Сеида Саида, который редко отказывался исполнить ее желания, хотя большая часть ее просьб была о других. И когда она приходила увидеться с ним, он вставал и делал шаг ей навстречу, а это был очень заметный знак отличия. Имея от природы мягкий и спокойный характер, она отличалась скромностью и во всех делах вела себя честно и открыто. Выдающимся умом она не отличалась, зато шила с изумительным мастерством. Для меня она была нежной любящей матерью, что, однако, не мешало ей сурово наказывать меня, когда я этого заслуживала. В Бет-иль-Мтони у нее было много друзей, а это редкость для женщины из арабского дома. Никто не мог бы сильнее верить в Бога. Я вспоминаю пожар, который случился в конюшнях в одну из лунных ночей, когда мой отец был в городе со своей свитой. При ложной тревоге, когда

сообщили, будто бы наш дом загорелся, моя мать взяла под одну руку меня, а под другую свой большой Коран и выбежала из двери. В момент опасности ее больше ничто не интересовало.

Насколько я помню, мой отец, которого называли Сеид или султан, имел, с тех пор как я родилась, только одну главную жену. Остальных, младших жен, которых, когда он умер, насчитывалось семьдесят пять, он покупал время от времени. Его главная жена Азза бинт-Сеф, из семьи монархов Омана, была в его доме абсолютной владычицей. Хотя рост у нее был маленький и внешность неприметная, она имела над своим мужем необыкновенную власть, султан охотно соглашался со всеми ее замыслами. По отношению к другим женам Сеида и к его детям она вела себя властно, высокомерно и придирчиво; счастье еще, что у нее не было своих детей, иначе ее тирания наверняка была бы невыносимой. Все дети моего отца – а их было тридцать шесть, когда он умер, – родились от младших жен, поэтому мы все были равны, и не нужно было поднимать вопрос о том, кто выше родом.

Эту главную жену, к которой надо было обращаться «ваше высочество» (по-арабски это звучит Сеид, а на суахили Биби), ненавидели и боялись молодые и старики, высшие и низшие, и не любил никто. До сегодняшнего дня я помню, как сурово и чопорно она проходила мимо всех, очень редко улыбаясь или роняя хотя бы слово. Насколько отличался от нее наш добрый отец! Он всегда находил теплое приветствие для любого, кто бы это ни был – знатный человек или простой подчиненный. Но моя высокородная и могущественная мачеха знала, как держаться на высоте своего положения, и никто никогда не смел приблизиться к ней без специального приглашения. Я никогда не видела, чтобы она выходила куда-либо без большой свиты, кроме тех случаев, когда она шла вместе с султаном в их баню, предназначенную только для их пользования. Внутри дворца любой, кто встречал ее, чувствовал тот священный трепет, который здесь испытывает рядовой солдат в присутствии генерала. Таким образом, все без труда чувствовали, как высоко она себя ставит. Правда, в общем и целом это не очень нарушало очарование жизни в Бет-иль-Мтони. Обычай требовал, чтобы все мои братья и сестры каждое утро приходили к ней пожелать ей доброго утра, но мы чувствовали к ней такое отвращение, что почти не было случая, чтобы кто-то из нас пришел к ней до завтрака, который подавали в ее покоях, и она теряла значительную часть того почтения к себе, которое так любила внушать.

Некоторые из моих старших братьев и сестер по возрасту годились мне в деды и бабки, а у одной из моих сестер был сын с седой бородой. В нашем доме не оказывали предпочтения

сыновьям перед дочерьми, как воображают немцы. Я не знаю ни одного случая, когда отец или мать заботились бы о сыне больше, чем о дочери, только потому, что он – сын. Это ошибочное мнение. Хотя закон дает детям мужского пола некоторые привилегии и преимущества, например при распределении наследства, в доме обращаются с детьми одинаково. Вполне естественно и очень по-человечески, что иногда одного ребенка предпочитают другому, и в Германии, и в далекой южной стране, хотя это предпочтение может не быть явным. Так было и у моего отца, только по воле случая его любимыми детьми были не мальчики, а две из моих сестер – Шарифе и Холе. Однажды мой младший брат-непоседа Хамдан – нам обоим тогда было около девяти лет – случайно попал мне в бок стрелой. Правда, не причинив мне большого вреда. Когда об этом деле стало известно моему отцу, он сказал: «Салама, пришли Хамдана сюда» – и так отругал моего обидчика, что у того потом много дней не проходил звон в ушах.

Самым приятным местом в Бет-иль-Мтони было *бенджиле* – большая круглая открытая постройка поблизости от моря, перед главным зданием; в ней можно было бы устраивать балы, если бы у нашего народа был такой обычай. Это бенджиле было немного похоже на карусель, потому что его крыша тоже была круглой. Крыша в форме шатра, пол и балюстрады – все это было из окрашенного дерева. Здесь мой дорогой отец имел обыкновение часами ходить вперед и назад, склонив голову и погрузившись в глубокие размышления. Он немного прихрамывал: во время одного из сражений пуля попала ему в бедро, осталась там навсегда, мешала ему ходить и иногда причиняла боль. По всему бенджиле были расставлены плетенные из тростника стулья – их было очень много, я уверена, что несколько дюжин, – но, кроме них и огромного телескопа, которым могли пользоваться все, там не было ничего. Вид с этой нашей круглой смотровой площадки был великолепный. Султан имел привычку два или три раза в день пить там кофе с Аззой бинт-Сеф и всеми своими взрослыми отпрысками. Любой, кто хотел поговорить с моим отцом наедине, мог в определенные часы найти его в этом месте. Напротив бенджиле круглый год стоял на якоре военный корабль «Иль-Рамани», задачей которого было каждый день будить нас выстрелом из пушки в месяц поста и поставлять гребцов на шлюпки, которыми мы очень часто пользовались. Перед бенджиле стояла высокая мачта для поднятия сигнальных флажков, означавших приказ нужным шлюпкам и матросам прибыть к берегу.

Что касается нашей кухни, то и в Бет-иль-Мтони, и в Бет-иль-

Сахель преобладали арабские и персидские, а также турецкие кушанья, потому что в обоих жилищах жили люди разных рас. Среди них были в полной мере представлены и чарующая красота, и другая крайность. Нам была разрешена только арабская одежда, а чернокожие носили одежду народа суахили. Если черкешенка приезжала в своей развевающейся одежде или абиссинка в своих причудливых драпировках, и та и другая были обязаны в течение трех дней сменить одежду. Так же как в Германии каждая приличная женщина считает обязательными дополнениями к одежде шляпу и перчатки, на Востоке совершенно необходимо носить украшения. Это требование так строго, что украшения можно увидеть даже на нищенках, когда те просят подаяние.

В своем занзибарском дворце и в своем оманском дворце, который находился в Маскате, мой отец имел сокровищницы, полные испанских золотых монет, английских гиней и французских луидоров, но там были также все виды ювелирных и подобных им драгоценных женских украшений, от простейших безделушек до диадем, украшенных алмазами; все это было приобретено для того, чтобы быть подаренным. Каждый раз, когда в семье случалось прибавление благодаря покупке еще одной младшей жены или – очень часто – рождению нового принца или принцессы, дверь сокровищницы открывалась, чтобы новый член семьи мог получить достойные дары соответственно его или ее званию и положению. Если рождался ребенок, султан обычно посещал мать и малыша на седьмой день после рождения и тогда приносил украшения для младенца. Новоприбывшая младшая жена также получала в подарок подходящие для нее драгоценности вскоре после того, как ее покупали, и тогда же главный евнух назначал ей слуг из числа дворцовой прислуги.

Хотя сам отец жил очень просто, он был требовательным к своим домашним. Никто из нас – начиная самым старшим из детей и кончая самым младшим евнухом – не должен был появляться перед ним иначе чем в полном наряде. Мы, маленькие девочки, заплетали свои волосы во множество тонких косичек, которых иногда бывало целых двадцать. Их концы связывались вместе, и из середины свисало на спину массивное золотое украшение. Или же к каждой косичке подвешивалась маленькая золотая медаль с благочестивой надписью; эта прическа была гораздо привлекательнее. Когда мы ложились спать, с нас снимали только эти украшения, а утром надевали их снова. Пока мы, девочки, не выросли настолько, чтобы ходить под покрывалом, мы носили челки – такие, какие сейчас модны в Германии. Однажды утром я тайком убежала, не позволив

причесать свою челку, и пошла к отцу за французскими леденцами, которые он каждое утро давал своим детям. Но вместо того чтобы получить ожидаемые сладости, я была выведена из комнаты оттого, что пришла не полностью готовой к выходу, и слуга отвел меня обратно на то место, с которого я сбежала. С тех пор я очень следила за тем, чтобы никогда не появляться на глазах у отца не будучи при полном параде.

Близкими подругами моей матери считались две из младших жен, которые были, как и она, черкешенками и привезены из того же округа, что и она. А у одной из этих моих черкесских мачех были двое детей, дочь Хадуджи и сын Маджид, младше дочери. Их мать договорилась с моей, что та, которая переживет другую, будет заботиться о детях обеих. Но когда Хадуджи и Маджид похоронили свою мать, они были уже достаточно взрослыми, чтобы обойтись без помощи моей. В нашей семье мальчики обычно оставались под опекой матери до восемнадцати или двадцати лет, а когда принц достигал этого возраста, то объявляли, что он стал совершеннолетним, то есть его официальное совершеннолетие наступало раньше или позже, в зависимости от того, хорошо или плохо он себя вел. После этого он считался взрослым, чего на Занзибаре желают так же горячо, как в любой другой стране. Тогда же ему преподносят в дар дом, слуг, лошадей и прочее, не считая щедрого денежного содержания, которое выплачивают раз в месяц.

Так и мой брат Маджид достиг совершеннолетия, которое заслужил больше своим характером, чем возрастом. Он был сама скромность и покорил все сердца своими очаровательными манерами и обаянием. Ни одной недели не проходило без того, чтобы он не приехал на коне в Бет-иль-Мтони (он так же, как его покойная мать, жил в Бет-иль-Сахеле). Хотя он был старше меня примерно на двенадцать лет, он играл со мной так, словно мы были ровесниками.

Однажды он приехал с радостным известием, что отец объявил его совершеннолетним, дал ему независимое положение и предоставил собственный дом. И Маджид стал очень настойчиво упрашивать мою мать переехать вместе со мной жить к нему, на новое место. Сообщение об этом же прислала и Хадуджи. На эту горячую просьбу моя мать возразила, что не может ответить «да» без согласия султана, и сказала, что сперва должна посоветоваться с ним, что же касается ее самой, она бы охотно стала жить у Маджида и Хадуджи, если они этого желают. Но Маджид предложил моей матери избавить ее от этой заботы: он сам попросит разрешения у султана. И действительно, на следующий день – случилось так, что мой отец был тогда в Бет-

иль-Сахеле, – он принес нам такое желанное разрешение. Так было принято решение о нашем переезде. После долгого разговора моей матери с Маджидом наш отъезд был отложен на несколько дней, чтобы за это время он и Хадуджи успели сделать все необходимые приготовления.

Глава 2
Бет-иль-Ваторо

Вера мусульман в предопределение. – Подарки при отъезде. – Короткая поездка на государственном катере. – Бет-иль-Ваторо. – Арабская мебель и украшения арабских домов. – Тоска по прежнему дому. – Бойцовые петухи Маджида. – Достижения амазонки. – Устные и письменные сообщения. – Высокомерие Хадуджи.

В конечном счете эти перемены не были легкими для моей матери. Она была очень привязана к Бет-иль-Мтони, потому что провела в нем большую часть своей жизни. Кроме того, она не любила ничего нового. Но – как она позже сказала мне – мысль, что она, возможно, будет в силах чем-то помочь детям подруги, оказалась сильнее личных склонностей. Как только стало известно, что она решила переехать, со всех сторон зазвучало жалобно: «Джилфидан (это было имя моей дорогой матери), разве ваше сердце закрыто для нас, что вы покидаете нас навсегда?» – «Ах, мои друзья, – отвечала она. – Я покидаю вас не по своей воле, мой отъезд был предопределен свыше». Нет сомнения, что некоторые читатели мысленно посмотрят на меня с жалостью или пожмут плечами из-за того, что я говорю «предопределено». Возможно, эти люди до сих пор закрывали свои глаза и уши перед волей Бога, отвергая проявления Его Божественного присутствия в мире и давая все на полную волю случая. Нужно, конечно, отметить, что я родилась в мусульманской вере и в ней была воспитана. Более того, я рассказываю об арабской жизни и об арабской семье, где – если это настоящая арабская семья – были совершенно неизвестны две вещи: слово «шанс» и материализм. Мусульманин признает Бога не только своим создателем и хранителем, но и ясно осознает, что Господь присутствует везде; он верит, что всеми делами, большими и малыми, должна править не его собственная воля, а воля Господа.

Несколько дней были потрачены на приготовления, а потом мы ждали возвращения Маджида, который должен был сам руководить нашим переездом. Я особенно жалела, что расстаюсь с тремя товарищами по играм – двумя из своих сестер и одним из братьев, которые были почти одного со мной возраста. С другой стороны, я очень радовалась, что прощаюсь с нашей новой суровой учительницей. Из-за нашего будущего отъезда наши комнаты были похожи на большой пчелиный улей. Все приносили

нам – каждый соответственно обстоятельствам своей жизни и силе привязанности к нам – приносили нам прощальные подарки: там это очень популярный обычай. Ничто не заставит араба оставить уезжающего друга без подарка, каким бы мелким ни был тот дар, который он способен преподнести. Я вспоминаю один случай в этом роде. Однажды – я тогда была совсем маленькой девочкой – мы побывали на плантации и собирались возвращаться на лодках домой, в Бет-иль-Мтони. Вдруг я почувствовала, что кто-то слегка дернул меня за рукав, повернулась и увидела маленькую старую негритянку. Она подала мне что-то, завернутое в листья банана, и сказала: «Это вам, хозяйка, в честь вашего отъезда. Это первый созревший плод с моего поля». Я быстро развернула листья и обнаружила внутри только что сорванный початок кукурузы. Я не знала эту старую негритянку, но позже мне стало известно, что она долгое время была любимицей моей матери.

Наконец приехал Маджид и объявил, что капитан «Иль-Рамани» получил приказ прислать завтра вечером катер для нас и еще одну лодку для наших вещей и тех, кто будет нас сопровождать. Случилось так, что в день, когда мы должны были уехать, мой отец был в Бет-иль-Мтони, и мы отправились в бенджиле, рассчитывая найти его там. Он задумчиво шагал вперед и назад, но, увидев мою мать, пошел к ней навстречу. Вскоре они уже увлеченно разговаривали о нашей поездке, а тем временем султан приказал одному из евнухов принести мне леденцы и шербет – вероятно, чтобы прекратить мои непрерывные вопросы. Как легко можно предположить, я ужасно волновалась, и мне было неимоверно интересно, какой у нас новый дом и вообще все, что касалось жизни в городе. До этого я была в городе всего один раз и очень недолго, поэтому меня ждало знакомство со многими братьями, сестрами и мачехами. Мы, разумеется, направились в комнаты высокородной и могущественной Аззы бинт-Сеф, и она милостиво соизволила проститься с нами стоя, что было, так сказать, уступкой с ее стороны, поскольку обычно она принимала и отпускала посетителей сидя. Моя мать и я получили привилегию прикоснуться губами к ее изящной ладони – и навсегда повернуться спиной к этой госпоже. Затем мы ходили вверх и вниз по лестницам, прощаясь с друзьями, но из них лишь половина была дома, поэтому моя мать решила вернуться в ближайший час молитвы, когда она обязательно должна была увидеть их всех.

В семь часов вечера перед бенджиле появился наш большой катер, которым пользовались только в особых случаях. Им

управляли, как я помню, двенадцать матросов, на корме висел простой, без узоров или символов, темно-красный флаг – наш знак, и другой такой же висел на носу. Задняя часть корабля была накрыта широким навесом, под которым лежали шелковые подушки, кажется для десяти человек. Старый Джохар, доверенный евнух моего отца, пришел сообщить нам, что все готово; он и еще один евнух получили приказ сопровождать нас от султана, смотревшего на нас из бенджиле.

Наши друзья со слезами на глазах проводили нас до двери, и их печальное: «Веда! Веда!» («До свидания! До свидания!») до сегодняшнего дня звучит в моих ушах.

Возле берега у нас неглубоко, и поэтому не было ни одного места, где мы могли бы пристать к нему. Но существовало три способа добраться до лодки. Можно было сесть в кресло, которое несли крепкие телом матросы; можно было влезть одному из них на спину или просто пройти над водой по доске от сухого песка до борта судна. Моя мать выбрала этот третий способ, только с каждой стороны ее поддерживал шедший вброд по мелководью евнух. Еще один евнух перенес меня и опустил на корму рядом с матерью и старым Джохаром. Катер был освещен разноцветными фонарями, и, как только мы отплыли, гребцы, по арабскому обычаю, запели медленную ритмичную песню. Мы, как обычно, плыли вдоль берега, и тут я мгновенно уснула. Меня разбудили звуки: много голосов кричали мое имя. Я испугалась и с изумлением увидела, хотя все еще находясь в полусне, что мы подплываем к месту назначения. Корабль остановился почти под окнами Бет-иль-Сахеля; они были ярко освещены и полны зрителей – в основном моих незнакомых братьев, сестер и мачех. Некоторые из детей были моложе меня, и они так же сильно хотели познакомиться со мной, как я с ними. Это они так громко звали меня, когда появился долгожданный катер. Мы сошли на берег таким же образом, как поднялись на борт. Мои маленькие братья приветствовали меня более чем горячо и стали настаивать, чтобы мы сразу же пошли вместе с ними, но моя мать, конечно, отказалась это сделать, потому что такая задержка огорчила бы Хадуджи, которая уже ждала у окна своего дома. Я уверена, что достаточно сильно опечалилась оттого, что мне не позволили сейчас же пойти к братьям и сестрам, раз я долго предвкушала эту счастливую минуту, но я достаточно хорошо знала свою мать и понимала, что, приняв решение, она его не изменит. Несмотря на свою ни с чем не сравнимую по самоотверженности любовь ко мне, она всегда была твердой в своих решениях. Пока же она утешила меня обещанием взять меня в Бет-иль-Сахель на целый день после того, как мой отец вернется туда.

И мы отправились дальше – в Бет-иль-Ваторо, дом Маджида, который находился близко от Бет-иль-Сахеля и из которого тоже открывался прекрасный вид на море; у подножия лестницы мы увидели мою сестру Хадуджи, которая ждала нас там. Она очень радушно поздравила нас с приездом в Бет-иль-Ваторо и провела нас в свои комнаты, куда служанка вскоре принесла нам всевозможные освежающие напитки и закуски. Маджид и его друзья оставались в прихожей, поскольку им не разрешалось войти, пока Хадуджи, по просьбе моей матери, не прислала им разрешение. И в каком восторге был наш великолепный и благородный Маджид оттого, что может приветствовать меня и мою мать в своем доме!

Наша комната была просторной, и из нее была видна соседняя мечеть. Обстановка в ней была такая же, как в большинстве арабских комнат, и мы не имели ни в чем недостатка. Одной комнаты нам хватало: поскольку там человек носит ночью такую же одежду, как днем, то люди знатные, со своей почти болезненной чистоплотностью, легко могут обойтись очень скромными условиями для сна. Люди богатые и занимающие высокое место в обществе обустраивают свои жилища примерно так.

Пол покрыт персидскими коврами или изящно сплетенными мягкими циновками. Толстые побеленные стены делятся на ячейки, расположенные вертикально от пола до потолка, и в этих нишах находятся устроенные один над другим ряды деревянных полок, окрашенных в зеленый цвет и имеющих форму скобы. На этих полках стоят в симметричном порядке самые изящные и дорогие по цене вещи из стекла и фарфора. Араб не считает, сколько он потратил на украшение ниш своего дома; сколько бы ни стоили красиво расписанное блюдо или сделанная со вкусом ваза или стеклянная вещь изящной формы, если они смотрятся красиво, он покупает их. Голые участки стены между ячейками стараются скрыть от глаз. На них вешают высокие зеркала, которые поднимаются от низкого дивана до потолка; их обычно заказывают в Европе, точно указывая размеры. Магометане осуждают картины как попытки повторить творение Бога, но в последние годы этот запрет в какой-то степени ослаб. А вот часы в большой моде, и в одном доме часто можно увидеть их целую коллекцию; некоторые из них находятся на верху зеркал, а некоторые стоят парами по бокам от зеркал.

В комнатах мужчин стены украшены добытым в бою или полученным как награда ценным оружием из Аравии, Персии и Турции, которым каждый араб украшает свое жилище в той степени, как ему позволяют положение в обществе и богатство.

Большая двуспальная кровать из розового дерева, украшенная чудесной резьбой – работой мастеров из Восточной Индии, стоит в углу, полностью закрытая белым тюлем или муслином. У арабских кроватей очень высокие ножки, и, чтобы было удобнее улечься в такую постель, надо сначала встать на подставку или использовать вместо ступеньки ладонь горничной. Места под кроватями часто тоже используют для сна – например, там спят няньки детей и больные. Столы встречаются редко, и их имеют только самые знатные люди, а вот стулья широко распространены и многочисленны. Платяные и посудные шкафы и подобная мебель арабам незнакомы, но можно обнаружить нечто вроде сундука с двумя или тремя ящиками и кроме них – тайником для денег и драгоценностей. Эти сундуки, которых бывает по нескольку в каждой комнате, крупные и массивные, и обиты сотнями маленьких гвоздей, медные головки которых образуют узоры на поверхности сундука. Окна и двери мы держим открытыми весь день и никогда не закрываем окна полностью, разве что на короткое время, когда идет дождь. Поэтому фраза «Я чувствую сквозняк» в той стране неизвестна.

Сначала мой новый дом мне совершенно не нравился. Я слишком сильно скучала по своим маленьким братьям и сестрам, и когда я думала об огромном Бет-иль-Мтони, то Бет-иль-Ваторо казался мне переполненным людьми и очень тесным. В первые дни я постоянно спрашивала себя: «Я что, буду жить тут всегда и должна пускать мои кораблики в тазике для умывания?» Здесь не было реки Мтони, и воду приходилось брать из колодца, который был за пределами дома. Когда моя добрая мать, которая была бы рада раздарить все, что имела, посоветовала мне подарить братьям и сестрам, остававшимся в Бет-иль-Мтони, мои красивые игрушечные кораблики, которые я так любила, я не захотела и слышать об этом. Короче говоря, я узнала чувства, которых до этого не испытывала, – чувство большого несчастья и глубокое горе. Но моя мать была в своей стихии. Вместе с Хадуджи она весь день была занята планированием и выполнением домашних дел, поэтому я очень мало видела ее. Больше всех мне уделял внимание Маджид. На следующий день после нашего приезда он взял меня за руку и показал мне все свое хозяйство, от верха до низа. Только я не увидела ничего, чем можно восхищаться; правду говоря, я даже горячо умоляла мою мать как можно скорее вернуться вместе со мной в Бет-иль-Мтони, к моим привычным товарищам для игр. Об этом, конечно, не могло быть и речи, в особенности потому, что она действительно была полезна на своем новом месте.

Я с радостью обнаружила, что Маджид – любитель животных

и держит у себя очень много их разновидностей. Его белые кролики вызывали страх и беспокойство у моей матери и Хадуджи, потому что разрушали новый дом. У Маджида были также боевые петухи со всех концов мира; такой богатой коллекции я не видела ни в одном зоологическом саду. И у меня возникла привычка сопровождать Маджида каждый раз, когда он бывал у этих своих любимцев, а он добросердечно разрешал мне разделять его забавы. Прошло не очень много времени, и я, благодаря его доброте, стала владелицей целой армии боевых петухов, что позволяло мне гораздо легче переносить одиночество в Бет-иль-Ваторо. Почти каждый день мы устраивали смотр нашим лучшим бойцам: рабы проводили их перед нами и уносили прочь. Бой петухов – что угодно, только не скучное занятие; он полностью поглощает внимание зрителя, а все зрелище в целом поучительно, а иногда и забавно.

Позже Маджид научил меня сражаться мечом, кинжалом и копьем, а когда мы вместе уезжали за город, то упражнялись в стрельбе из пистолета и ружья. Так я превратилась во что-то вроде амазонки, к ужасу моей матери, которая была категорически против фехтования и стрельбы. Однако эти новые занятия в сочетании с полной свободой: новую учительницу мне еще не нашли – быстро улучшили мое настроение, так что мое отвращение к Бет-иль-Ваторо и одиночеству в нем стало слабеть. Я не пренебрегала и верховой ездой: евнух Месрур получил от Маджида приказ закончить обучение, которое он начал. Как я уже говорила, у моей матери было мало времени для меня, потому что ею полностью завладела Хадуджи. В результате я постепенно привязалась к одной достойной доверия абиссинке. Ее звали Нурен, и от нее я немного научилась абиссинскому языку, хотя давно уже совсем забыла его.

Мы постоянно поддерживали связь с Бет-иль-Мтони, где наши друзья принимали нас в высшей степени тепло и гостеприимно. В других случаях мы связывались с ними с помощью устных сообщений, которые передавали рабы. Люди на Востоке без труда обмениваются новостями, даже если не умеют писать. Там каждый богатый и занимающий высокое положение человек имеет нескольких рабов, хороших бегунов, которые служат специально для передачи сообщений. Такой гонец-скороход должен быть способен пробегать за день огромное расстояние, но с ним обращаются необыкновенно хорошо, и о нем хорошо заботятся. Поскольку ему доверяют самые конфиденциальные сведения, от его умения молчать и честности может зависеть благополучие его хозяев и даже больше. Случается, что такой гонец ради мести разрушает дружбу, которая длилась целую

жизнь. Но мало тех, кого это побуждает научиться писать и потом до конца жизни уже не зависеть от своих рабов. Нигде слово «беззаботный» не имеет более глубокого смысла, чем в нашей стране.

Моя сестра Хадуджи чрезвычайно любила общество гостей, поэтому Бет-иль-Ваторо часто был больше всего похож на голубятню. Редко выпадал хотя бы один день за неделю, когда этот дом не был полон посетителей с шести часов утра до двенадцати ночи. Гостей, которые приходили в шесть утра и собирались остаться на весь день, встречали слуги, которые проводили их в специальные комнаты, где гости ждали до восьми или девяти часов, пока их не принимала хозяйка дома. Время между своим приходом и официальным приемом эти дамы-гостьи использовали, наверстывая упущенные часы сна в уже упомянутой комнате.

Хотя я и Маджид были очень привязаны друг к другу, я была не в состоянии так же полюбить Хадуджи. Властная и любившая находить недостатки у других, она сильно отличалась характером от своего брата, и не одна я замечала их несходство: каждый, кто был знаком с обоими, прекрасно чувствовал, кто из двоих более приветлив и любезен. Она имела склонность держаться с незнакомыми людьми очень холодно, даже оскорбительно для них и этим приобретала себе врагов вместо друзей. Все новое или иностранное внушало ей сильное отвращение. Несмотря на свое прославленное гостеприимство, она чувствовала себя очень неудобно, если какая-нибудь европейская дама просила доложить ей о себе, хотя этот визит продолжался бы полчаса или, самое больше, три четверти часа. Я должна признать, что она была хорошей, умной хозяйкой дома и едва ли оставалась без дела хотя бы на мгновение; если у нее оказывалось сколько-нибудь свободного времени, она начинала шить или вышивать одежду для младших детей своих рабов так же старательно, как в другое время работала над рубахами моего брата Маджида. Я помню, трое из этих детей были очаровательные маленькие мальчики, отец которых служил у нас архитектором. Они были на несколько лет моложе меня, но, поскольку у меня не было товарищей-ровесников, они стали моими постоянными товарищами в играх до тех пор, пока я, наконец, не познакомилась с моими остальными братьями и сестрами из Бет-иль-Сахеля.

Глава 3
Бет-иль-Сахель

Неуступчивый привратник. – Обаяние Холе. – Веранда в Бет-иль-Сахеле. – Жизнь во дворе. – Мясная лавка, кухня и кладовая вне дома. – Любовь арабов к своим лошадям. – Общественные различия за столом. – Почему Бет-иль-Сахелъ был предпочтительнее, чем Бет-иль-Мтони. – Расовая ненависть черкешенок и абиссинок друг к другу. – Куршит. – Принудительное обучение.

Наконец наступил тот день, о котором я так горячо и страстно мечтала, – день, который я должна была весь полностью провести в Бет-иль-Сахеле, куда меня обещали отвести моя мать и Хадуджи. В пятницу – мусульманское воскресенье – мы вышли из нашего дома очень рано утром, должно быть в пять или шесть часов. Нам не нужно было далеко идти, потому что до места назначения было чуть больше ста шагов. Верный, но невыносимо придирчивый старый привратник поприветствовал нас всего лишь вежливым «добро пожаловать» и пожаловался, что уже целый час простоял без отдыха на своих старых слабых ногах, отвечая посетительницам. Это был раб-нубиец, принадлежавший моему отцу, и его борода поседела на почетной службе. Я намеренно говорю «борода»: мужчины-арабы имеют привычку брить себе голову. Мой отец чувствовал к нему большую привязанность, особенно с тех пор, как этот слуга однажды спас его от поспешного поступка, о котором отец мог бы сожалеть всю жизнь, – выбил у него из руки меч, которым отец собирался ударить человека, вызвавшего его гнев. Но мы, маленькие дети, не уважали добродетели старика и, когда нам была охота озорничать и проказничать, часто позволяли себе очень скверные шутки с этим пожилым и достойным служителем. Больше всего мы любили уносить его ключи, и я думаю, что в Бет-иль-Сахеле не было ни одной комнаты, где бы они не лежали хотя бы раз, спрятанные от него. Кажется, один из моих маленьких братьев имел особый дар прятать эти ключи в таких местах, о которых не подозревали даже мы, заговорщики.

Поднявшись с первого этажа на второй, мы обнаружили, что все женщины в доме были уже на ногах и заняты делами, только особенно набожные еще читали утренние молитвы и потому были невидимы для внешнего мира. Никому не пришло бы на ум побеспокоить мусульманина или мусульманку во время молитвы

– никому, даже если бы дом загорелся.

В тот раз наш отец был одним из этих благочестивых богомольцев, и поэтому мы должны были ждать, когда он закончит свои молитвы. Время нашего посещения специально было выбрано так, чтобы он находился в Бет-иль-Сахеле, и, по правде говоря, необычное скопление народа было вызвано именно присутствием султана. Не нужно думать, что собравшиеся там дамы все были нашими подругами или знакомыми. Наоборот, некоторых мы совсем не знали. Большинство незнакомок приехали из Омана, нашей предполагаемой родины, чтобы попросить у моего отца материальной помощи, в которой он, правду говоря, редко отказывал. Наша прародина так же бедна, как наши тамошние родственники, и наше собственное процветание по-настоящему началось, когда мой отец захватил богатый остров Занзибар.

В общем случае закон запрещает женщине лично разговаривать о чем бы то ни было с посторонним мужчиной, но делает два исключения – для государя и для судьи. И вот, поскольку многие тысячи женщин совершенно не умеют писать, а потому не могут прислать свое прошение в письменном виде, таким нуждающимся женщинам остается лишь одно – прийти самой, даже если для этого нужно совершить маленькую поездку из Азии в Африку. В любом случае мой отец одаривал приходивших к нему просительниц соответственно их званию и положению в обществе, не беспокоя несчастных женщин множеством вопросов, как обычно делают в Европе. Предполагалось, что никто не придет просить помощь у других людей, как милостыню, просто ради забавы, и, смею сказать, это утверждение можно часто считать верным и в Германии.

Мои братья и сестры – и те, с кем я уже была знакома, и те, с кем не была, – все приветствовали меня очень сердечно, и сердечнее всех это сделала несравненная, навсегда дорогая для меня Холе. До этого времени вся любовь моего сердца была отдана моей милой матери, но теперь я стала поклоняться и этому светлому ангелу. Холе скоро стала для меня идеалом. Она вызывала у других огромное восхищение и была любимой дочерью Сеида Саида. Любой, кто судил о ней без пристрастия и без зависти, был вынужден признать ее необыкновенную красоту, а где найти человека, который был бы совершенно бесчувственным к очарованию красоты? По крайней мере, в Бет-иль-Сахеле не было таких мизантропов. Эта моя сестра не имела себе равных в нашей семье, можно сказать, что ее красота вошла в поговорку. Хотя прекрасные глаза на Востоке вовсе не редкость – о чем, должно быть, знают все, – ее неизменно называли

Утренней Звездой. Как-то раз один арабский вождь из Омана нанес себе рану из-за того, что слишком подпал под ее очарование. Во время военной игры, когда перед нашим домом было разыграно сражение, этот вождь увидел ее в окне и был так околдован ее красотой, что забыл обо всех и всем вокруг; поглощенный своей любовью, он вонзил кончик копья себе же в ногу и не замечал крови и не чувствовал боли, пока один из моих братьев не разбудил его от этого сладкого сна.

Бет-иль-Сахель, можно сказать, намного меньше, чем Бет-иль-Мтони, но тоже расположен у самого моря. В этом дворце есть нечто улыбчивое и приятное, что отражается на его жителях. Из всех жилых комнат Бет-иль-Сахеля открывается великолепный вид на воду и суда. Как хорошо я помню одну очаровательную сцену! Двери жилых комнат, которые все находятся в верхнем этаже, открываются на длинную широкую веранду, самую великолепную, которую я когда-либо видела. Эта веранда имеет крышу, которую поддерживают столбы, доходящие до земли, а вокруг всей веранды стоит балюстрада. Там было расставлено много стульев и висели цветные лампы, из-за которых по ночам дом казался волшебной страной. Через балюстраду можно было смотреть вниз, на двор, – самое шумное и полное движения место, какое можно себе представить, – который был связан с верхним этажом двумя широкими лестницами. Там весь день и всю ночь сновали то вниз, то вверх, то вверх, то вниз, и часто у подножия или у вершины лестниц роилась такая толпа, что до ступеней было трудно добраться.

В одном из углов этого двора резали, свежевали и потрошили туши – весь скот только для нужд обитателей дома: на Занзибаре каждый дом должен сам обеспечивать себя мясом. В другом углу сидели негры с бритыми головами, а рядом с ними лежали, растянувшись на земле, ленивые водоносы, которые не обращали ни малейшего внимания на настойчивые требования принести воды, пока мускулистый евнух не напоминал им неприятным образом об их обязанностях. Я знала, что эти медлительные господа мгновенно вскакивают на ноги и уносятся прочь как молния со своими кувшинами, стоит их грозным начальникам только нахмурить брови. Рядом с ними грелись на солнце няньки и подставляли его лучам своих маленьких питомцев, слух которых они услаждали сказками и историями. Кухня тоже была под открытым небом, и дым, как можно догадаться, свободно поднимался к небесам, поскольку дымовых труб на Занзибаре нет. В огромной толпе кухонных эльфов нормой были драки и путаница, и главные повара щедро раздавали оплеухи сварливым или медлительным негодяям и негодяйкам. На кухне Бет-иль-

Сахеля животных жарили целиком, и однажды мне довелось увидеть рыбу такого размера, что ее внесли на двор два здоровяка негра. Мелкую рыбу во дворец приносили только корзинами, а домашнюю птицу – только дюжинами. Муку, рис и сахар считали мешками, как при оптовой торговле, а сливочное масло, которое ввозили с севера, в основном с острова Сокотра, поступало в кувшинах, весивших центнер каждый. Только пряности измерялись фунтами. Еще больше изумляло количество потребляемых фруктов. Каждый день тридцать, сорок или даже пятьдесят человек приносили на спинах груды фруктов, не считая тех, которые привозили нам на лодках с плантаций, расположенных вдоль берега. Я, вероятно, не слишком преувеличу, если скажу, что Бет-иль-Сахель потреблял в день столько фруктов, сколько вмещает железнодорожный вагон; но в некоторые дни – например, во время сбора урожая манго – спрос на них был еще больше. Рабы, которым были доверены все эти фрукты, были крайне беспечны. Они, не задумываясь о последствиях, сбрасывали тяжелые корзины со своих голов на землю, и половина содержимого оказывалась побита или раздавлена.

Дворец был защищен от моря длинной стеной, толщина которой была примерно двенадцать футов, и во время отлива некоторых из наших лошадей привязывали перед этой стеной, давая им возможность нежиться, катаясь по песку. Своих чистопородных скакунов из Омана мой отец любил огромной любовью. Он регулярно осматривал их, а если один из них заболевал, отец шел на конюшню и сам убеждался, что коня лечат правильно. Как дороги сердцу арабов их любимые лошади, я могу рассказать на примере моего брата Маджида. У него была очень красивая гнедая кобыла, и он очень сильно желал, чтобы она родила жеребенка. А когда наступило время для исполнения этой надежды, он приказал, чтобы ему сразу же сообщили о рождении жеребенка, в какое бы время дня или ночи оно ни произошло. В результате однажды ночью, примерно в два часа, нас подняли с постели – действительно заставили встать, чтобы сообщить нам об этом счастливом событии. Конюх, принесший радостное известие, получил прекрасный подарок от хозяина, которого переполняла радость. И этот случай не исключение: рассказывают, что в собственно Аравии привязанность к лошадям еще сильнее.

Между половиной десятого и десятью часами мои старшие братья покидали свои комнаты и отправлялись завтракать с моим отцом. На этот завтрак не допускалась ни одна из младших жен, как бы сильно ни любил ее султан. Кроме детей и внуков – тех,

кто уже вырос из младенческих лет, – за стол допускались только главная жена Азза бинт-Сеф и ее сестра. На Востоке общественные различия нигде не соблюдаются строже, чем за столом. Хозяева обращаются со своими гостями весьма сердечно и приветливо, так же как знатные люди здесь, в Европе, или даже еще приветливей, но, когда садятся есть, исключают их из своего общества. Этот обычай такой древний, что никто не обижается. На Занзибаре у младших жен была собственная система деления на лучших и худших. Красивые и дорого стоившие черкешенки, в полной мере сознававшие, что они выше и по достоинствам, и по цене, отказывались сидеть за одним столом с коричневыми абиссинками. И, по молчаливому соглашению, женщины каждой расы за едой держались отдельно от других.

В Бет-иль-Сахеле у меня возникло впечатление, что живущие там люди гораздо веселее, чем жители Бет-иль-Мтони. Причина этого была в том, что в Бет-иль-Мтони Азза бинт-Сеф управляла, как верховная владычица, мужем, пасынками и падчерицами, их матерями – короче говоря, всеми, а в Бет-иль-Сахеле, где Азза редко появлялась, все, не исключая моего отца, чувствовали себя свободно и раскованно. И я думаю, что мой отец, должно быть, очень сильно ценил эту свободу действий, потому что много лет он никого не посылал постоянно жить в Бет-иль-Мтони, кроме тех, кто о этом просил, хотя там всегда оставались свободные комнаты, а Бет-иль-Сахель был переполнен. Перенаселенность, о которой я сейчас говорила, в конце концов стала создавать столько неудобств, что моему отцу пришла на ум мысль установить на широкой веранде деревянные павильоны, которые служили бы жилыми комнатами. В конце концов он приказал построить на берегу моря, в нескольких милях к северу от Бет-иль-Мтони еще один дом, который получил название Бет-иль-Рас (Дом на мысу) и был специально предназначен для молодежи из Бет-иль-Сахеля.

Художник нашел бы на веранде Бет-иль-Сахеля много материала для своих картин. Прежде всего – человеческие лица восьми или девяти оттенков, что художник непременно должен был бы учесть, и множество цветовых пятен и теней на одеждах этих людей, что создавало живейшие контрасты. Не меньше живости было в возне и суматохе, которые там царили. Дети всех возрастов носились по веранде, ссорились и дрались. Непрерывно звучали выстрелы или хлопки в ладоши, которыми подзывают слуг, – это заменяет привычный на Западе звонок колокольчика. Огромные и толстые деревянные сандалии женщин, иногда инкрустированные золотом или серебром, создавали мучительный шум. Мы, дети, просто наслаждались тем, как

смешивались на веранде языки разных народов. Полагалось говорить только по-арабски, и в присутствии султана это правило всегда соблюдалось; но как только султан отворачивался, начиналось вавилонское столпотворение – персидский, турецкий, черкесский, суахили, нубийский, абиссинский языки, не говоря о диалектах. Однако в этом общем шуме участвовали все; исключением бывали только больные, и то лишь иногда, поэтому наш дорогой отец полностью привык к нему и никогда даже в малой степени не возражал против него.

Именно на этой веранде собрались сестры в день моего прихода в гости. Они были празднично одеты в честь нашего посещения и прихода Сеида Саида. Их матери ходили вперед и назад или стояли группами. Они разговаривали, смеялись и шутили так оживленно, что человек, не знающий страну, никогда бы не принял их за жен одного и того же мужчины. На лестнице раздавался звон – звенело оружие моих братьев, которые тоже пришли, чтобы увидеться со своим отцом, а на деле – чтобы провести с ним целый день.

Здесь было больше роскоши и причуд, чем в Бет-иль-Мтони, и я обнаружила, что женщины здесь красивее, чем там, где моя мать была почти единственной черкешенкой: кроме нее, была еще одна. Здесь же большинство жен султана были черкешенками, а внешность черкесских женщин, несомненно, более изящная, чем у абиссинок, хотя и среди них тоже можно увидеть настоящих красавиц. Конечно, эти природные преимущества вызывали у другой стороны ненависть и злобу. Черкешенку, имевшую благородные манеры, начинали сторониться, а то и ненавидеть, хотя она ничем не выделялась среди шоколадных абиссинок, кроме того, что выглядела величаво. При таких обстоятельствах было естественно, что глупая, обидная расовая ненависть проявлялась и у детей. Абиссинская женщина, несмотря на все свои хорошие качества, обычно отличается злорадством и мстительностью, а когда выходит из себя, то переходит границы не только умеренности, но и приличий. Мы, дочери матерей-черкешенок, получили от наших сестер, имевших в жилах абиссинскую кровь, прозвище «кошки», потому что некоторые из нас, на свое несчастье, имели голубые глаза. Еще они язвительно обращались к нам «ваше высочество», давая нам еще одно доказательство своего возмущения тем, что мы появились на свет с белой кожей. Моему отцу они не прощали того, что он избрал в свои любимцы двух дочерей, Шарифе и Холе, из ненавистного им племени «кошек».

Жизнь в Бет-иль-Мтони под гнетом Аззы бинт-Сеф всегда была более или менее уединенной, в Бет-иль-Ваторо я

чувствовала себя еще более одинокой. По этой причине я тем более любила веселье и движение Бет-иль-Сахеля. Две мои маленькие племянницы, дочери брата Халеда, каждый день приходили из своего дома в Бет-иль-Сахеле (их приводили утром и уводили обратно вечером), чтобы делать уроки вместе со своими маленькими дядями и тетями, а потом играть с ними. Куршит, мать Халеда, черкешенка по происхождению, была очень необычной женщиной. Она обладала телосложением героини и сочетала в себе выдающуюся силу воли с весьма развитым умом, и я не помню, чтобы мне когда-нибудь встретилась равная ей особа моего пола. Говорили, что в одном случае, когда Халед был представителем моего отца во время его отъезда, она управляла нашей страной, а остальные были только куклами в ее руках.

Без сомнения, ее советы были бесценны для нашей семьи, а решения она принимала мгновенно. Ее взгляд был таким острым и наблюдательным, что ее два глаза видели столько же, сколько сто глаз Аргуса. В важных делах она проявляла мудрость Соломона. Но мы, маленькие дети, считали ее отвратительной и с радостью обходили ее стороной.

Наконец наступил вечер, и мы начали думать о возвращении в Бет-иль-Ваторо. Вдруг, к огромному горю моей матери, мой отец объявил, что я должна продолжить учебу. В ответ на ее слова, что невозможно найти подходящую учительницу, он заявил, что меня нужно посылать в Бет-иль-Сахель каждое утро и приводить обратно вечером, как двух моих племянниц, так я буду учиться вместе с моими здешними братьями и сестрами. Для меня эта новость была в высшей степени неприятна: я была слишком подвижной для того, чтобы получать радость от длительного сидения на месте; кроме того, моя последняя учительница совершенно отбила у меня вкус к урокам. Но то, что я буду проводить вместе с братьями и сестрами почти всю неделю, кроме пятниц, мгновенно утешило меня, тем более что моя очаровательная сестра Холе предложила взять на себя заботу обо мне и смотреть за мной. И она делала это как мать. Моя настоящая мать была в ужасной печали из-за того, что приказ отца разлучал нас на шесть дней в неделю, но, разумеется, была обязана подчиниться. Однако она попросила меня несколько раз в день приходить в определенное место, откуда она могла бы видеть меня из Бет-иль-Ваторо и помахать мне рукой в знак приветствия.

Глава 4
Продолжение воспоминаний о детстве

Подростковые шалости. – Принцесса Салама влезает на пальму. – Приступ болезни у Маджида. – Семейная ссора, которая заканчивается разводом; в результате создательница мемуаров снова переезжает в другой дом. – Причуды султанши-персиянки. – Уроки каллиграфии.

Я все больше и больше любила Бет-иль-Сахель, потому что здесь нам давали гораздо больше воли, чем в Бет-иль-Мтони. К тому же находилось много возможностей для глупых шалостей, и мы их не упускали, а если нас за это наказывали, я переносила наказание легче, чем другие, благодаря величайшей доброте Холе.

У нас было несколько красивых павлинов, один из которых имел скверный опасный нрав и терпеть не мог нас, детей. Однажды, когда мы пятеро шли из Бет-иль-Сахеля в Бет-иль-Тани (дворец-пристройку к Бет-иль-Сахелю), этот павлин вдруг яростно напал на нашего брата Джемшида. Мы все сразу же бросились на это чудовище и победили его, но так сильно рассердились, что не смогли отпустить павлина, не наказав его за проступок. Поэтому мы, посовещавшись, придумали для него безобразный способ мести – вырвали у гордой птицы самые красивые перья из хвоста. Какой жалкой курицей выглядел потом этот воинственный красавец! К счастью, наш отец в тот день был в Бет-иль-Мтони, а к тому времени, как он вернулся, дело было замято.

Я вспоминаю, что к нам поселили двух черкешенок, прибывших из Египта, и что мы, дети, заметили, какой высокомерной была одна из них – правду говоря, она совершенно не обращала на нас внимания. Это задевало наше самолюбие, и потому мы пытались изобрести какой-нибудь способ проучить обидчицу. Добраться до нее было нелегко, потому что общения с детьми она избегала, а у нас никогда не было никаких дел к ней. Но это только усиливало наш гнев, в особенности потому, что она была всего на несколько лет старше нас. Однажды, проходя мимо ее комнаты, мы обнаружили, что дверь открыта. Обидчица сидела на хрупкой суахилийской кровати, которая состоит в основном из циновки и четырех ножек, к которым циновка привязана веревками. Она весело напевала какую-то народную песенку.

Зачинщицей того, что было потом, стала моя сестра Шеване: она бросила на нас многозначительный взгляд, смысл которого мы, все родственные души, поняли быстро. В следующий момент мы ворвались в комнату, схватили кровать за все четыре угла, подняли ее так высоко, как только могли, и швырнули обратно на пол, к великому ужасу и изумлению той, кто на ней сидела. Это была глупая детская шалость, но результат превзошел наши ожидания: девушка навсегда излечилась от безразличия к нам и с тех пор все время была с нами сама любезность. А значит, мы добились своей цели.

Но иногда я проказничала самостоятельно. Как-то раз, вскоре после переезда в Бет-иль-Ваторо, я чуть не сломала себе шею во время одного из таких забавных приключений. Однажды утром я убежала ото всех и взобралась на высокую кокосовую пальму – с быстротой кошки и без помощи *пингу* – прочного каната, без которого никогда не обходятся даже опытные мастера лазать по деревьям. Поднявшись до половины ствола, я стала дерзко приветствовать тех, кто проходил мимо. Как же они перепугались! Встревоженные люди собрались вокруг дерева и стали умолять меня спуститься вниз как можно осторожнее. О том, чтобы послать кого-нибудь за мной наверх, не могло быть и речи: у того, кто влезает на пальму, полностью заняты обе руки, и он не может заботиться, кроме себя, еще и о ребенке. Но я чувствовала себя замечательно и наслаждалась всем этим. И только когда моя мать позвала меня с таким отчаянием в голосе, от которого разрывалось сердце, и стала обещать мне всевозможные прекрасные подарки, если я соизволю спуститься, я в конце концов выполнила ее пожелание – неторопливо соскользнула вниз и достигла земли целая и невредимая. В тот день все меня баловали; меня просто осыпали подарками в честь моего счастливого избавления от опасности, хотя на самом деле я заслуживала хорошей порки. Мы все время устраивали какие-нибудь проделки, и никакие наказания не могли удержать нас от озорства. Нас было семь – три мальчика и четыре девочки, которые вносили оживление в дом и, увы, часто создавали неприятности для своих матерей.

Время от времени моя дорогая мать оставляла меня дома не в пятницу, а в другой день недели, и снисходительный Маджид пользовался любой такой возможностью, чтобы побаловать свою любимицу, тем самым делая из меня испорченного ребенка. И как раз в один из таких дней он ужасно испугал нас. У него часто случались судороги, и потому его редко оставляли одного – если такое вообще случалось. Даже когда он мылся, моя мать и Хадуджи, не вполне доверяя слугам, по очереди сторожили у

двери и время от времени обменивались с ним несколькими словами, а он охотно отвечал им своей любимой шуткой – кричал: «Я еще жив!» И вот однажды Хадуджи, ожидая перед дверью купальной комнаты, вдруг услышала внутри звук сильного удара. Она вошла внутри и обнаружила моего любимого брата на полу, корчащимся в судорогах от тяжелого приступа болезни – самого сильного приступа, который у него когда-либо был. Сразу же был послан гонец на коне в Бет-иль-Мтони к моему отцу с просьбой приехать.

Жители Занзибара, из-за своего невежества относительно болезней вообще, верят обманам знахарей. Теперь, когда мне знакомо то, как естественно и разумно лечат болезнь знающие свое дело врачи, у меня появилось искушение считать, что многие смерти в нашем доме случились не из-за болезней, а из-за варварских методов их лечения.

Я с трудом представляю себе, как бы мы выдерживали свое горе при многочисленных смертях в нашей семье и среди слуг, если бы нас не укрепляла нерушимая вера в нашу «судьбу». Бедный Маджид, который много часов пролежал без сознания во время припадка, был вынужден дышать таким воздухом, который был бы вреден и для самого здорового человека. Несмотря на нашу огромную любовь к вольному свежему воздуху в домах, больного, особенно при подозрении, что его посетил дьявол, строго ограждают от притока воздуха извне и сильно окуривают благовониями его комнату и весь дом.

Примерно через час после того, как с Маджидом случился припадок, султан вышел на берег из *мтумби* – так называется маленькая рыбацкая лодка, где помещается только один человек. Он поспешил в дом. Султан, хотя и был отцом более чем сорока детей, глубоко страдал сейчас от болезни одного из них. Горькие слезы текли по его щекам, когда он стоял у постели больного и громко восклицал: «О Аллах! О Аллах! Сохрани моего сына!» Так он молился без остановки. Всевышний внял его просьбе и вернул нам Маджида.

Когда моя мать спросила султана, по какой причине он приплыл на таком жалком суденышке, он ответил: «Когда прибыл гонец, на берегу не было ни одной готовой лодки, и ни одну нельзя было получить, не заказав ее заранее. А у меня не было лишнего времени, и я даже не хотел ждать, пока оседлают лошадь. Как раз в это время я увидел возле бенджиле рыбака в мтумби. Я подозвал его, схватил свое оружие, прыгнул в лодку и сейчас же отплыл».

Теперь вы должны узнать, что мтумби – это всего лишь выдолбленный ствол дерева, вмещает только одного человека и

управляют такой лодкой с помощью двух коротких весел, а не обычных длинных. Это узкая, короткая и остроносая лодка, то есть она не похожа на ту, которая известна под названием гренландское каноэ. Кроме того, в Германии, должно быть, кажется странным, что человек, тревожась о том, жив ли его сын, может думать о своем оружии. Но в разных частях мира – разные обычаи. Точно так же, как для европейца непонятна любовь араба к оружию, так и ум араба с большим трудом понимает некоторые из обычаев северян. Сейчас мне приходит на ум как пример ужасное пьянство мужчин.

Итак, я каждый день отправлялась в школу в Бет-иль-Сахель, а вечером возвращалась к матери в Бет-иль-Ваторо. В девять лет я выучила наизусть примерно треть Корана, и считалось, что я закончила школу. С этого времени я появлялась в Бет-иль-Сахеле только по пятницам – в день, когда мой отец бывал там, – вместе с моей матерью и Хадуджи.

Так мы приятно прожили в Бет-иль-Ваторо два года. Но нельзя ожидать, что хорошие времена будут долгими. Обычно какое-нибудь непредвиденное неблагоприятное обстоятельство нарушает покой человека. Так случилось и с нами.

Причиной вражды в нашем доме стала та, очаровательней и ласковей которой не могло быть ни одного существа в мире, – наша дальняя родственница Айша. Она незадолго до этого приехала на Занзибар из Омана, и здесь Маджид вскоре женился на ней. Мы все очень привязались к ней и все радовались счастью Маджида – все, кроме нашей сестры Хадуджи, которая – я должна признать это с глубоким сожалением – была совершенно несправедлива к Айше с начала до конца. Айша, как я уже говорила, была во всех смысла очаровательна; кроме того, она была очень молода. Поэтому Хадуджи была бы должна наставлять и постепенно учить ее держать себя с достоинством. Однако сестра относилась к ней с презрением и враждебностью. Свадьба Айши с Маджидом поставила Айшу на первое место в доме; однако Хадуджи держалась с ней так покровительственно, что бедная Айша, нежная душа, однажды в слезах пришла к моей матери и пожаловалась на ничем не оправданное дурное обращение. Моя мать оказалась между двух огней, ее положение стало крайне трудным и незавидным. Хадуджи не желала уступить ни одно из своих мнимых прав и продолжала смотреть на Айшу как на безответственного ребенка. Моя мать напрасно старалась поколебать заблуждения Хадуажи и заставить ее признать за женой Маджида положенное ей по закону место, напрасно она просила Хадуджи, чтобы та хотя бы ради самого Маджида берегла его, насколько могла, от любых огорчений. Все

было напрасно. Наша когда-то приятная жизнь в Бет-иль-Ваторо стала невыносимой, и для того, чтобы покинуть пристанище постоянных споров, моя мать решилась оставить дом, который так любила.

Маджид и его жена не желали даже слышать о том, чтобы она уехала, и Айша была безутешна. А вот Хадуджи осталась равнодушной, и это увеличило решимость моей матери. Айша в конце концов сама почувствовала, что больше не может терпеть давление Хадуджи, и добилась от Маджида развода. Эта бедняжка так горячо приняла к сердцу свои занзибарские несчастья, что не желала больше иметь ничего общего ни с этой страной, ни с ее жителями. При благоприятном южном ветре она отплыла на корабле обратно в Оман, где у нее недалеко от Маската, тамошней столицы, жила тетя (и отец, и мать Айши умерли). Что касается моей матери и меня, наш переезд планировался уже достаточно давно, и мы переселились в Бет-иль-Тани. Моя сестра Холе была в восторге, потому что теперь мы жили почти под одной крышей с ней, это она, по сути дела, отыскала и подготовила для нас новую комнату.

Все дома султана были так переполнены, что получить комнаты было непросто, и постепенно возникла привычка рассчитывать на то, что место освободится после чьей-нибудь смерти. До чего же противно было видеть, как какая-нибудь женщина прислушивается к кашлю другой, словно надеясь, что это чахотка. Какими бы греховными ни казались подобные мысли, причиной их, конечно, была эта теснота. Только благодаря Холе моя мать и я получили в Бет-иль-Тани отличную просторную комнату, не дожидаясь чьей-нибудь смерти. Мы теперь редко видели Хадуджи: она была оскорблена тем, что мы переехали от нее, и обвиняла мою мать в том, что та недостаточно ее любит, – можно с уверенностью сказать, что обвиняла совершенно несправедливо.

Но моя мать просто была не в состоянии выносить то, как Хадуджи притесняла девушку, которая обидела ее лишь тем, что стала женой Маджида. Однако сам Маджид продолжал приходить к нам в гости и остался одним из наших лучших друзей.

Бет-иль-Тани находился совсем рядом с Бет-иль-Сахелем и был соединен с ним мостиком, который посередине между дворцами пролегал над турецкой баней. В то время, о котором я рассказываю, в Бет-иль-Тани сохранилась лишь тень его прежнего великолепия. Когда-то на его втором этаже жила персидская принцесса по имени Шезаде. Она была одной из главных жен моего отца и была очень красива. Говорили, что она вела себя очень странно, однако сохранилась память о том, что она была

очень добра к пасынкам и падчерицам. Первый этаж занимала ее «скромная свита» – сто пятьдесят персидских всадников. В их сопровождении она выезжала на коне и охотилась среди дня, что, по представлениям арабских женщин, было уже слишком. Персидских женщин, кажется, воспитывают по-спартански; они имеют гораздо больше свободы, чем наши, но и думают, и ведут себя грубее.

Шезаде, как мне рассказывали, жила очень роскошно. Ее наряды – а одевалась она по-персидски – были буквально сверху донизу вышиты настоящими жемчужинами. Если кто-нибудь из прислуги, подметая комнаты, находил одну или несколько из них на полу, принцесса всегда отказывалась принять жемчужины обратно. Она не только безрассудно злоупотребляла щедростью султана, но и нарушала священные законы. Она вышла за моего отца ради его богатства, любя при этом другого. Однажды султан в пылу гнева едва не совершил грех убийства, но верный слуга остановил его вооруженную руку и этим спас Шезаде от смерти, а моего отца от ужасного греха, – я уже упоминала об этом выше. Оставался только развод, к счастью, их брак был бездетным. Через несколько лет, когда султан сражался против персов в Бендер-Аббасе, на берегу Персидского залива, сообщали, что среди врагов была замечена красавица Шезаде, которая целилась в членов нашей семьи.

В бывшем доме этой принцессы я стала учиться писать – самостоятельно и очень примитивным способом. Делать это, разумеется, приходилось тайком, потому что у нас женщин никогда не учат писать, и, если они хоть сколько-нибудь умеют это, они не должны показывать свое умение. Для первого урока я взяла Коран и попыталась повторить буквы на лопатке верблюда – в Занзибаре эта кость заменяет грифельную доску. Успех придал мне бодрости, и я стала быстро продвигаться вперед. Но со временем мне стало нужно, чтобы кто-нибудь позанимался со мной чистописанием, и поэтому я дала одному из наших «образованных» рабов почетнейшее поручение обучить меня письму. Каким-то образом об этом стало известно, и на меня градом посыпались возражения. Но какое мне до них было дело!

Глава 5
Особенности национального быта

Хваленая активность северных народов. – Одежда для маленьких детей. – Климат способствует покою. – Молитвы пять раз в день. – Занятия в промежутках между ними. – Жевание бетеля. – Отход ко сну. – Занзибарское меню. – Настоящий кофе.

Снова и снова меня спрашивают: «Как же люди в вашей стране умудряются существовать ничего не делая?» И этот вопрос выглядит достаточно обоснованным с точки зрения северян, которые просто не могут представить себе жизнь без труда и убеждены, что восточная женщина никогда не шевелит даже пальцем, а большую часть своего времени дремлет, запертая в гареме. Конечно, природные условия в разных частях мира различны, и это они управляют нашими представлениями о жизни, привычками и обычаями. На севере человек вынужден напрягать свои силы для того, чтобы просто жить, и напрягать их очень сильно, если желает получать удовольствие от жизни. Но южным народам повезло гораздо больше. Я снова повторяю слово «повезло», потому что бережливость – неоценимое благо для народа. Арабы, которых в книгах часто изображают как очень склонных к праздности, крайне бережливы – может быть, бережливее даже, чем китайцы. Сама природа установила, что южанин работать может, а северянин – должен. Северные народы, видимо, очень самонадеянны и смотрят на народы тропиков с гордостью и презрением, а такое настроение вовсе не достойно похвалы. В то же время жители Европы словно не видят, что их активность вынужденная; она абсолютно необходима, чтобы они не погибали сотнями тысяч. Европеец обязан работать, вот и все; поэтому он не должен превращать простую необходимость в величайшую добродетель. Разве итальянцы, испанцы и португальцы не трудятся меньше, чем англичане и немцы? А по какой причине так может быть? Просто потому, что в первых трех странах лето дольше зимы, и поэтому люди там не так сильно борются за свое существование. Холодный климат означает, что человек должен обеспечить необходимыми средствами и обезопасить себя против множества случайностей и жизненных явлений, которые совершенно неизвестны в южных странах.

Роскошь везде играет одну и ту же роль. Тот, у кого есть деньги и склонность осуществлять свои фантазии, найдет способ

сделать это, в какой бы части земного шара он ни жил. Поэтому не будем затрагивать эту тему и ограничимся реальными жизненными потребностями. Здесь, в Германии, новорожденному младенцу нужно много вещей, защищающих его хрупкую жизнь от превратностей изменчивого климата; но смуглый южный малыш лежит почти голый и сладко дремлет, освежаемый непрерывным потоком теплого воздуха. В Германии двухлетнему ребенку, кто бы ни был его отец – банкир или чернорабочий, нужны ботинки, чулки, штаны, пара смен нижнего белья, платье, пальто, перчатки, шарф, гетры, муфта и меховая шапка – разница только в качестве. А на Занзибаре принц из правящей семьи в этом возрасте носит только два предмета одежды – рубаху и шапочку. Раз так, зачем арабской матери, которой надо так мало и для себя, и для ребенка, работать так же упорно, как немецкой домохозяйке? Ей не приходится даже слышать о штопке перчаток и чулок и о всевозможных работах, которые нужно раз в неделю выполнять для европейского ребенка.

Нам незнакомо и еще одно великое правило европейских домов – день стирки. На Занзибаре мы каждый день стираем то, что нужно постирать, и через полчаса все вещи бывают уже высушены, разглажены прессом (а не утюгом) и уложены на место. Мы также обходимся без занавесок, которые, кроме того, что они создают неудобства и мешают доступу солнечного света, нужно еще поддерживать в чистоте и чинить. Восточная женщина, каким бы ни было ее положение в обществе, на удивление редко рвет свою одежду, что вполне естественно, поскольку она не так много ходит по дому, меньше бывает на улицах и имеет меньше нарядов.

Все эти обстоятельства и еще несколько других делают существование восточной женщины более терпимым и приятным, чем у европейской, если не слишком обращать внимание на положение женщин в обществе. Но для того чтобы хорошо узнать подробности их повседневной жизни, нужно прожить среди них достаточно долго. Туристы, которые проводят в этих краях лишь короткое время и, возможно, получают свои сведения от официантов в гостиницах, едва ли могут заслуживать доверия как свидетели. Европейские дамы, которые, может быть, побывали в чьем-нибудь гареме – вероятно, в Константинополе или Каире, – все же незнакомы с настоящим гаремом. Они узнали только внешний вид его парадных комнат, где отчасти скопирована европейская мода. Кроме того, природа там такая щедрая и климат такой благодатный, что человеку почти незачем беспокоиться о завтрашнем дне. Я не отрицаю, что на Востоке люди склонны к беспечности, но вспомните жару немецких июля

и августа, и вы сможете представить себе, как действует на людей тропическое солнце.

У арабов нет склонности к торговле или промышленному труду; их мало что интересует, кроме войны и земледелия. Мало кто из арабов обучается какому-то определенному занятию или ремеслу. Торговцы они посредственные – видимо, у них нет семитской деловой хватки. Бережливость арабов позволяет им легко сводить концы с концами, араб, как правило, думает только о том, что происходит сейчас. Он никогда не строит планов на далекое будущее, поскольку знает, что любой день может оказаться для него последним. Так, легко и гладко, течет жизнь восточного человека. Однако я сейчас описываю только жизнь на Занзибаре и в Омане, а они во многом отличаются от других восточных стран.

День мусульманина регулируется – если только это не сказано слишком сильно – религиозными обрядами. Пять раз в день мусульманин преклоняет колени перед Богом, и, если он проделывает все входящие в обряд омовения и переодевания в строгом соответствии с правилами Писания, на это уходит полностью три часа. Богатые люди просыпаются между четырьмя часами и половиной шестого утра для первой молитвы и после нее возвращаются в постель, но простые люди начинают с первой молитвы свой трудовой день. В нашем доме, где сотни жителей пытались поступать каждый согласно своим вкусам, было трудно следовать жестко установленным правилам, хотя две главные еды и молитвы в какой-то степени обеспечивали в нем систематический порядок. Большинство из нас после первой молитвы продолжали спать до восьми часов – времени, когда женщин и детей будили нежно и приятно растиравшие их тело руки служанки. Ванна, наполненная свежей водой, была уже готова, готова была и наша одежда, которую накануне вечером посыпали цветами жасмина или апельсина, а теперь надушили амброй и мускусом. Нигде в мире прохладную ванну не принимают чаще и не ценят больше, чем на Востоке. Одевшись, что обычно занимало час, мы все шли повидаться с нашим отцом и пожелать ему доброго утра, а потом позавтракать. К завтраку нас звал барабан, но, поскольку стол уже был полностью накрыт заранее, на еду уходило гораздо меньше времени, чем нужно при европейском способе.

Только тогда по-настоящему начинались дневные дела. Мужчины приводили свой вид в соответствие для приемной комнаты, а дамы – те, которые не были обязаны работать, – садились у своих окон и начинали смотреть на то, что происходит на улице внизу, и ловить взгляды, которые могли быть украдкой

брошены на них. Это было большим развлечением; только иногда осторожная мать или тетка ласковыми уговорами убеждала дочь или племянницу уйти с ее наблюдательной позиции. Так быстро пролетали два или три часа. В это время мужчины ходили в гости друг к другу, а дамы посылали служанок, чтобы договориться о вечерних визитах. Те же, кто был расположен остаться дома, переходили в свои просторные комнаты, где, в одиночку или маленькими группами, занимались шитьем: вышивали себе покрывала, рубахи или шаровары золотой нитью или рубаху для мужа, сына или брата – красным или белым шелком, для чего было необходимо большое мастерство. Остальные читали, посещали больных или здоровых подруг в их комнатах или занимались еще какими-нибудь своими делами. К этому времени наступало уже час дня. Служанки приходили к нам, чтобы напомнить о второй молитве. Солнце в это время находилось в зените, так что все были рады начать первую половину дня в тонкой прохладной одежде на мягком, красиво сотканном коврике, который украшен благочестивыми надписями. Потом мы то дремали, то болтали, то откусывали немного от фрукта или пирожка и так очень приятно проводили время до четырех часов дня. В четыре часа мы молились в третий раз, затем одевались более нарядно и снова появлялись перед султаном, чтобы пожелать ему доброго дня. Взрослым детям разрешалось называть его «отец», но малыши и их матери должны были обращаться к нему «государь».

Наступало время для второй и последней за день трапезы, за которой собиралась вся семья. После нее евнухи выносили на широкую веранду европейские стулья, но только для взрослых, а маленькие дети должны были стоять в знак уважения к старшим: нигде не почитают старших годами больше, чем на Востоке. Семья собиралась вокруг султана, а на заднем плане выстраивались в ряд красивые, хорошо вооруженные евнухи. Нам подавали кофе и освежающие напитки. Беседу сопровождали звуки громадного органа, самого большого, который я когда-либо видела. Для разнообразия могли завести одну из больших музыкальных шкатулок или приказывали петь слепой арабской девушке по имени Амра, которая была одарена чудесным голосом.

Примерно через полтора часа семья расходилась, и каждый шел, куда ему или ей хотелось. Одним из любимых способов проводить время было жевание *бетеля.* Это обычай народа суахили, и потому он не нравится арабам из Аравии; но те из нас, кто родился на восточном побережье Африки и вырос среди негров и мулатов, легко приобретали эту привычку, несмотря на

насмешки наших арабских родственников. Но все же мы жевали бетель тайком, в отсутствие султана, который это запретил.

Благодаря различным забавам быстро пролетало короткое время до заката, о котором сообщала стрельбой из мушкетов и барабанным боем охрана, состоявшая из индийцев. Это также был сигнал к молитве. Но эта четвертая молитва была самой торопливой за день, потому что все, кто не собирался отправиться в гости, ждали дома гостей – сестер, мачех, пасынков и падчериц, младших жен. На это время у нас были для развлечения кофе и лимонад, пирожки и фрукты, шутки и смех, чтение вслух, игра в карты (но не на деньги или на что-либо другое), пение, музыка, которую играл на *сесе* негр, шитье, вышивание, плетение кружев – как кому хотелось.

Так что совершенно напрасно полагают, что у богатой восточной женщины нет никаких дел. Это правда, что она не рисует, не играет на пианино и не танцует (в немецком понимании этого слова). Но это не единственные способы проводить время, которые существуют на свете. Там мы все довольны своей жизнью; нам совершенно чужда постоянная лихорадочная погоня за новыми удовольствиями и радостями. А поэтому с европейской точки зрения восточный человек, несомненно, может выглядеть мещанином.

Уйдя в свои комнаты на ночь, мы отпускали слуг-мужчин к их семьям, которые жили в отдельных постройках за пределами дома. Обычно гасили только свечи, а масляные лампы оставались гореть на ночь. Обычай посылать детей старше двух лет спать в определенное время вышел из употребления; дети сами выбирали время для сна, а часто и место для него, так что иногда рабам приходилось нежно поднимать их и, производя как можно меньше шума, переносить малышей в их кроватки. Все, кто не выходил из дома и не принимал гостей, обычно уходили спать в десять часов вечера, хотя кое-кто предпочитал дышать свежим воздухом на плоской, хорошо подметенной крыше до полуночи. Примерно в половине седьмого полагалось читать пятую, последнюю молитву. Но именно в это время человек часто находится в обществе других людей или занят чем-нибудь еще, поэтому правила позволяют отложить завершающую молитву до отхода ко сну. Богатым женщинам помогают уснуть рабыни, одна из которых снова растирает тело госпожи, а другая обмахивает ее веером. Чтобы освежиться, очень хорошо вымыть перед этим ступни в одеколоне. Как я уже упоминала, женщины спят полностью одетые, не снимая даже украшений.

Возвращаясь к рассказу о кулинарии, я должна добавить несколько подробностей того, как подавали еду во дворце моего

отца на Занзибаре. У нас не было специальной комнаты для приема пищи, мы ели на веранде. Там евнухи ставили на *сефру* сразу всю приготовленную для употребления на этот раз еду. Сефра по форме немного похожа на бильярдный стол, но ее высота – всего несколько дюймов, вокруг крышки идет широкий выступ вроде карниза. Хотя у нас было много европейской мебели – шезлонги, столы, стулья и даже несколько шкафов для одежды, – мы все же садились есть истинно по-восточному, то есть на коврики или циновки, лежащие на полу. Все располагались строго по старшинству: султан занимал место во главе стола, старшие дети – рядом с ним, а маленькие (те, которые были старше семи лет) – в дальнем конце стола.

У нас было много тарелок, часто их количество доходило до пятнадцати. Основным кушаньем всегда был рис, и существовало много разнообразных способов готовить его. Из мяса предпочтение отдавалось баранине и курятине. Мы также ели рыбу, восточные виды хлеба, различные мучные кушанья и сладости. В противоположность немецкому порядку, всю еду ставили на стол до того, как люди рассаживались. По этой причине не нужно было, чтобы кто-то прислуживал за столом, так что евнухи отступали назад и становились в ряд на небольшом расстоянии от нас, готовые выполнять приказы. Часто султан посылал одного или нескольких из них с особенно лакомыми кусками к ребенку, еще слишком маленькому, чтобы есть за столом, или, иногда, к больному. Я помню тот уголок в Бет-иль-Мтони, где я получала блюда с едой, которую он присылал мне. Мы, малыши, получали ту же еду, что взрослые, но, разумеется, было почетно, что наш отец выбрал ее, и он сам получал от этого большое удовольствие.

Сев за стол, все тихо, но ясно различимым голосом произносили благодарственную молитву: «Во имя Аллаха всемилостивого». После еды молились: «Благодарим Господина Вселенной». Наш отец всегда первым садился на свое место и первым вставал с него. Не было в обычае, чтобы каждый ел со своей отдельной тарелки, а все блюда, кроме риса, подавались в большом числе маленьких тарелок, симметрично расставленных на сефре, и с каждой тарелки ели два человека. Во время еды не пили, но после нее можно было выпить шербета или подслащенной воды. Обычно не было и разговоров, кроме тех случаев, когда султан что-то говорил кому-либо из присутствующих. В остальное время стояла почти полная тишина – это тоже хорошо. Фрукты и цветы на сефре никогда не появлялись. За несколько минут до еды и через несколько минут после нее рабы подавали тазики с водой и полотенца, чтобы мы

вымыли руки. Твердую пищу мы обычно ели руками, а на стол она подавалась нарезанной на мелкие кусочки. Ложками мы пользовались, но ножи и вилки нам приносили, только если надо было оказать уважение гостям-европейцам. Те, у кого были утонченные манеры, не только мыли руки, а еще и смачивали ладони духами, чтобы удалить запах еды.

Через полчаса после еды евнухи разносили по кругу кофе – настоящий мокко в крошечных чашечках, которые стояли на золотых или серебряных блюдцах. На Востоке кофе густой, как сироп, его обязательно процеживают. Его всегда пьют без молока и без сахара и ничем не закусывают, разве что иногда вместе с ним подают тонкие ломтики ореха пальмы арека1.

Кофе разливают непосредственно перед употреблением, и эта обязанность требует такого мастерства, что лишь немногие слуги способны ее выполнить. Разливатель кофе несет в одной руке красивый кофейник, а в другой только одну чашечку с блюдцем. Сзади или рядом с ним его помощник несет поднос с пустыми чашками и большой запасной кофейник. Если собравшиеся разошлись по помещению, эти двое должны ходить следом за участниками многолюдного собрания и сделать так, чтобы все попробовали восхитительный напиток. Все знают, как высоко ценят кофе восточные люди. Его готовят с величайшей заботой, кофейные зерна особым образом обжаривают, размалывают и варят в любое время по желанию и поэтому всегда пьют свежайший напиток. Ни жареные кофейные зерна, ни сваренный кофе никогда не оставляют на следующий раз. Если то или другое хотя бы немного потеряло свежесть, его выбрасывают или отдают низшим слугам.

Наша вторая и последняя общая трапеза происходила в четыре часа дня, и, поскольку она была точно такой же, как первая, я не стану описывать ее. Кроме этого, мы позволяли себе иногда легкие закуски и напитки – например, выпечку, фрукты или лимонад.

1 Арека – пальма, дающая плоды-орехи, ломтики которых входят в состав любимой во многих южных и азиатских странах жвачки бетель. См. ранее в этой книге слова принцессы о том, что многие ее родственники жевали бетель. *(Примеч. пер.)*

Глава 6
Церемонии при рождении ребенка

Рождение. – Тугие пеленки. – Бритье головы. – Защита от сглаза. – Чернокожие кормилицы и кормилицы европейские. – Закаленность восточных детей.

Рождение принца или принцессы, хотя его не отмечали артиллерийским салютом, всегда было радостным событием, несмотря на зависть, которую могло вызвать у кого-то. Сеид Саид и мать ребенка не были одиноки в своей радости: мы, малыши, искренне разделяли ее с ними, потому что существовало много церемоний в честь новорожденного и на всех этих праздниках положено было присутствовать нам, малышам. Обычно у нас происходило пять или шесть прибавлений семейства за год.

У мусульман нет профессиональных акушеров и акушерок; там пользуются только услугами повивальных бабок, хотя бабки эти невероятно невежественны. Как правило, они приезжали на Занзибар из Индии, и у нас этих приезжих повитух предпочитали местным, но почему – я так и не смогла выяснить, поскольку индийские повивальные бабки так же ничего не понимают в своем деле, как арабки или суахилийские женщины. Несомненно, что, если мать и ребенок умудряются выжить, им надо благодарить за это Бога и собственный крепкий организм, а не этих глупых женщин. Когда я стала взрослой, некоторые из моих замужних подруг рассказали мне о тех примитивных методах, которыми пользовались эти невежды и неумехи, но эти признания таковы, что их едва ли можно повторить на публике.

Ребенка старательно обмывают теплой водой, затем посыпают его шею и подмышки ароматным порошком и одевают младенца в маленькую рубашку из набивного ситца или муслина. Затем его кладут на спину, выпрямляют его ручки и ножки и туго обматывают туловище от пяток до плеч бандажом, захватывая не только торс, но и конечности. Младенец сорок дней и ночей лежит в этом плену, откуда его выпускают только два раза в день для купания. Цель этого пеленания в бандаж – создать ребенку хорошую, прямую осанку. Мать младенца любовно и заботливо присматривает за ним, сколько бы слуг и служанок она ни имела в распоряжении. Рабыни по очереди качают просторную, красиво изогнутую деревянную люльку, которая, когда время года этого требует, бывает защищена сеткой от комаров. Но сама мать редко укачивает малыша, а когда она в виде исключения это делает, то

смотрит на это как на что-то вроде развлечения. Если новорожденное дитя – девочка, на седьмой день после рождения ей прокалывают иглой уши. Обычно в обоих ушах проделывают шесть отверстий, в которые через несколько недель навсегда вставляют тяжелые серьги-кольца. Я говорю «навсегда», потому что та, которая не носит ни одной серьги, либо находится в трауре, либо не имеет проколов в ушах.

Когда ребенку исполняется сорок дней, проводят особый обряд, который был бы почти невозможен в Европе, – а именно бритье головы. Как моя няня-немка в Гамбурге была поражена длинными черными волосами моей дочери-младенца и с каким нетерпением ждала, когда мой муж приобретет щетку! Бритье головы выполняет главный евнух с соблюдением особых формальностей, в число которых обязательно входит окуривание дымом местных растений. Первые срезанные волосы считаются большой драгоценностью. Их нельзя ни сжигать, ни выбрасывать в мусорную кучу; их закапывают в землю, бросают в море или прячут в щель какой-нибудь стены. При таком бритье присутствует двадцать или тридцать человек, так что главный евнух, который выступает в качестве парикмахера лишь в таких случаях, от волнения в немалой степени рискует повредить драгоценную головку. Наш «придворный выбриватель тонзур» и его помощник всегда получали от моего отца щедрое вознаграждение.

В этот же знаменательный день младенца освобождают от упомянутого ранее бандажа. На малыша надевают шелковую рубашку, вышитую золотом шапочку, серьги, ножные и ручные браслеты. Со дня бритья головы ребенка также перестают заботливо ограждать от внешнего мира, а до этого малыша могли видеть только родители, несколько получивших эту привилегию друзей и слуги. Это правило допускать только близких объясняется верой народа в сглаз и всевозможные злые заклинания.

Восточные дети в это время жизни, несомненно, выглядят гораздо красивее европейских из-за того, что в одежде европейских младенцев слишком много белого цвета. Хотя я и прожила в Германии много лет, я не могу изменить это мнение, и, по правде говоря, мои собственные дети в своей младенческой одежде казались мне ужасными. Как же сильно они проигрывали по сравнению с моими нарядными племянницами и племянниками!

На Занзибаре, как я уже указывала, очень широко пользуются благовониями. Постель, полотенца и все наряды сначала пропитывают запахом душистого жасмина, потом, перед самым

употреблением – запахами амбры и мускуса и, наконец, опрыскивают розовым маслом. При этом нужно помнить, что двери и окна там постоянно открыты почти весь год и это препятствует любым вредным последствиям, которые в ином случае мог бы иметь этот странный обычай.

Для защиты от якобы дурного глаза ребенку надевают амулеты. У низших сословий это луковица, долька чеснока, кость или, возможно, раковина в маленьком кожаном мешочке, который привязывают к левому плечу.

В высших слоях общества вместо амулетов используют изречения из Корана, которые вырезают на золотых или серебряных медальонах и вешают на цепочке ребенку на шею. Мальчики носят эти медальоны только до определенного возраста, но девочки часто не снимают их и дольше, хотя с гордостью носят, кроме них, еще так называемый «хранитель» – крошечную, размером два дюйма на полтора, книгу в золотом или серебряном переплете, которую тоже прикрепляют к цепочке на шее.

Кроме материнского молока, младенцу вскоре несколько раз в день начинают давать и коровье молоко, прокипяченное с молотым рисом и сахаром и налитое в чашку с длинным носиком: бутылки у нас в мое время были совершенно неизвестны. Младенцы не получали другой еды, кроме этой, пока у них не вырастали зубы, а после этого ели все, что хотели. Их мало носили с места на место, чаще всего клали на ковер, где они могли кататься и кувыркаться, сколько им хотелось.

Как только ребенок делает первые попытки сесть, устраивают еще одну церемонию. Мать, няньки и ребенок одеваются для нее в свои лучшие наряды. Ребенка помещают на квадратную, среднего размера тележку с небольшими колесами, на которую стелют покрывала и кладут подушки. В это время особым образом поджаривают кукурузные зерна так, что они раздуваются до размера наперстков, затем смешивают их с большим количеством серебряных монет и высыпают смесь на голову ребенку. Его маленькие братья и сестры бросаются к этой добыче и устраивают за нее отчаянную борьбу.

Пока ноги детей недостаточно сильны для того, чтобы они носили сандалии – деревянные у женщин и кожаные у мужчин, – дети просто ходят босиком. Ни мужчины, ни женщины ни в каком возрасте не носят чулки, но знатные дамы охотно надевают их, когда выезжают верхом, поскольку обычай требует закрывать щиколотки ног одеждой.

В возрасте трех или четырех месяцев к ребенку, помимо кормилиц и нянек, приставляют еще пару рабов, которые с этого

дня остаются его собственностью. Чем старше он становится, тем больше рабов имеет, и, если один из рабов умирает, отец дает ему другого или компенсирует стоимость раба деньгами. Каждый принц остается с женщинами родительской семьи до своего седьмого дня рождения, а в этот день его обрезают в согласии с обрядом Моисея. Эта церемония выполняется в присутствии отца и отмечается с огромными щедростью и гостеприимством в течение трех дней. В это же время мальчику дарят его собственную лошадь, поэтому он рано начинает учиться верховой езде и достигает в ней такого мастерства, которого можно ожидать только от циркового наездника. Дома мы не знали ни настоящих седел, ни стремян, поэтому тот, кто умел хорошо держаться на коне, по праву мог гордиться этим.

Наши кормилицы, даже если находились на своей должности очень мало времени, пользовались большим почетом, их очень уважали до конца их жизни. Все они вначале были рабынями, но, как правило, получали свободу в награду за верность и преданность. Как бы сильно ни тревожилась мать за своего отпрыска, она может спокойно оставить его или ее кормилице, которая склонна считать хозяйского сына или хозяйскую дочь своим ребенком и относится к нему соответствующим образом. Какой контраст с пренебрежением и бессердечностью немецких кормилиц! Много раз во время прогулки я испытывала желание отругать какую-нибудь из этих женщин, даже если она была мне совершенно незнакома, за жестокое обращение с ее хрупким маленьким питомцем. Насколько иначе ведет себя чернокожая кормилица! Во-первых, она, возможно, уже прослужила у своей госпожи много лет или даже родилась в ее доме. Поэтому она, разумеется, вряд ли имеет много собственных интересов в жизни, и поэтому ничто ей не мешает сделать своими интересы семьи, которой она служит. И есть еще одно очень важное обстоятельство: очень часто, даже можно сказать, почти всегда чернокожей кормилице не приходится покидать своего ребенка, и он ест то же, что ребенок хозяйки, – то же молоко, того же цыпленка. Ребенок кормилицы купается вместе с его более высокородным товарищем и донашивает его старую одежду. Когда мать заканчивает свою службу кормилицы, ее ребенок остается товарищем хозяйского, играет с ним, и только очень злой человек может плохо обойтись с молочным братом или молочной сестрой.

Эта отчасти патриархальная система, возможно, является причиной того, что наши кормилицы более верны и заслуживают больше доверия, чем европейские – которых я, несмотря на их достойные отвращения и ненависти недостатки, жалела за то, что

они были вынуждены покинуть своих малышей ради заработка. Мне говорили, что эти женщины не страдают от этого так сильно, как я думаю, но я не могу в это поверить. Однако у кормилиц с моей родины есть один очень заметный скверный недостаток: они рассказывают своим маленьким питомцам самые чудовищные, невероятные сказки и легенды – либо чтобы просветить, либо чтобы успокоить их. Львы, леопарды, слоны и ведьмы в огромном изобилии населяют эти рассказы, от которых волосы встают дыбом и ужас иногда охватывает даже взрослых. И похоже, что никакое количество упреков не может заставить кормилиц отказаться от этой привычки.

В общем и целом растить детей на юге намного легче, чем на севере: на юге они избавлены от вечных простуд, которые имеют столько вредных последствий. Несмотря на роскошные условия жизни, они самостоятельны и подвижны и при этом имеют больше возможностей бегать и играть вне стен дома. Спортивной гимнастики у нас нет, зато, если мальчик пробегает какое-то расстояние, а потом перепрыгнет через коня или даже через двух коней, это никого не удивляет. Прыжки в высоту – любимый вид спорта, в котором каждый старается превзойти всех остальных. Плавание столь же популярно, ему всегда обучаются самостоятельно, а искусство стрелять с большой охотой усваивают в самом раннем детстве. Хотя мальчики ходят вооруженными до зубов, редко можно услышать, что из-за чьей-то беспечности произошел несчастный случай.

Молодой принц живет под отцовской крышей только до определенного возраста, а затем ему дают отдельный дом, где он начинает жить самостоятельно – вместе со своей матерью, если она жива. Султан ежемесячно выплачивает ему определенную сумму денег; это содержание может быть увеличено в случае женитьбы принца, прибавления в его семье или как награда за безупречное поведение – но только в этих случаях. Если в Омане начиналась война – а это, к сожалению, случается часто, – все принцы, в том числе подростки, были обязаны отправиться в войска и участвовать в боях в качестве рядовых солдат. Дисциплина в доме была строгая, но ее целью было повысить уважение сыновей султана к их отцу, добиться, чтобы они еще больше почитали его. В раннем детстве я часто замечала, что один из моих братьев, успевая раньше слуг, подавал моему отцу его сандалии, которые тот, входя в комнату, оставлял у двери.

О воспитании принцесс мало что можно сказать. Вначале их растят так же, как мальчиков, однако после седьмого года жизни мальчикам гораздо легче позволяют выходить из дома. Каждая принцесса в детстве носит в волосах, по местному обычаю,

широкий и тяжелый серебряный гребень, чтобы ее затылок был плоским, когда она вырастет. Если она выходит замуж за одного из своих родственников, которых в Омане больше, чем на Занзибаре, она, естественно, покидает дом отца и переезжает к мужу. Если же остается незамужней, то имеет выбор – жить под опекой отца или под защитой кого-либо из братьев. У каждой из сестер есть любимый брат, и наоборот; они всегда рядом – в радости и в горе, всегда утешают и поддерживают друг друга. Эти чувства, сами по себе, разумеется, похвальные, возбуждали зависть и становились причиной ссор, порождая в семье всевозможные раздоры.

Случалось, что сестра умоляла султана простить ее любимого брата за проступок. Своих дочерей, особенно старших из них, он всегда был готов выслушать благосклонно. Если какая-либо из них приходила к султану, он шел к ним навстречу и позволял им сидеть рядом на софе, а взрослые сыновья и мы, малолетние дети, стояли рядом, проявляя положенные смирение и трепет.

Глава 7
Школа

Класс под открытым небом. – Примитивные приспособления для учебы. – Игра перед работой. – Учебный процесс. – Устные отчеты. – Подкуп строгой учительницы. – Недостатки европейского образования. – Цивилизация и религия.

Для восточного человека школа имеет мало значения. В Европе жизнь церкви и государства переплетается с жизнью школ, которая влияет на всех – от принца до нищего. Здесь человек очень сильно зависит и с точки зрения развития своего характера, и в надеждах на будущее от школьных успехов, которые так мало значат на Востоке, а для многих жителей восточных стран неизвестны вообще. Позвольте мне начать мое рассуждение на эту тему с описания той системы обучения, которую применяли у меня дома.

В возрасте шести или семи лет все мои братья и сестры без исключения должны были начать учиться в школе. Нам, девочкам, полагалось учиться только чтению, но мальчиков учили и писать тоже. Чтобы преподавать нам знания, была одна учительница в Бет-иль-Мтони и еще одна в Бет-иль-Сахеле; обе приехали по распоряжению моего отца из Омана.

Когда учительница заболевала и должна была лежать в постели, мы очень радовались отдыху: занятия обязательно отменяли, потому что ее некому было заменить. Особой классной комнаты для занятий у нас не было. Занятия проходили на открытой веранде, куда совершенно свободно проникали голуби, попугаи, павлины и еще один вид птиц – боболинки[2]. Эта веранда была расположена над двором, так что для развлечения мы могли рассматривать бурную жизнь внизу. Наша школьная мебель состояла из одной огромной циновки, и такой же простотой отличался учебный инвентарь – Коран с подставкой для него, маленькая чернильница (кустарного изготовления), бамбуковое перо и хорошо отбеленная верблюжья лопатка, на которой легко писать чернилами. Она служит вместо грифельной доски, и нервы не страдают от скрипа карандаша по доске. Чисткой этих верблюжьих костей обычно занимались рабы. Нашей первой задачей было выучить сложный арабский алфавит; сделав это, мы начинали упражняться в чтении по Корану, который был нашим единственным учебником, – а мальчиков, как

я уже говорила, обучали еще и письму. Когда мы немного продвинулись вперед в чтении, мы стали читать хором и как можно громче. И это было все: нам никогда ничего не объясняли. Поэтому лишь один из тысячи правильно понимает и может толковать наставления, которые содержатся в Священном Писании мусульман. Анализировать священные тексты считается нечестивым делом и строго запрещено; от нас ожидают, чтобы мы верили в то, чему нас учат.

К семи утра, успев закусить фруктами, мы уже находились на веранде и ждали учительницу. Ожидая ее прихода, мы соревновались в прыжках и борьбе и лазали по балюстраде, делая все возможное, чтобы подвергнуть риску свою жизнь. Одного из нас мы ставили как часового в подходящем для этого месте, и доносившийся оттуда притворный кашель предупреждал нас о приближении учительницы. Одно мгновение – и все ученики с невинным видом сидели на циновке; когда же учительница входила, мы все вскакивали на ноги, раболепно приветствуя нашу тиранку. Она держала в одной руке огромную металлическую чернильницу, а в другой ненавистную нам бамбуковую трость. Мы продолжали стоять в знак почтения до тех пор, пока она не садилась, затем сами следовали ее примеру. Вначале она читала первую *суру,* то есть главу, Корана, которая переводится так: «Во имя всемилостивого Бога. Хвала Богу, Владыке всех созданий, всемилостивому, Царю Судного дня. Тебе мы поклоняемся, и Тебя молим о помощи. Направь нас на верный путь, на путь тех, к кому Ты был милостив, на тех, на кого Ты гневаешься, на тех, кто заблуждается». Затем мы все вместе повторяли эту суру за ней, завершая чтение, как это обычно делается, словом «аминь». После этого мы повторяли вчерашний урок, а потом начинались новые задания по чтению или письму. Учеба продолжалась до девяти часов, и после завтрака начиналась снова и длилась до второй молитвы, то есть примерно до часу дня.

Каждому ученику разрешалось привести в школу нескольких рабов. Они занимали места где-нибудь на заднем плане, а мы, дети, усаживались на циновке, где кому нравилось. Не было ни постоянных мест у учеников, ни деления на классы; еще меньше было попыток организовать контрольные работы, которые вызывают так много волнения здесь. Если кто-то из учеников значительно отставал от других или очень их обгонял, если было замечено чье-то особенно хорошее – или наоборот – поведение, об этом сообщали на словах матери ребенка и султану. Наш отец строго приказал, чтобы нас сурово наказывали за те проступки, которые мы могли совершить. И при том, как непослушно мы себя вели, учительнице часто выпадал случай взмахнуть ненавистной

тростью.

Кроме чтения и письма, нас немного учили считать. Арифметические действия выполнялись в уме над числами до ста, а в вычислениях на бумаге верхней границей была тысяча. Выходить за эти границы считалось вредным. На грамматику и орфографию тратили не очень много сил. Что касается истории, географии, физики и математики, я никогда не слышала о них дома и познакомилась с этими учебными предметами, только когда приехала сюда. Но действительно ли я стала сколько-нибудь лучше, чем мои подруги из Африки, благодаря тому малому запасу знаний, который я приобрела в Европе ценой неутомимого упорного труда, – на этот вопрос я до сих пор не знаю ответа. Однако я могу вполне достоверно утверждать, что меня никогда не обманывали и не запугивали более беззастенчиво, чем после того, как я усвоила бесценные сокровища европейского знания. Ох, счастливцы, живущие там, вы не можете даже вообразить себе, что может быть сделано во имя цивилизации!

Разумеется, весь распорядок нашей учебы не допускал ничего похожего на подготовку к урокам во внешкольное время. Какой бы сильный страх ни внушала учительница, ученики глубоко уважают ее и всю жизнь относятся к ней с почтением. Иногда ее даже просят быть посредницей между людьми, которые не могут прийти к соглашению по какому-нибудь поводу, то есть она исполняет обязанность, которую здесь католики возлагают на своего духовника. Но в одном восточные и западные школьники одинаковы. Я имею в виду инстинктивное стремление детей подкупать своих учителей подарками. Когда в Германии мои дети просили меня о пустяковом деле – купить цветы для фрейлейн такой-то, я не могла не вспомнить свою собственную молодость. Это не характерно для какого-то одного народа, это можно обнаружить во всем мире. Еще до того, как я узнала, что на свете существует страна Германия, я – так же, как и все остальные, – дарила моей учительнице много сладостей, чтобы добиться ее расположения. Самые вкусные французские леденцы, которые давал нам отец, мы стремились принести в жертву ее благосклонности. К несчастью, та, кто была предметом наших усердных стараний, страдала от зубной боли, и поэтому наши дипломатические уловки не очень ее смягчали: она думала, будто мы, закармливая ее сластями, надеялись усилить ее зубную боль настолько, чтобы ей пришлось дать нам отдых на день.

Длительность обучения была совершенно неопределенной. Все, что полагалось выучить, должно было быть выучено, а делал это человек за один год, два или три года – зависело от его

способностей. Шитье не входило в программу обучения: ему учили матери, которые обычно были опытными в этом деле. И все же я знала, что некоторые из моих сестер выросли, не научившись даже пришивать пуговицу. Государственные школы тоже существуют, но только для детей бедноты. Каждый, у кого хватает на это средств, имеет у себя воспитательницу или учителя. Иногда обучением детей занимается секретарь главы семейства, но девочек он, конечно, учит только, пока они очень малы.

Получив воспитание там, где я выросла, я неизбежно должна была сравнивать его с европейской системой, преимуществами которой пользовались мои дети. Несомненно, существует огромная разница между немецким избытком образования и арабским невежеством; в первом случае предъявляют слишком большие требования, во втором слишком малые. Но я полагаю, что такие различия не исчезнут никогда и будут существовать, пока существует мир, поскольку похоже, что ни один народ не способен остановиться на золотой середине. Здесь, во всяком случае, умы детей излишне набивают знаниями, вкладывая в них намного больше, чем они могут проглотить. После того как они начинают учиться в школе, родители очень мало видят их. Из-за различных заданий, которые должны быть выполнены к следующему дню, не может быть и речи о настоящей семейной жизни, а с ее утратой во многих случаях должно исчезать и постоянное, заметное влияние на характер ребенка. Весь день ребенок не живет, а спешит и карабкается, торопясь с одного урока на другой. И кроме того, как же много времени дети напрасно тратят, с великим трудом заучивая факты, которые окажутся совершенно бесполезными, так что даже кажется, что их заучивают лишь для того, чтобы забыть! Как можно одобрить метод, согласно которому у детей крадут время, которое они могли бы гораздо лучше провести дома?

Кроме того, эти несчастные дети каждый день проводят пять или больше часов, запертые в похожем на тюрьму помещении, которое называют «классом», таком жарком и душном, что невозможно описать. В учреждении, где находятся двести детей, есть всего четыре стакана для воды! Каково это знать матери, которая хочет поцеловать своего ребенка, вернувшегося оттуда? И можно ли удивляться тому, что в подобных условиях малыши болеют? Что бы вы ни делали дома для сохранения их здоровья, отвратительный воздух школы обязательно сведет на нет все ваши усилия. Какими несчастными выглядят многие школьники в этой стране; сердце просто кровью обливается из-за их плачевного положения! С тоской вспоминаю я нашу открытую, просторную веранду. Какая польза от самого лучшего

образования, если тело будет разрушено борьбой за его получение?

Я мало рассказываю здесь о том уважении, которое мы все – мои братья, сестры и я сама – проявляли к нашим родителям, учителям и вообще ко всем старшим. Религиозное образование, которое дают в школе, кажется, не развивает ни одного из этих чувств так хорошо, как должно бы, – и это неудивительно, поскольку оно чисто формальное. Детей принуждают заучивать наизусть бесконечные списки дат церковной истории вместо того, чтобы побуждать их регулярно ходить в церковь, где хорошая проповедь вдохновила бы их больше, чем голые исторические факты. Мы тоже должны были запоминать уроки, но не занимались этим до такой степени, чтобы полностью пренебрегать душой, а здесь она страдает, потому что ее обделяют ради разума. По моему мнению, здесь слишком много учатся по книгам. Каждый так хочет подняться как можно выше с помощью образования, что в конце концов ручной труд становится позорным; слишком много значения придают знаниям и культуре. Поэтому неудивительно, что почтительность, честность, набожность и удовлетворенность сменяются ужасным безбожием, презрением ко всему святому и ко всем установлениям и к неразборчивости в средствах при добывании земных выгод. Чем выше книжная образованность людей, тем больше становятся их потребности и их требования к жизни, от этого так жестока и сильна конкуренция между ними. Да, ум, несомненно, развит, но сердце остается без обработки. Человек должен в первую очередь изучать слово Бога и Его святые заповеди и в последнюю – рассуждать о «силе и веществе».

Однажды я испугалась, увидев по статистической таблице с данными о душевных болезнях, что большинство таких несчастных больных – это бывшие ученики гимназий и знаменитых учебных заведений. Нет сомнения, что многие повредились умом из-за своего честолюбия, погнавшись за самым лучшим образованием. Я не могу не думать о своей родной стране, где не нужны психиатрические клиники и где я за всю жизнь слышала только о двух сумасшедших. Одна из них была негритянка, другая женщина, приехавшая из Индии.

Европейская культура бесчисленным множеством способов оскорбляет религиозные чувства мусульманина. Над полуобразованностью турок часто смеются, но все же турки много сделали, чтобы по крайней мере внешне стать цивилизованными, – и сделали больше, чем им полезно. Этим турки ослабили себя и в итоге остались нецивилизованными, потому что европейская цивилизованность противоречит всем их

основным принципам. Цивилизованность невозможно привить силой; нужно предоставить другим народам право идти по пути просвещения их собственным способом, согласно их собственным представлениям и традициям, которые должны были сложиться в результате зрелого опыта и практической мудрости. Благочестивый араб почувствовал бы себя глубоко оскорбленным, если бы кто-то попытался начать его образование с обучения наукам, без которого в Европе о высокой культуре не может быть и речи. Для него было бы ужасным потрясением, заставило бы его ум корчиться в судорогах, если бы кто-то заговорил с ним о «законах природы» – с ним, который во всей жизни мира, вплоть до самых мелких подробностей, видит глазами своей непоколебимой веры лишь одно – все направляющую, всем управляющую руку Бога!

Глава 8
Женские моды

Ежегодная раздача тканей для одежды. – Простота запросов арабской женщины. – Шале. – Сезон дождей.

Здесь и во всей Европе отец семейства дает своей жене и незамужним дочерям содержание – столько-то денег в месяц или в квартал, и на этом его обязанности в отношении их одежды кончаются. Но на Занзибаре преобладает совершенно иной порядок. У нас нет промышленности и, следовательно, нет ни одной фабрики. Материалы и различные принадлежности для одежды всего населения привозятся из-за границы.

В связи с этим у моего отца была сложная система бартерной торговли. Раз в год флот его кораблей, нагруженных нашей местной продукцией – в первую очередь гвоздикой и иными пряностями, отправлялся в британские, французские, персидские, индийские и китайские порты, где наши отечественные товары обменивались на иностранные с помощью торговых агентов. Капитаны всегда брали с собой огромный список необходимых вещей, большинство из которых имели отношение к одежде. Возвращения кораблей, конечно, ждали очень горячо и нетерпеливо, поскольку оно означало не просто ежегодный дележ добычи, а что-то вроде открытия нового сезона моды.

Для нас, детей, эти корабли были символами восхитительной тайны, потому что привозили нам все наши чудесные европейские игрушки. Вскоре после возвращения флота назначали день раздачи привезенных вещей знати и простым людям, старикам и молодежи. Двадцать или тридцать коробок были наполнены игрушками и играми. Там были лошадки, кареты, куклы, хлыстики, рыбы и утки, которые двигались вслед за магнитом, музыкальные шкатулки всех размеров, гармоники-концертино, флейты, трубы, игрушечные ружья – чего только там не было! Если мы были недовольны – горе виновному капитану: он был полномочным представителем султана, ему была вручена без каких-либо ограничений вся необходимая власть; отправляясь в плавание, он получал лишь один приказ – закупать все лучшее независимо от цены.

Когда наконец в Бет-иль-Сахеле и Бет-иль-Мтони начиналась эта раздача, требовалось три или четыре дня, чтобы должным образом распределить все среди нескольких сотен человек. Евнухи занимались распаковкой и сортировкой, а несколько

старших дочерей султана раздавали дары. К сожалению, во время этого счастливого события ревность, зависть и злоба были заметнее, чем в любое другое время года. Ткани для одежды – как простые, так и дорогие – выдавались только целыми штуками, и если кто-то не хотел оставить подарок себе, то мог обменяться этим подарком с кем-нибудь еще. Случалось, что эти обмены продолжались две недели. Поскольку у нас не было столов, мы делили эти рулоны ткани, сидя на полу, и то и дело какая-нибудь из дам, слишком энергично работая ножницами, разрезала одежду, которая была на ней.

Нам дарили мускус, амбру, розовое масло, розовую воду и другие благовония, а также шафран (женщины смешивают его с различными составами для волос), шелка всех окрасок, золотые и серебряные нити для вышивания, обычные пуговицы, позолоченные плетеные пуговицы – короче говоря, все принадлежности туалета, необходимые арабской даме. А кроме этого каждый получал сколько-то серебряных долларов, соответственно своему званию и возрасту. Но какая-нибудь расточительница могла за двенадцать месяцев истратить больше, чем получила, и тогда умоляла отца или мужа дать ей еще денег. Однако просить об этом нужно было в большой тайне, поскольку чрезмерная расточительность заставляла тех сурово хмуриться и, более того, читать строгую нотацию просительнице. Как в каждом доме этого мира, так и у нас кроме мотов были скупые люди, считавшие, что нужно не просто иметь рабов ради роскоши, а использовать их так, чтобы получать большую выгоду. Поэтому они отправляли своих рабов учиться различным ремеслам, например работе плотника или шорника, а девушек-рабынь обучали шитью, ткачеству или изготовлению женских шляп. Конечно, этот способ экономить давал хорошие результаты, а те, кто им пренебрегал, платили свои деньги чужим людям и часто не могли свести концы с концами. Таких мастеров и мастериц, специально обученных ремеслу, уважали больше, чем остальных рабов, и, если они получали свободу, им было не так трудно заработать себе на жизнь, как остальным. В Омане, где люди имеют мало рабов, их всех обучают какой-нибудь профессии, чтобы они могли выгодно служить сразу своим хозяевам и себе. По этой причине многих занзибарских рабов посылали в Оман на обучение, и такая учеба сильно повышала цену негров.

Посетитель, случайно оказавшийся вместе с нами в описанное выше время раздачи подарков, получал из них долю, которая соответствовала его положению в обществе. Все, что оставалось не отданным после распределения даров, султан отправлял своим родственникам в Оман.

На экваторе всегда царит лето и четыре времени года различаются только названиями, и это определенно упрощало необходимый на год набор нарядов. Если бы нам пришлось защищать себя особой одеждой от осени, зимы и весны, это страшно осложнило бы нашу жизнь.

Сезон дождей, который продолжается шесть или восемь недель и во время которого ртуть в термометре опускается до восемнадцати градусов Реомюра[3], – единственная зима, которая бывает в тех краях. При подобной погоде, сырой, но не холодной, мы одевались в бархат и другие тяжелые ткани и не ждали девятичасового завтрака, а пили чай с печеньем за час или два до него.

Всю одежду шили вручную, о швейных машинках в годы моей молодости не было даже слышно. Покрой одежды очень простой и один и тот же для обоих полов. Что касается затягивания тела в корсет – этого вредного и отвратительного обычая, то ему восточные женщины еще не покорились. Стиль одежды всегда одинаков, меняются только материалы, так что европеец пожаловался бы на однообразие. Однако в Европе постоянные изменения моды приводят к семейным ссорам и отвратительным сценам из-за больших затрат, которые они влекут за собой. Я не так самонадеянна, чтобы пытаться преобразовать это нездоровое увлечение модой, и вовсе не хотела бы превратить моих просвещенных европейских подруг в мещанок; я просто прошу позволения отметить, что арабские женщины гораздо менее расточительны. А взгляните на европейских женщин: им приходится приобретать одно пальто для зимы, еще одно для весны, плащ-дождевик для лета, множество платьев, примерно дюжину шляп (поскольку некоторым дамам к каждому костюму нужно по шляпе), несколько зонтиков от солнца, подходящих к шляпам и платьям, и так далее.

А наряд арабской женщины, каким бы ни было ее положение в обществе, – сама простота. Она носит рубаху, доходящую до щиколоток, длинные широкие шаровары, собранные над ступней, – а не короткие штаны до колен – и платок на голове. Материалы бывают разными. Богатые женщины предпочитают золотую парчу во многих разновидностях, бархат или шелк с богатой отделкой, но в сильную жару одеваются в простые и легкие ткани – набивной ситец или муслин. Кроме того, рубаха не может быть слишком длинной, потому что не должна закрывать вышивку на шароварах или золотые кольца на лодыжках; с одного из этих колец свисает много маленьких золотых бубенчиков, которые приятно звенят при каждом шаге. С головной повязки, которую носят на лбу, спускаются две длинные

ленты с большой бахромой, которые спадают на спину или спускаются на бока по одной с каждой стороны лица. Большой шелковый платок спускается до щиколоток.

Когда арабская дама выходит из дома, она надевает *шале,* которое заменяет ей теплый шарф, жакет, пальто, непромокаемый плащ и пыльник. Это широкая накидка из черного шелка, вышитая по краям узорами, золотыми или серебряными в зависимости от достатка и вкуса хозяйки. Но, бедна женщина или богата, она никогда не имеет больше одного шале, и его стиль никогда не изменяется. По моему скромному мнению, восточная женщина, при огромном количестве свободного времени и при бездеятельности, к которой ее вынуждает жара, имеет больше оснований для того, чтобы сильно увлекаться нарядами, чем подвижная занятая европейская женщина. И я должна сказать, что не могу понять, как такие умные люди с таким высоким интеллектуальным развитием могут настолько отдавать себя подобным пустякам.

В сезон дождей обеспеченные люди надевают длинный плащ, который называется *джоша.* Он спускается до ступней и богато вышит золотой нитью; эту одежду носят поверх всего остального. Джоша распахнута сверху донизу и закрепляется на высоте груди металлическими зажимами. Пожилые дамы предпочитают толстую персидскую шаль.

Однако мы были готовы к любым капризам погоды: у нас существует очень удобное устройство для обогрева – маленькая медная жаровня на трех ножках. Она стояла в центре комнаты на высоте нескольких дюймов над полом, была наполнена горящим древесным углем и распространяла приятное тепло. Кроме того, в это время года собирали урожай кукурузы. Початки очищали от листьев, клали на жаровню, и через пять минут их можно было есть. Пока они жарились, зерна постоянно лопались, и раздававшиеся при этом хлопки были восхитительной забавой для нас, детей. Несмотря на то что в комнате горел этот маленький очаг, ее двери и окна, как правило, оставались открытыми.

Глава 9
Поездка султана в Оман

Военные действия персов в Азии. – Обеспечение кораблей продовольствием. – Родственники в Омане. – Трудности переписки с ними. – Отъезд. – Халед становится представителем Сеида Саида. – Холе становится домоправительницей. – Странно: отсутствие султана продолжается слишком долго. – Обращение к профессиональным предсказателям. – Предсказание будущего проходит способом чревовещания.

Когда мне было около девяти лет, султан решил съездить в Оман, что он делал каждые три или четыре года, чтобы привести в порядок дела правления в своем азиатском царстве. Мой скромный брат Туэни был его представителем в Маскате и как правитель, и как глава семьи. В тот раз среди причин, по которым мой отец решил побывать в Омане, была одна, которая особенно заставляла его поспешить туда: персы несколько раз вторгались в область Бендер-Аббас. Правда, они не добились особых успехов, но все же сохранили возможность разжечь войну. Эта маленькая территория, которая принадлежала нам, но изначально была персидской и имела достаточно большое значение благодаря своему господствующему положению у входа в залив, никогда не приносила моему отцу никакой заметной выгоды, а наоборот, порождала богатый урожай неприятностей и расходов.

Так что, если бы персы отвоевали ее обратно, это не стало бы для нас несчастьем: пока эта местность была в наших руках, они не давали нам ни минуты покоя – и, в конце концов, они имели на это право.

У нас не было пароходов, только парусные суда, так что мы полностью зависели от капризов ветра, поэтому отплытие из Занзибара часто приходилось откладывать. Подготовка к путешествию занимала не меньше восьми или десяти недель, поскольку нужно было доставить еду для тысячи человек на такой же период времени. Огромное время требовалось, чтобы приготовить нужное количество долго хранящейся выпечки. Солонина была нам неизвестна, а консервы, даже если бы они были у нас, были бы запрещены нашей религией, как нечистая пища. Поэтому на корабли брали поразительное количество живого скота, в том числе около дюжины молочных коров. Сколько фруктов погружали на борт, я не в состоянии подсчитать,

но знаю, что все наши сорок пять плантаций посылали туда фрукты в течение нескольких дней. Неудивительно, что во время таких поездок люди заболевали дизентерией.

Любой из сыновей мог поехать с отцом, но что касается дочерей, то это могли сделать лишь немногие, из-за неудобств; по той же причине не более чем две из младших жен могли сесть на корабль. Правда, мало кто из нас желал побывать в Омане, где тщеславные местные женщины имели обыкновение обращаться с жителями Занзибара как с низшими. Те члены нашей семьи, которые родились в Омане, именно так говорили со своими занзибарскими родственниками, считая, что раз мы выросли среди негров, то, должно быть, похожи на них. Самым очевидным признаком нашего мнимого вырождения было то, что мы говорили еще на каком-то языке кроме арабского.

Как я уже упоминала, в Омане жили наши нуждающиеся родственники, для которых приезд султана означал прибытие подарков, и эти ожидания заставляли еще больше увеличить багаж. Его поездка также оживляла нашу редкую и нерегулярную переписку с Азией. Однако неумение писать во многих случаях создавало большие трудности. Ваши письма должен был написать для вас кто-то другой, а потом незнакомые люди должны были прочесть их адресатам. Моих братьев и слуг, обученных искусству письма, осаждали просьбами, а если они отказывали, оставалось лишь одно – просить кого-нибудь вне дома. Вот пример того, что могло произойти.

Дама вызывает своего доверенного раба и говорит ему: «Феруз, сходи к такому-то *кади,* скажи ему: пусть он напишет красивое письмо в Оман моей подруге – и заплати ему столько, сколько он попросит». Затем она сообщает Ферузу большое количество подробностей, которые должны быть включены в письмо. К несчастью, этого кади торопят и досаждает ему дюжина других будущих отправителей писем одновременно, и он путает, что кем поручено. Феруз, торжествуя, возвращается к своей госпоже с результатом стараний кади, но даме хватает осторожности, чтобы приказать знатоку прочесть ей письмо. Первое ее чувство – удивление, а за ним быстро следует испуг. Послание неверно во всех отношениях: там, где дама желала выразить соболезнование, кади поздравляет, и так далее. Таким образом, письмо должно быть переписано несколько раз, прежде чем оно может быть отправлено.

Наконец все было готово к отплытию. Одно судно было предназначено для моего отца и членов его семьи, свита и багаж отправлялись на двух или трех других кораблях. Число путешественников в значительной степени зависело от

количества кораблей, но все же восточный человек не занимает много места: он не просит себе отдельную каюту, а когда наступает ночь, выбирает себе место на палубе и расстилает там свой коврик. Свита и слуги султана поднялись на корабль первыми, рано утром наступила очередь женщин, примерно в середине дня за ними последовали Сеид Саид и его родственники-мужчины. Я вспоминаю, что мои братья Халед и Маджид вместе с несколькими своими младшими братьями спустились на берег, чтобы проводить султана, и отплытие было отмечено салютом из двадцати одного ружья.

Тишина словно накрыла дом, который, хотя и был плотно населен, как будто чувствовал себя одиноко без своего главы. Халед, как старший из сыновей султана, находившихся на Занзибаре, должен был замещать отца во время его отсутствия. Он несколько раз в неделю приходил в наш дом, чтобы узнать, что у нас нового, и так же часто заходил в Бет-иль-Мтони, чтобы повидать его жителей и посоветоваться с нашей высокородной и могущественной мачехой Аззой бинт-Сеф.

Халед был строгим хозяином, и нам часто случалось испытать на себе его суровость.

Однажды в Бет-иль-Сахеле вспыхнул пожар. К счастью, его быстро потушили, но, когда он начался, мы все в панике побежали к дверям и увидели, что двери закрыты и охраняются солдатами. Их приказал поставить там Халед, который не хотел, чтобы мы выставили себя на обозрение народу при свете дня. В другой раз он прогнал из мечети дальнего, но влиятельного родственника за то, что тот осмелился попросить руки одной из его сестер. Незадачливый поклонник после этого не решался появиться ни там, где присутствовал Халед, ни в мечети, где тот молился. Однако по воле судьбы после смерти Халеда и Сеида Саида этот отвергнутый женился на другой сестре.

На время своего отсутствия мой отец назначил Холе управляющей, если можно использовать такое слово, двумя домами – Бет-иль-Сахелем и Бет-иль-Тани. Назначение этой яркой звезды нашей семьи вызвало большое недовольство – конечно, порожденное завистью. Несмотря на свою доброту, Холе не могла нравиться всем, потому что она, как и все мы, была всего лишь человеком. От нее ждали невозможного, забывая о пределах предоставленной ей власти. Она не была виновата в том, что была любимицей султана, но зависть ослепляет разум.

Тем временем наши трехмачтовые парусники плавали с Занзибара в Оман и обратно, так что мы часто получали новости и подарки от султана. Прибытие корабля, естественно, вызывало огромную радость; возбуждение, толкотня и бурная жестикуляция

при этом были такие, которые можно увидеть лишь на юге. С печалью должна сказать, что вскоре Господь забрал у нас Халеда, и обязанности временного правителя перешли к Маджиду, имевшему на это право как следующий по времени рождения сын султана; он покорил все сердца своей приветливостью.

Наконец из Омана прибыл корабль с радостным известием, что султан возвращается. Эта новость быстро распространилась повсюду, и весь остров испытал огромную радость: мой отец отсутствовал уже больше двух лет, и люди по нему очень скучали. А те, кто не чувствовал искренней преданности ему, по меньшей мере ожидали его возвращения из-за подарков, которые он, несомненно, должен был щедро раздать и молодым, и старикам на Занзибаре. Но прошло достаточно времени, чтобы путешественники успели прибыть, а еще не было видно ни одного корабля. Люди и в городе и в стране встревожились. А у арабов есть страсть спрашивать так называемых ясновидящих о скрытом от людей будущем, и на Занзибаре это суеверие невероятно популярно как у арабов, так и у людей народа суахили. Цыгане могли бы многому научиться у своих собратьев суахили, которые пускают в ход поразительное количество обманов, которые воспринимаются с изумительной доверчивостью. Любые средства для объяснения того, что султан так задержался в пути, считались законными, и поэтому те одаренные личности, о которых я только что упомянула, приезжали к нам во множестве. Они были доставлены из всех частей острова, даже из самых дальних; тех, кто был очень стар, привозили на ослах.

О самой выдающейся из пророчиц говорили, что она, а вернее, ее нерожденный ребенок может предсказывать будущее, и за этим не имеющим себе равных чудовищем тоже отправили посланцев. Я очень ясно помню тот день, когда она прибыла. Она была ненормально толстой и заявляла, что уже много лет носит в своем чреве всезнающего чудо-ребенка. Он него не скрыто ничто из происходящего на вершинах гор или в глубинах морей. Несколько человек спросили ее, как чувствует себя султан и почему его поездка продолжается так долго. Ответ был дан слабым писклявым голосом и по содержанию был прямым. Это существо сказало, что несколько трехмачтовых кораблей плывут по океану к Занзибару, и пообещало сосредоточиться на корабле султана, чтобы узнать, что тот делает. И чуть позже прозвучал подробный отчет о том, чем кто в этот момент занимается. Затем было велено принести щедрую жертву водяным духам, чтобы те оберегали путешественников и охраняли их от беды.

Конечно, эта часть пророчества была исполнена буквально. Несколько дней профессиональные нищие – их на нашем

прекрасном острове легионы – лакомились мясом, птицей и рисом, которые были им розданы, помимо одежды и денег. Позже мы с большим отвращением узнали, что были обмануты чревовещательницей. Мы все верили в чудесного ребенка и его способность узнавать невидимое и открывать тайны, скрытые от человеческих глаз. Но в то время никто из нас не мог заподозрить, что всего-навсего состоялся сеанс чревовещания, поскольку до того случая мы никогда не слышали о подобном явлении. Все потустороннее и таинственное с непреодолимой силой влечет к себе коренных жителей Занзибара, и чем непонятнее какое-то обстоятельство, тем оно для них возможнее. Все верят в невидимых духов, добрых и злых. Комнату, в которой умер человек, много дней тщательно окуривают ладаном, а поскольку считается, что душа умершего любит посещать комнату, где он раньше лежал больным, ее старательно обходят стороной, особенно по ночам, и никого ни за какую награду нельзя уговорить пойти туда ночью.

Предрассудки царствуют в умах. Болезнь, обручение, беременность и еще множество различных причин считаются основанием, чтобы вызывать ясновидящих и прорицателей. У них спрашивают, излечима ли болезнь и долго ли она будет продолжаться, будет ли судьба благосклонна к брачному союзу, мальчик или девочка появится на свет и так далее. Если предсказание не исполняется, что бывает очень часто, пророчица всегда находит убедительное оправдание. Она заявляет, что день предсказания был для нее несчастливым и что в следующий раз она, несомненно, справится лучше. И все сходит с рук! Эта профессия так выгодна, что любой, кто начинает ею заниматься, может надеяться, что скоро станет зажиточным мужчиной – или, что бывает чаще, зажиточной женщиной.

Глава 10
Смерть Сеида Саида

Подготовка к возвращению султана. – Маджид отправляется встречать его. – Дворец окружен по приказу Баргаша. – Кто хочет узурпировать власть. – Прибытие тела султана. – Возвращение Маджида. – Траур при дворе. – Маджид наследует власть не по правилам. – Отделение Занзибара от Омана. – Раздел имущества Сеида Саида.

День проходил за днем, неделя за неделей, а султан все не возвращался. Наконец однажды днем, когда некоторые еще молились, стала известна хорошая новость: рыбак видел несколько кораблей под флагом нашей страны, хотя из-за плохой погоды был осторожен и не очень далеко отплыл от берега. Конечно, это возвращается султан! Все кинулись надевать свои лучшие наряды, которые давно были приготовлены для радостного события.

Пока мы заставляли рыбака снова и снова повторять его слова и столько же раз клясться в их правдивости, был отправлен гонец на коне к нашей мачехе в Бет-иль-Мтони. Во дворе начали резать скот, варить и печь еду, комнаты обрызгивали благовониями и приводили все в идеальный вид. По утверждению рыбака, суда должны были прибыть примерно через два часа. Маджид с сопровождающими спешно отправился встречать своего отца.

Они отплыли на двух катерах, борясь со штормом, который угрожал их погубить, и ожидали, что в тот же вечер вернутся к нам вместе с Сеидом Саидом.

Наступила ночь, но не было видно ни одного корабля. В городе, и особенно в нашем доме, поселилось беспокойство, потом шумная тревога. Предположили, что Маджид и его эскорт погибли во время бури, а потом это опасение разрослось в страх, что потонул весь флот. Один делился с другим предчувствиями, тот отвечал ему догадками, и наоборот; никто, даже дети, не желал ложиться спать, пока не узнает, что путешественники благополучно сошли на берег.

Внезапно разнесся слух, которому мы сперва не поверили: дворец окружен солдатами. Мы все бросились к окнам, чтобы узнать, так ли это. Ночь была непроглядно темная, но иногда можно было разглядеть, как блестит дуло ружья; и, признаться, такое зрелище не слишком успокоительно подействовало на

множество взволнованных женщин и испуганных детей. Кроме того, нам дали понять, что солдаты оцепили дом и не разрешают никому ни входить в него, ни выходить наружу. Все громко кричали, что хотят знать, что случилось и почему нас заперли, но самым важным был вопрос, кто отдал указания об этом. Маджид, насколько мы знали, еще не вернулся; более того, в его доме люди беспокойно бегали вперед и назад, и этот дом был под охраной так же, как наш.

Все евнухи и рабы спали за пределами нашего дворца, и это усиливало ужас женщин и детей. Несколько самых храбрых женщин перешли в большой зал на первом этаже, откуда они могли говорить с солдатами через окна. Но военные оказались несговорчивыми: им было дано распоряжение ничего нам не сообщать. Правду говоря, они дошли до того, что грозили застрелить самых шумливых служанок. Начались плач и причитания с обвинениями в адрес злого духа; дети кричали, и ничто не могло их успокоить; те, кто был набожным, молились всемогущему Господу. Короче говоря, это было что-то неописуемое; тот, кто внезапно был бы перенесен в ту страшную ночь, подумал бы, оказавшись среди этого ужасного смятения, что попал в сумасшедший дом.

Наступил рассвет, но мы по-прежнему ничего не знали о том, почему находимся в заточении, о Маджиде тоже ничего не было слышно. Но когда мы в положенное время стали расходиться для молитвы, кто-то крикнул, что флот стоит на якоре в гавани и на кораблях вывешены траурные флаги. Затем вошли наши братья – но без султана. И тогда мы поняли, что означал траур на кораблях и какую невосполнимую утрату понес народ: возвращаясь из Омана на Занзибар, мой отец, наш султан упокоился навечно. Пуля в ноге, так долго мучившая его, довела до конца свое губительное дело. Покойный был не только заботливым отцом для своей семьи и своего народа, но и самым добросовестным и честным из правителей. Его смерть позволила увидеть, как сильно его любили: на каждом доме, даже на самой бедной хижине, был вывешен черный флаг.

Баргаш, который путешествовал вместе с нашим отцом на его корабле и был свидетелем его смерти, сообщил нам печальные подробности. Мы благодарили Баргаша за то, что он спас драгоценные останки от похорон в океане, в соответствии с мусульманской религией. Он настоял на том, чтобы привезти тело на Занзибар, и даже приказал сделать на борту что-то вроде гроба для его хранения. Хотя его поступками руководила горячая любовь к отцу, он в этом случае серьезно нарушил наши религиозные правила и наши обычаи. Мы не пользуемся гробами:

мы считаем, что любой, без разницы – князь или бедняк, должен в своем природном виде вернуться в землю, из которой вышел.

Теперь мы узнали и о том, почему ночью нас так строго охраняли. Маджида на его хрупком маленьком суденышке шторм бросал то туда, то сюда, и поэтому он разминулся с Баргашем, который командовал флотом, как старший по сану, после смерти султана, из тех, кто находился с покойным в море, и незаметно выгрузил тело султана с корабля, чтобы тайно похоронить его на нашем кладбище.

Согласно традиции, если возникает спор о праве на наследство, он должен быть решен прилюдно, в присутствии тела покойного. Но Баргаш решил сам взять власть в свои руки, поскольку знал, что, если положенный обряд спора будет исполнен, все предпочтут его старшего брата Маджида, и решил заранее помешать любым решениям такого рода. Поэтому, сойдя с корабля, он сразу же приказал окружить оба дома. Его замысел не удался потому, что он не захватил Маджида, который еще не вернулся. Позже Баргаш пытался оправдать свои поступки тем, что желал не допустить возможность переворота.

Маджид в тот же день провозгласил себя султаном и таким образом стал правителем Занзибара. Всех остальных охватили тревожные сомнения, что Маджид сможет долго продержаться на престоле: наш самый старший брат Туэни, который остался в Омане, мог явиться и силой отнять власть у Маджида.

Соблюдая траур по Сеиду Саиду, мы все должны были отказаться от наших нарядных одежд и надеть грубую одежду из черной шерсти. Красиво вышитые покрывала уступили место другим, из простой черной ткани. Мы перестали пользоваться притираниями и духами, а ту, кто брызгала на свою одежду немного розовой воды, чтобы заглушить неприятный запах краски индиго, обвиняли в бессердечии или кокетстве. Первые несколько дней взрослые спали на полу, а не в постелях, выражая тем самым свое уважение к покойному, который лежал на твердой земле. Целых две недели наш дом был похож на большую гостиницу, куда любой, нищий или князь, мог свободно прийти и наесться до отвала. Согласно старой традиции, любимое кушанье султана специально готовили в большом количестве и ставили перед бедняками.

Жены умершего султана, все без исключения, как главные, так и младшие, обязаны соблюдать религиозный траур в течение четырех месяцев. Эти несчастные должны постоянно находиться в темной комнате и никогда специально не подставлять себя дневному свету, тем более лучам солнца. Если вдова по какой-то причине вынуждена покинуть свою искусственно затемненную

комнату, она набрасывает поверх покрывала тяжелую черную накидку, так что едва различает дорогу. От этого затворничества страдают глаза, и потом нужно соблюдать осторожность, приучая их к свету. В начале траура кади – то есть судья или должностное лицо, перед которым они, конечно, появляются плотно закутанные, – несколькими установленными фразами напоминает этим женщинам об их вдовстве. Когда четыре месяца заканчиваются, он же другими формальными словами прекращает их суровое затворничество.

В этот же день снятия траура вдовы моего отца должны были все вместе одновременно омыться с головы до ног. Во время этого обряда позади каждой из них стояла служанка, которая ударяла одним лезвием меча о другое над головой своей госпожи (для вдовы бедного человека допускается пара гвоздей или любых железных вещей). Из-за большого числа жен, оставшихся после моего отца, эту церемонию нельзя было провести в банях, несмотря на их величину; ее пришлось устроить на берегу, это было странное, полное движения зрелище. Теперь вдовам было разрешено сменить траур на другую одежду и считать себя свободными для нового замужества. Обычно жены султана могли видеться в доме со всеми своими родственниками-мужчинами и со своими мужчинами-слугами, но в течение четырех траурных месяцев их не мог видеть ни один мужчина, кроме их братьев – родных и сводных.

В первый год после смерти Сеида Саида некоторые из нас приходили на его могилу каждый четверг – в канун мусульманского воскресенья. Его похоронили в прямоугольной постройке с большим куполом – усыпальнице, где уже упокоились несколько моих братьев и сестер. Прочитав первую суру Корана, а затем другие молитвы, в которых просили всемогущего Бога простить умершим их грехи, мы лили на места их упокоения розовое масло и розовую воду, а затем добавляли к этим благовониям амбру и мускус, и все это время, давая волю своим чувствам, мы громко оплакивали нашу утрату. Мусульмане твердо верят в бессмертие души и верят также, что души умерших иногда посещают (оставаясь невидимыми) тех своих живых друзей, которые своими молитвами на их могилах показывают, что желали бы этого. Короче говоря, почтение к умершим очень велико, и, если мусульманин, известный как порядочный человек, клянется головой или именем умершего, вы знаете, что он скорее погибнет, чем нарушит клятву.

В Оман был отправлен корабль с известием о постигшем нас горе, и мой брат Мухаммад прибыл на Занзибар как представитель всех моих братьев и сестер, живших в Омане,

чтобы проследить за распределением наследства. Выполнив свое поручение, он сразу же поспешил вернуться в Маскат. Мухаммад считался самым набожным во всей нашей семье, он с юности старался держаться в стороне от мира и мирских дел. Этот враг богатства и внешнего блеска никогда не пользовался теми удовольствиями, которые мог принести ему сан принца. Тем неприятнее ему показалась роскошь занзибарского двора – в особенности из-за того, что в Омане такого великолепия не было. Он чувствовал себя просто несчастным среди этого великолепия, оттого и поторопился вернуться к предпочтительной для него более скромной жизни.

Вопрос о наследовании престола был решен не так, как полагалось. Маджид, который правил нашим островом, совершенно не беспокоился о том, признаёт ли его султаном Занзибара наш брат Туэни, который стал править в Омане. Позже, благодаря влиянию англичан, было достигнуто что-то вроде компромисса: Маджид обязался ежегодно выплачивать своему старшему брату определенную сумму денег. Но Маджид лишь недолго выполнял это соглашение, оскорблявшее его тем, что выплату можно было посчитать уплатой дани, а его – вассалом. Туэни ничего не мог сделать: у него дома было достаточно того, с чем надо было бороться, и он был слишком беден, чтобы с помощью военного похода отстоять свои права в споре с процветающим властителем Занзибара. Без договора или соглашения Занзибар и Оман разорвали свой союз, и с этого времени та и другая страна жили как независимые государства. С другой стороны, Мухаммад ухитрился удовлетворительным образом разделить личное имущество моего отца на Занзибаре. «Государство» в европейском понимании этого слова на Занзибаре ничего не значит. Поскольку там неизвестно понятие «государственный доход», все собранные налоги были личной собственностью моего отца. Этими доходами и доходами от своих сорока пяти плантаций – он был главным землевладельцем на острове – он наполнял свою казну и оплачивал расходы. По крайней мере, в мои дни там не было ни подоходного налога, ни налога на землю, ни налогов на промышленную деятельность в том виде, в котором они существуют здесь.

Вся частная собственность моего отца была разделена между наследниками, даже военные корабли, часть которых перешла к Туэни, а часть к Маджиду. При наследовании имущества мусульманский закон дает сыновьям преимущество перед дочерьми по той причине, что мужчина должен содержать семью, а женщина не обязана это делать. Поэтому каждая из моих сестер получила вдвое меньше, чем каждый из братьев. Мой брат Ралуб,

который когда-то был моим товарищем по играм в Бет-иль-Мтони, и я были объявлены совершеннолетними, хотя нам обоим было не больше двенадцати лет. Это противоречило обычным правилам, но случай был такой, что оправдывал изменения. Мы оба получили свою долю наследства и таким образом стали двенадцатилетними независимыми гражданами. Наши более юные братья и сестры остались под опекой Маджида, а их доли – под его охраной и контролем.

В своем завещании отец назначил своим бездетным женам содержание до конца их жизни, а матери его детей получили лишь сравнительно малые суммы денег. Должно быть, он предполагал, что мы станем заботиться о своих матерях, поскольку мы унаследовали гораздо больше, чем они. И он не ошибся в нас, потому что я могу с полной ответственностью сказать, к чести всех моих братьев и сестер, – тридцать шесть из них пережили моего отца, – что никто из них не обманул это подразумеваемое доверие. Мать – всегда мать, будь она урожденная принцесса или купленная рабыня, и, независимо от денег или положения в обществе, имеет все права на любовь своего ребенка.

Вскоре после распределения наследства наш когда-то перенаселенный дворец стал пустым и безлюдным – во всяком случае, по сравнению с прежними днями. Многие из моих братьев и сестер покинули Бет-иль-Сахель вместе со своими матерями, рабами и рабынями, чтобы создать собственные дома. Поскольку Холе не последовала их примеру, моя мать и я остались с ней в Бет-иль-Тани. В Бет-иль-Мтони произошли такие же перемены.

Было и в самом деле правильно, что некоторые из нас, имея теперь свои средства и свободу жить так, как им нравится, избавили остальных от тесноты, уступив большие дома младшим братьям и сестрам. О маленьких детях, их матерях и слугах стал заботиться Маджид, конечно оплачивая все расходы из их доходов.

Глава 11
Положение женщины на Востоке

Несчастливые браки на Западе. – Запертые от мужчин. – Многоженство и брак с одной женой. – Уважение к женам. – Расплата с мужьями. – Права женщин в доме. – Их веселый характер. – Неприступность гарема. – Развестись легко. – Примеры, опровергающие мнение об «униженности» восточных женщин.

Я перехожу к рассказу о положении женщины на Востоке. Поскольку я там родилась и выросла, меня будут считать заинтересованным лицом, и, вероятно, я не сумею разрушить ошибочные представления об отношениях между арабской женой и ее мужем, преобладающие во всей Европе, особенно среди немцев.

Приехав в Европу, я и сама ошибалась, когда судила о ее нравах по внешним признакам. Улыбающиеся лица, которые я видела каждый раз, когда появлялась в обществе, убеждали меня в том, что семейные отношения в Европе приносят больше счастья, чем на моей родине. Но позже, когда мои дети выросли и стали меньше нуждаться в моей заботе и внимании, я ближе соприкоснулась с европейским миром и узнала, что ошибалась, полагая, будто люди и жизнь здесь такие, какими кажутся. Я видела много супружеских союзов, которые не зря называются «брачными узами» и явно имеют целью заставить скованных друг с другом мужа и жену терпеть на земле адские пытки. И я видела достаточно несчастных браков, чтобы не верить, будто христианские брачные установления намного выше мусульманских или обеспечивают намного больше счастья… Ни религия, ни верность традиционным взглядам на жизнь не могут гарантировать семейного счастья. Все зависит от того, хорошо ли муж и жена понимают друг друга. Только это может создать покой и гармонию, которые делают жизнь в браке действительно прекрасной. Я знакома во всех подробностях только с тем положением, которое существует на Занзибаре, хотя в Омане оно почти такое же. Однако именно в Аравии и среди арабов мусульманская вера поддерживается в самом чистом виде, и потому я могу утверждать, что говорю обо всем мусульманском Востоке – кроме тех его частей, где эта основа обросла нововведениями в результате близкого общения с христианским Западом.

Начну вот с чего: неверно считать, что восточная женщина пользуется меньшим уважением в обществе, чем ее муж. Главная жена мужчины – конечно, речь не идет о купленных младших женах – равна своему мужу во всех отношениях, сохраняет то положение в обществе, которое принадлежит ей по рождению, и связанные с ним права и привилегии. Кажется, что арабская женщина беспомощна и что ее свобода отчасти ограниченна, но это лишь выглядит так, потому что она живет уединенно. Так женщины живут во всех мусульманских странах Востока и в некоторых восточных немусульманских странах; и чем знатнее женщина, тем строже соблюдается это правило. Ее лицо не должен видеть никто из мужчин, кроме отца, мужа, сыновей, племянников и ее собственных рабов. Если же она должна пойти туда, где присутствует посторонний мужчина, или говорить с посторонним мужчиной, вера предписывает ей быть с покрывалом на лице и с покрытой головой. Часть лица, подбородок, шея и щиколотки должны быть скрыты от глаз. Соблюдая это правило, она может ходить где желает и выходить на улицу. Малообеспеченные женщины, у которых мало слуг или вовсе их нет, вынуждены часто выходить из дома и таким образом имеют больше свободы. Если вы спросите у такой женщины ее мнение, она ответит, что наши законы были созданы не для бедняков. И я должна признать: известно, что дамы, занимающие высокое положение в обществе, завидуют бедным женщинам из-за этого преимущества – которое судьба подарила и оманским женщинам, поскольку в своей небогатой стране они не могут содержать много слуг.

Однако богатая женщина может выходить на улицу днем. Если у нее заболел или умер родственник, она может пойти в его дом, также она может прийти к судье, чтобы защищать свои интересы, поскольку у нас нет адвокатов. Но традиция требует, чтобы она пользовалась этим правом лишь в случае крайней необходимости, и склонности женщин совпадают с традицией: из-за тщеславия женщины не любят закутываться в покрывала и выглядеть как ходячие куклы. Хотя я признаю восточную точку зрения на то, как надо одеваться, странной, я считаю, что европейские представления об одежде ничуть не лучше. Наряд, который дамы здесь надевают на балы, кажется мне еще большим преувеличением, но в противоположном направлении.

Женщина, не имеющая родственников-мужчин, действительно вызывает жалость. Полностью отгороженная от сильного пола религией и обычаем и поэтому лишенная совета и защиты, она может попасть в очень трудное положение. Она часто бывает обворована своим управляющим или обманута как-нибудь

иначе. Несколько знакомых мне женщин даже вышли замуж для того, чтобы избавиться от этих постоянных обманов. Так что вынужденное уединение женщин временами становится весьма тягостным. Тем не менее восточные женщины не нуждаются в том ливне сочувствия, который щедро проливают на них европейцы, поскольку слабо чувствуют это ограничение: привычка делает сносной любую жизнь.

Еще больше их жалеют из-за многоженства – оттого, что жена вынуждена делить любовь своего мужа с другой женщиной или другими женщинами. Мусульманину разрешено иметь четырех законных жен, и, если одна из них умирает, он может жениться на пятой. Младших жен он может купить столько, сколько пожелает. Но я никогда не видела мужчину, у которого было бы одновременно четыре законных жены. Бедняк может позволить себе только одну жену, а богач не имеет больше двух, причем они живут отдельно одна от другой, каждая в своем доме. Некоторые женщины охраняют свою независимость тем, что просят жениха, чтобы он подписал договор о том, что он обязуется не брать в законные жены и не покупать в младшие никакую другую женщину.

Таким образом, на практике преобладает моногамия. Но если мужчина полностью осознаёт свои законные права, положение дел легко может стать очень плохим. Вполне естественно, что в семье возникают ненависть и злоба и горячая южная кровь начинает кипеть от бешеной ревности – частые проявления которой должны вроде бы доказать, насколько горячее любовь восточной женщины, чем любовь более спокойной северянки. Однако эта страсть – ревность – часто делает жизнь в многоженстве невыносимой, и это хорошо. Многие состоятельные мужчины, не желая ежедневных скандалов и ссор, предпочитают иметь одну жену. Каждый человек, способный мыслить разумно, и в особенности каждая женщина, должен ясно видеть, что многоженство не заслуживает ни защиты, ни оправдания.

Но что можно сказать о браке у цивилизованных христиан-европейцев? Я не буду говорить о многоженстве, которое существует у христианской секты мормонов в христианской стране. Вернемся к респектабельному европейскому обществу. Действительно ли брачные узы в нем так святы? Не бывает ли часто нелепостью говорить об «одной» жене? Действительно, христианину разрешено иметь лишь одну супругу, и это – великое благо. Христианская вера приказывает делать то, что хорошо и правильно, мусульманская допускает зло. Однако преобладающие обычаи и особенности реальной жизни на Востоке в значительной мере смягчают дурные последствия закона, тогда как здесь грех

очень часто одерживает верх, несмотря на закон. Кажется, что едва ли не единственная разница между восточной и западной женщиной – то, что первая знает количество и, возможно, склонности и характер своих соперниц, а вторая пребывает в приятном неведении.

Конечно, только богатые мужчины могут покупать себе младших жен. Вначале эти жены – рабыни, но материнство дает им свободу. В редких случаях жестокий господин продает такую жену после смерти ребенка, оттого что она ему надоела или ради денег. После смерти мужчины все его младшие жены становятся свободными. Если позже одна из них вступает в брак с братом или другим родственником бывшего мужа, то делает это как законная, то есть главная, жена.

То, что арабы обращаются со своими спутницами пренебрежительно, – это миф. Уже одно наше вероучение помешало бы этому: оно в некоторых отношениях ставит женщину ниже мужчины, но одновременно предписывает ему защищать женщину из-за ее слабости. Благочестивый богобоязненный мусульманин ровно настолько же добр к жене, как хорошо воспитанный культурный европеец, а может быть, даже еще больше владеет собой, потому что никогда не забывает, что Бог присутствует всюду, и до последнего вздоха сохраняет веру в Божье возмездие. Конечно, всюду можно обнаружить негодяев, которые не относятся к своим женам с подобающими любезностью и уважением, но я могу с чистой совестью утверждать, что здесь я чаще слышала о добропорядочных мужьях, которые бьют своих жен, чем на родине. Хороший араб посчитал бы, что позорит себя, если бы так далеко вышел за рамки приличий. Иначе ведут себя негры на плантациях. Мне часто приходилось мирить мужа и жену, которые от души колотили друг друга.

Жена также не обязана покорно терпеть все капризы своего мужа. Если одна из его причуд оскорбляет ее, она может искать поддержки у своих родственников или, если она одна на свете, имеет право искать правосудия у кади. Одна моя близкая подруга в шестнадцать лет согласилась стать женой своего родственника, который был намного старше ее и совершенно ее недостоин. Этот совершенно легкомысленный человек воображал, что жена будет терпеть все, потому был весьма удивлен, когда однажды вечером, вернувшись домой, обнаружил, что вместо жены дома его ждет письмо, написанное в очень суровых выражениях. Я имела привычку посещать эту подругу в ее имении, не сообщая об этом заранее, потому что знала, что ее милый супруг предпочитает удовольствия городской жизни. Но однажды она пришла ко мне,

чтобы сказать, что больше я не должна приходить к ней, не сообщив об этом, потому что теперь ее муж все время был дома. Он пришел к ней, покаялся и вымолил у нее прощение. Один раз узнав, как решительно она может действовать, он постарался больше не оскорблять ее. Я могла бы привести и другие примеры независимого поведения женщин.

Когда супруги встречаются, они целуют друг другу руку. Едят они вдвоем, вместе с детьми. Женщина выполняет для мужа много мелких дел в знак любви. Когда он выходит из дома, она подает ему оружие и снимает это оружие с мужа, когда он возвращается; подает ему воду для питья и так далее – в общем, оказывает те мелкие знаки внимания, которые делают совместную жизнь приятной и счастливой, причем делает это без малейшего принуждения. В делах управления домом она – верховная госпожа. Обычая выдавать регулярно определенную сумму специально на ведение хозяйства нет; муж и жена черпают из одного и того же кошелька, хотя, если мужчина имеет двух главных жен, живущих раздельно, он делит свои доходы между ними. В какой степени женщина пользуется своими домашними преимуществами, зависит от ее воли и от воли ее мужа. Однажды, когда я устраивала большой праздник на одной из моих плантаций и казалось, что часть гостей неизбежно откажутся приехать оттого, что им будет трудно вовремя достать себе верховых животных, одна дама предложила одолжить мне на время столько ослов и погонщиков, сколько мне понадобится. Когда я предложила получить согласие ее мужа на это щедрое предложение, она довольно резко ответила, что не привыкла просить его разрешения в таких маловажных делах. Другая моя знакомая на Занзибаре имела еще больший контроль над домашними и хозяйственными делами мужа – управляла его имениями и его городским домом. Муж даже не знал точной суммы своих доходов и был не против получать из ее рук все деньги, которые бывали ему нужны; благодаря ее уму и дальновидности он жил очень обеспеченно.

Воспитание детей полностью находится в руках матери, кто бы она ни была – законная жена или приобретенная рабыня, и в этом для нее огромное счастье. От английской дамы из общества ожидают, чтобы она раз в сутки заходила в детскую комнату, француженка отправляет своего отпрыска в деревню, а там о детях заботятся посторонние люди. Арабка же постоянно окружает их самой нежной заботой и почти никогда не выпускает их из виду все время, пока им нужна материнская опека. За это ее вознаграждают сильной любовью и глубоким уважением. Отношения с малышами служат ей компенсацией за недостатки

многоженства и делают ее семейную жизнь счастливой и радостной. Тот, кто видел, как беззаботны и веселы восточные женщины, должен знать, как мало истины содержат рассказы об их угнетенном состоянии и униженности.

Но глубокое понимание истинного положения дел невозможно приобрести за несколько минут визита. Араб, при всей своей вежливости, не любит, чтобы посторонние люди, особенно если они из другого народа или исповедуют другую веру, всматривались в его личную жизнь. Когда к нам приходила в гости европейская женщина, мы начинали с того, что изумленно раскрывали глаза, увидев ее невероятно широкую в обхвате фигуру, потому что в те дни дамы носили кринолины, которые могли бы перегородить лестницу.

Беседовали мало, в основном о секретах одежды. К даме проявляли обычное гостеприимство, евнух опрыскивал ее розовой водой, ей преподносили прощальные подарки, и она уходила нисколько не мудрее, чем была. Она побывала в гареме, увидела здесь «несчастных» женщин (под покрывалами), удивилась нашей одежде, нашим украшениям, тому, как ловко мы сидим на полу, – и это все. Она никогда не могла похвалиться тем, что узнала больше, чем другие европейцы, бывавшие у нас. От двери и потом обратно до двери ее провожали евнухи, ни на миг она не оставалась без наблюдения. Западной женщине редко показывают какие-нибудь комнаты кроме той, в которой ее принимают; иногда ей удается рассмотреть закутанных дам, которые развлекают ее. Короче говоря, она не имеет никакой возможности изучить восточную семью и положение наших женщин.

Другая особенность нашей брачной жизни: девушка, став женой, не изменяет этим ни свое положение в обществе, ни имя. Жена принца, родившаяся в простой семье, никогда и подумать не может о том, чтобы потребовать себе такие же титулы, как у него. Несмотря на свое замужество, она остается «дочерью такого-то», и к ней обращаются именно так. И наоборот: арабский принц или вождь племени часто позволяет своей дочери или сестре выйти замуж за его собственного раба. Он говорит себе: мой слуга – ее слуга, поэтому она остается госпожой, как была. Однако после такой свадьбы муж перестает быть рабом в прямом смысле этого слова, хотя, разумеется, говоря о своей жене, называет ее «ваше высочество» или «госпожа». Мужчина, упоминая о своей жене в разговоре – чего он старается избежать, – никогда не называет ее «моя жена», а обозначает ее словами «дочь такого-то» или может сказать «мать моей семьи», независимо от того, есть у нее дети или нет.

Супруги, которые не были знакомы друг с другом до свадьбы,

иногда обнаруживают, что им трудно или даже невозможно жить в согласии, и поэтому легкость магометанского развода, несомненно, является благом. Разумеется, лучше, чтобы муж и жена, коренным образом различающиеся во мнениях и характере, мирно расстались, чем чтобы они оставались прикованными друг к другу всю свою жизнь и оба терпели от этого муку, которая могла бы закончиться насилием или преступлением. В случае развода женщина получает назад свое имущество, над которым и во время брака имела неограниченную власть. Если муж требует развода, свадебные подарки остаются ей, но если развод происходит по ее настоянию, то возвращает их.

Из всего, что я написала, должно быть ясно, что восточная женщина не такое обиженное и угнетенное создание, не такой ноль, как о ней говорят. Моя мачеха Азза бинт-Сеф – яркий пример этого. Она имела полную власть над Сеидом Саидом, управление двором и государством шло согласно ее капризам. Если кто-то из нас желал получить что-либо от султана, просьбу должна была одобрить она, и она сохраняла свою власть до самой его смерти.

Другой пример, который я помню, – дочь офицера оманских войск, которая приехала жить на Занзибар вместе со своим мужем. Она была хитрой и остроумной, но безобразной до уродства. Тем не менее муж обожал ее, выполнял ее прихоти и причуды с ангельским терпением. Куда бы жена ни шла, он волей-неволей должен был сопровождать ее, так что ни одну минуту своего времени он не мог с уверенностью считать собственной. Он был просто рабом жены.

Чтобы опровергнуть ложное представление о «низшем» положении восточных женщин по сравнению с мужчинами, я должна упомянуть еще об одной особе. Моя двоюродная бабка, сестра моего деда, до сегодняшнего дня считается образцом проницательности, мужества и деловитости.

После смерти моего деда, правителя Омана, носившего титул имам Маската, остались трое его детей – мой отец Саид, мой дядя Селим и моя тетя Айша. Поскольку моему отцу было всего девять лет, надо было назначить регента, и тут моя двоюродная бабка сделала то, чего раньше не бывало никогда, – заявила, что будет править сама, пока ее племянник не достигнет совершеннолетия, и заставила замолчать всех, кто возражал. Министры, которые уже предвкушали удовольствие править страной в согласии со своими собственными планами, были весьма разочарованы, но вынуждены подчиниться. Каждый день они были обязаны являться к регентше для отчета и получения приказов. Она следила за всеми одновременно и, казалось, знала обо всем – к

огорчению тех, кто был ленив и небрежен в работе. Она сбрасывала узы этикета, когда хотела. Советуясь с министрами, она надевала шале, как будто собиралась выйти на улицу, относилась с полным безразличием к тому, что люди это осуждали, и старалась выполнять свою задачу благоразумно и энергично.

Вскоре после того, как она начала править, вспыхнула война – к сожалению, на Востоке это бывает часто. Один род, состоявший в родстве с нашим, пожелал свергнуть правительство и сам захватить власть. Они думали, что при женском правлении это окажется легким делом. Опустошая страну огнем и мечом, они дошли до Маската и осадили его, вначале загнав в этот город много крестьян, которые бежали от них в поисках помощи и защиты. Маскат хорошо укреплен, но чем помогут даже самые толстые стены, если не хватит еды и боеприпасов?

Именно тогда моя тетка показала всю твердость своего духа – и заслужила восхищение даже у врагов. По ночам она в мужской одежде выезжала верхом на коне осматривать передовые посты, и иногда только резвость ее коня спасала ее от плена. Однажды вечером она выехала в очень мрачном расположении духа, потому что узнала, что враги были намерены прорваться в крепость с помощью подкупа и перерезать весь гарнизон. Решив испытать верность своих войск, она подъехала к часовому, попросила, чтобы он позвал своего начальника, и предложила тому соблазнительную награду от имени своих противников. Гнев этого благородного солдата вернул ей уверенность – хотя ее же сторонники едва не убили ее как шпиона.

Дела Маската шли все хуже и хуже. Начался голод, и всех охватило уныние. Помощи ждать было неоткуда, и в конце концов было принято решение сделать последнюю, отчаянную вылазку, чтобы умереть с честью. Оставшегося пороха хватало как раз на один бой, но свинца больше не было. Тогда регентша приказала собрать все гвозди и даже все камни подходящего размера, чтобы смастерить из них боеприпасы для мушкетов. Все остальные железные и медные предметы были разбиты, и из них отлили пушечные ядра. Даже серебряные доллары из казны были принесены в жертву – их перелили в пули. И все эти крайние меры принесли успех: захваченное врасплох вражеское войско разбежалось на все четыре стороны, оставив половину своих людей на поле боя убитыми или ранеными. Маскат был спасен.

После этого моя двоюродная бабка продолжала править спокойно, и, когда она передала царство моему отцу, оно было в таком прекрасном состоянии, что он смог взглянуть на другие страны в поисках новой земли, подходящей для завоевания, – и

увидел Занзибар. Поэтому то, что мы завладели этой второй страной, было в большой степени ее заслугой.

И она была восточной женщиной!

Глава 12
Сватовство и свадьба у арабов

Первое знакомство. – Как правило, выбирают по слухам. – Девушки вправе отвергать поклонников. – Какие формальности должна выполнить невеста. – Свадебные обряды.

У арабов брачный союз обычно устраивает отец или глава семьи. И в этом нет ничего особенного, так часто случается и в Европе, где общение между мужчинами и женщинами в высшей степени свободное. Разве не часто мы слышим о безрассудном расточителе, который так увяз в долгах, что единственный выход для него – принести в жертву кредитору свою красивую или обаятельную дочь, или о легкомысленной светской женщине, которая чуть ли не тащит свою дочь к мужу, с которым та будет несчастна, лишь бы избавиться от нее? Среди арабских родителей тоже есть тираны, которые глухи к голосу совести и не думают, станет ли будущее их отпрыска благополучным, но там, если родители выбирают жениха дочери или невесту сыну, нельзя считать, что они злоупотребляют своей властью. Уединенная жизнь женщин делает такой порядок обязательным. Живя без всякого соприкосновения с миром мужчин, они общаются только с ближайшими родственниками сильного пола, хотя надо признать, что, несмотря на все предрассудки, время от времени знакомства происходят и продолжаются. Однако, согласно господствующему правилу, ни одна девушка не видит своего будущего мужа – разве что из окна – и не говорит с ним до вечера свадьбы.

И все же он не остается совершенно чужим для нее: его мать, сестры и тетки, соперничая одна с другой, описывают его невесте в мельчайших подробностях. Иногда эти двое играли вместе, когда были детьми: до девяти лет мальчики и девочки могут без всяких ограничений находиться вместе. И через несколько лет юноша просит свою прежнюю подругу по играм в жены у ее отца, но сначала все же проверяет через свою мать или сестру, какой стала предполагаемая жена. Каждый раз, когда молодой человек объявляет о своем намерении, подозрительный отец начинает с вопроса: «Как тебе удалось увидеть мою дочь?» Верный ответ на этот вопрос такой: «Я никогда не имел чести посмотреть на вашу уважаемую дочь, но от моих родственников знаю все о ее добродетелях и прелестях».

Только в том случае, если поклонник совершенно не подходит, он быстро получает от отца отказ, обычно же тот просит время на то, чтобы обдумать предложение. Затем отец девушки направляется домой, словно ничего не произошло, и, беседуя с женой и дочерью, внимательно наблюдает за ними. Он как бы случайно роняет фразу о том, что собирается скоро устроить мужской вечер, а когда его спрашивают, кого он хочет пригласить, перечисляет своих друзей. Если, упомянув имя поклонника, он замечает какие-нибудь признаки удовольствия, то убеждается, что женщины обеих семей согласны. После этого он объявляет дочери, что такой-то посватался к ней, и спрашивает, как она на это смотрит. Ее ответ обычно и решает дело: только бессердечный или властный отец примет решение, не дождавшись согласия или отказа дочери.

В этом отношении наш родитель всегда проявлял справедливость, позволяя своим детям самим решать их судьбу. Моей сестре Зуэне было всего двенадцать лет, когда к ней посватался дальний родственник. Султан, хотя и беспокоился из-за того, что она так молода, не стал наотрез отказывать молодому человеку, не посоветовавшись с ней. Зуэна только что потеряла свою мать и поэтому, не имея ни одного советчика, только для забавы согласилась выйти замуж за своего родственника, и султан дал на это согласие.

Бывает, что обручение и даже брак происходят в очень юном возрасте. Два брата, жившие на Занзибаре, решили соединить браком своих детей. Когда в одной семье сыну было семнадцать или восемнадцать лет, а в другой дочери – около семи или восьми, уже начались разговоры о том, чтобы заключить этот брак. Мать юноши, благоразумная женщина с ясным пониманием жизни, пожаловалась мне, что ее муж и его брат упрямо стараются навязать ей сноху, которая чуть старше младенца и которую ей самой придется растить и заботиться о ней. А мать девочки безутешно горевала из-за грозившей ей потери. Обе родительницы договорились, что будут добиваться отсрочки на два года. Чем это закончилось, я не могу сказать, потому что уехала с острова.

О состоявшемся обручении формально извещают друзей и знакомых. Делают это слуги, которые переходят из дома в дом, наряженные в свои лучшие одежды, раздают приглашения на свадьбу и получают от приглашенных в знак благодарности подарки. Теперь в доме невесты начинаются большие хлопоты, поскольку свадьба должна произойти в течение месяца, – в любом случае обручение никогда не продолжается долго, и подготовительных работ на благословенном юге нужно немного.

Жители Востока не имеют даже представления о бесчисленном множестве вещей, необходимых европейцам, и арабская невеста онемела бы от изумления, увидев приданое европейской девушки. Почему здесь люди так любят взваливать на себя ненужный груз? У арабов невеста получает сравнительно маленькое приданое, которое может состоять – в зависимости от ее положения в обществе – из красивой одежды, драгоценностей, рабов и рабынь, домов, плантаций и денег. Не только ее родители, но также жених и родители жениха преподносят ей подарки, которые все остаются ее личной собственностью.

В первую неделю после свадьбы от знатной молодой женщины ожидают, чтобы она меняла свои наряды два или три раза в день. Особого свадебного наряда для невесты, такого как белое платье и покрывало из тюля, обычай не предусматривает; невеста должна быть с головы до ног одета во все новое, а выбирать одежду предоставляют ей самой. Иногда в результате получается очень пестрая смесь цветов, которая, однако, не оскорбляет глаз. Кроме того, для этого случая изготавливают определенные благовония – например, притирание, которое называется *риха;* оно стоит дорого и состоит из растертого в порошок сандалового дерева, мускуса, шафрана и розового масла. Приятно пахнущую благовонную смесь для окуривания комнат делают, смешивая алоэ, мускус и амбру. Много людей пекут, готовят сладости, приобретают и пригоняют животных, которых потом зарежут на мясо.

Женщина должна исполнить один утомительный обычай – провести последнюю неделю своего девичества в темной комнате и носить в это время только самую простую одежду, поскольку считается, что так она будет выглядеть еще красивее в счастливый час свадьбы. В те недели, которые предшествуют этой, невесту просто осаждают гости. Все старые женщины, с которыми она знакома, и в первую очередь ее няньки, которых она могла не видеть годами, приходят засвидетельствовать ей свое уважение – с протянутой рукой. Также и главный евнух, который когда-то брил ее младенческие волосы, гордо напоминает ей, как он выполнял эту почетную обязанность. Затем просит ее по-прежнему быть его покровительницей – и подарить ему что-нибудь на память. Обычно он получает дорогую шаль, кольцо на мизинец левой руки, часы или несколько золотых монет.

Будущий муж избавлен от заточения в темной комнате, но тоже обязан награждать всех, кто когда-либо сделал хоть что-нибудь для невесты или для него самого.

Последние три дня перед свадьбой он проводит дома. В это

время его могут видеть только ближайшие друзья, а он и его обожаемая невеста обмениваются комплиментами и подарками через членов своих семей.

Свадебный обряд обычно происходит после заката. Он выполняется не в мечети, а в доме невесты. Брак заключает кади, а если ни одного кади нет рядом – человек, известный своим благочестием. Главное действующее лицо – если об этом можно говорить как о спектакле, – то есть невеста, вообще не появляется на сцене: ее представителем бывает отец, брат или другой близкий родственник-мужчина. Если же мужчин-родственников у нее нет, она сама приходит к кади, закутанная так, что ее нельзя узнать, и повторяет установленные правилами фразы почти неслышным голосом. Когда она входит в комнату, та должна быть пустой; кади, жених и свидетели входят туда следом за невестой и выходят после нее. После завершения церемонии новобрачная отправляется в свой дом, где ее муж и остальные мужчины устраивают праздник.

Официальная передача жены мужу не всегда происходит сразу же после того, как их соединили браком, по обычаю допускается отсрочка до третьего дня после обряда. Примерно в девять или десять часов вечера молодую жену, украшенную и наряженную как можно лучше, отводят в ее новый дом родственницы; там ее встречают муж и его родственники-мужчины. Если она более знатного происхождения, чем муж, то остается сидеть, когда он входит. Она ждет, чтобы он обратился к ней, и после этого может с ним говорить, но по-прежнему скрывает свое лицо. Перед тем как она снимет покрывало, муж должен в знак своей преданности поднести ей подарок, соответствующий его средствам. Бедняк дает несколько мелких монет, а богачи дарят женам большие суммы.

В эту ночь хозяин дома открывает свое жилище для всех желающих, и подобное гостеприимство продолжается целых две недели. Друзья, знакомые, даже посторонние люди – все гости желанны и могут пить и есть сколько душа желает. Правда, к столу не подают ни вина, ни пива, и абадитам (той секте, к которой мы принадлежим) запрещено курить табак, но и без этого гости великолепно проводят время. Они едят что хотят, пьют миндальное молочко и лимонад, распевают песни, танцуют военные танцы и слушают декламацию чтецов. Евнухи все время жгут благовония и опрыскивают гостей розовой водой.

Свадебные путешествия на Востоке неизвестны. В первые неделю или две после свадьбы молодые супруги не выходят из дома и не видятся ни с кем, а после этого жена принимает у себя подруг, которые каждый вечер толпами приходят к ней, чтобы

поздравить.

Глава 13
Обычаи, принятые в обществе

Визиты по вечерам. – Эскорт из вооруженных рабов. – Как хозяйка принимает гостей. – Правила этикета относительно туфель. – Беседа. – Мужчины строго изгнаны из женских собраний. – Прощание. – Аудиенции у правителя. – Их распорядок. – Обязательность их посещения. – Визиты мужчин друг к другу.

Любая дама, которая желает нанести визит, должна заранее сообщить о своем посещении через слугу: мы редко позволяем себе приходить в гости без предупреждения. К городским жителям мы ходим в гости пешком, но в сельскую местность ездим на муле или коне. На Занзибаре точно так же, как в Германии, в таких случаях одеваются нарядно, чтобы почтить хозяйку дома и показать свои наряды и украшения (которыми вы надеетесь затмить чужие).

Мусульманские дамы не показываются на людях днем: обычай велит им предпочитать для этого раннее утро или сумерки. Когда я жила на Занзибаре, там не было уличного освещения, так что нам приходилось самим освещать себе дорогу. Мы пользовались для этого большими фонарями, и некоторые из них были не меньше четырех или пяти футов в окружности. Самые красивые были похожи на русские церкви: большой центральный купол и четыре купола поменьше. В каждом отделении горела свеча, лучи которой ярко светили через цветное стекло. Богатый человек брал с собой несколько таких фонарей, которые несли сильные слуги, а люди среднего достатка обходились одним.

Нас сопровождала охрана из вооруженных рабов, но вид их был более грозен, чем имело место на самом деле. Дело в том, что все их оружие, за исключением ружей и револьверов, было украшено золотом или серебром, и эти плуты отдавали его в заклад за гроши, чтобы напиться *помбы* (пальмового вина). Что оставалось делать хозяйке? Только выкупить оружие обратно по цене в десять раз больше или заново вооружить этих мошенников, сначала приказав хорошенько их выпороть. Но я с сожалением должна сказать, что даже такое мощное средство устрашения действовало не так впечатляюще, как должно бы.

Итак, дама отправляется в путь вместе с дюжиной или большим числом вооруженных рабов, которые по два в ряд идут

впереди нее, и слуг, несущих фонари, а внушительная свита из разукрашенных нарядных женщин замыкает это шествие. Если по пути им встречается пешеход, то, какого бы он ни был звания, рабы оттесняют его в сторону, прочь с дороги. Ему приходится укрыться на боковой улице, в мастерской или в дверном проеме и ждать, пока процессия не пройдет мимо. Только навязать это правило силой было трудно, если дама была не из семьи султана. Остальные знатные дамы не всегда могли отстоять свои права, поскольку буяны и грубияны не желали оказывать им почтение в такой форме. Хотя пристойность всюду требует от людей вести себя вне дома как можно более спокойно и ненавязчиво, с природой спорить невозможно, и, когда эта процессия, изгибаясь на поворотах, весело шла по городу, разговоры и шутки звучали так громко, что любопытные горожане толпами подбегали к своим окнам или дверям, а то и высыпали на плоские крыши своих домов.

Придя на место назначения, дама приказывает доложить о себе. Но ей не приходится терпеть утомительное ожидание в темном холле или прихожей, пока хозяйка дома вносит последние штрихи в свой наряд. Гостья идет следом за объявившим о ней слугой, почти у него за спиной, и хозяйка принимает ее в своей комнате или, если луна стоит высоко, на крыше, которая всегда идеально чиста и окружена балюстрадой. Хозяйка сидит на длинной, богато украшенной вышивкой подушке-диване, толщиной три или четыре дюйма, а другая подушка (прислоненная к стене) поддерживает ее спину. Она не выходит навстречу гостье, как потребовала бы от нее западная – подлинная или мнимая – сердечность, а только встает с места в знак личной симпатии к гостье или из уважения к ее более высокому положению в обществе.

С незнакомыми людьми любого звания арабская женщина ведет себя очень сдержанно, хотя в отношениях между близкими подругами разница в происхождении и положении в обществе ничего не значит. Я признаю, что южанки ужасно ревнивы, но взгляните – насколько горячее они любят, чем холодные северянки! Там сердце – верховный владыка, здесь же холодный разум слишком часто имеет полную власть, но, может быть, оправданием для этого следует считать более суровую жизнь.

Поцеловав голову, руку или край шали хозяйки – люди равные по положению пожимают друг другу руки, – гостья садится на диван, но если она ниже хозяйки по положению, то делает это лишь по просьбе хозяйки, а услышав просьбу, садится на небольшом расстоянии от хозяйки, признавая этим ее высокое звание. Не снимается ни покрывало, ни что-либо еще, кроме

обуви. Вместо деревянных сандалий, которые носят дома, перед выходом на улицу надевают кожаные туфли с красивой отделкой и легко сбрасывают их с ног перед входом в комнату; от обязанности делать это не освобожден никто. Дело слуг, стоящих у двери, – аккуратно расставить туфли, чтобы хозяйки могли сразу же их найти. В этом случае тоже необходимо соблюдать этикет: обувь самой знатной гостьи помещают в центр, а остальные туфли расставляют поблизости полукругом.

После появления гостьи служанки разносят всем присутствующим кофе в крошечных чашечках, и приход каждой новой посетительницы означает, что кофе подают еще раз, а с ним – свежие фрукты и сладости. Торопить кого-нибудь, чтобы он взял что-то, считается варварской грубостью. Кроме того, хозяйка дома не обязана поддерживать разговор на определенном уровне – это мучительная и неестественная европейская привычка. Вместо этого люди свободно и произвольно ведут легкий разговор, о чем хотят. Поскольку там нет театров, концертов, цирков или балов, которые можно было бы обсуждать, а погрязнуть в глубоких размышлениях о состоянии погоды не хотелось бы, количество тем для разговора ограниченно. Обычно он вращается вокруг личных дел и тем, касающихся сельского хозяйства. Каждый обеспеченный человек на Занзибаре занимается сельским хозяйством – не очень умело и без системы, зато с большим воодушевлением. Беседа мило движется вперед среди всеобщих улыбок и ничем не сдержанного смеха, потому что мы, южане, имеем счастливый веселый нрав. А почему бы и нет? Яркое солнце проливает на нас неисчерпаемые потоки радости, а щедрая природа своими добровольными дарами избавляет нас от всякой необходимости делать расчеты на завтра.

Ни при каких обстоятельствах хозяин дома не смеет войти в комнату, где его жена, мать или сестра принимает подруг. Только правитель страны и его ближайшие родственники-мужчины стоят выше этого закона. Поэтому, если дама приходит в гости к замужней сестре, супруг сестры должен оставаться невидимым до тех пор, пока гостья не уйдет. В случае, если мужу надо сообщить жене о чем-то важном, он посылает кого-нибудь с просьбой, чтобы она на короткое время вышла в другую комнату. Женщины поступают так же, когда у их родственников мужского пола находятся друзья. Это правило обязательно для соблюдения, даже если гостья находится у дамы весь день – от шести часов утра до семи вечера, и в таком случае мужчине не так уж легко не попадаться на глаза. Конечно, этот обычай обременителен, но восточный мужчина не ощущает его давления. Воспитанный в определенных представлениях и не знающий других, с которыми

он мог бы их сравнить, он, естественно, считает, что они совершенно правильны и верны. Могущество и влияние обычая одинаково везде. Я ничуть не отрицаю, что на Востоке есть ненужные или странные обычаи, но разве Европа свободна от них? Там – строгое разделение мужчин и женщин, здесь безграничная свобода общения между ними. В одной стране – укутывание тела и ношение покрывала у самого лица, несмотря на жару, в другой – платья с глубоким вырезом, несмотря на холодный климат. Так что человек обнаруживает крайности и преувеличения везде, куда бы он ни пошел. По моему мнению, золотая середина еще не найдена.

Визиты дам продолжаются три или четыре часа. Затем нужно будить рабов и снова строить их в походном порядке. Все время визита в фонарях поддерживали огонь – это, разумеется, лишний расход, но это престижно. Хозяйка вручает гостям подарок, хотя бы маленький, и позволяет им уйти; они должны быть дома в полночь: это самое позднее время для пятой молитвы. У арабских женщин есть одно большое преимущество: они не обязаны после приема или визита благодарить за него – решительно, это лучше, чем говорить хозяйке самые прекрасные комплименты в лицо и злословить на ее счет, как только оказываешься за дверью.

На Занзибаре старинный обычай требует, чтобы правитель страны дважды в день – перед завтраком и после четвертой молитвы – встречался с мужчинами из своей семьи, своими министрами, другими своими чиновниками и всеми желающими сказать ему что-либо. Зал для этих аудиенций, который называется *барза,* находился на первом этаже нашего дворца, близко к морю, и из его окон открывался красивый вид на полный движения водный простор. Хотя этот зал был очень большим, иногда он не мог вместить всю собравшуюся толпу. Как любая арабская комната, он был обставлен очень просто: только ковры, зеркала до потолка, часы и стулья у боковых стен. Поскольку ни один араб, занимающий видное положение в обществе, не выходит из дома без сопровождающих, возле входа всегда была толпа примерно из двухсот человек – спутники посетителей. Те, кто смог найти себе место, сидели на каменных скамьях, тянувшихся вдоль стен, остальные ждали своих хозяев или друзей. Посетители-мужчины всегда являлись на аудиенцию в полном парадном костюме – тюрбан, джоша (верхнее пальто длиной до щиколоток) и пояс.

У себя дома араб носит на голове – которую бреет наголо раз в неделю – белую шапочку, которая часто бывает красиво вышита, когда же он выходит из дома, то надевает тюрбан. Нужно умение и немало времени, чтобы красиво сложить из тюрбана головной

убор, а потому мужчина снимает с головы эту хрупкую конструкцию с огромной осторожностью. Ткань для тюрбанов стоит сравнительно дешево, но цена отреза ткани для пояса может достигать двухсот серебряных долларов. Знатный мужчина всегда имеет много поясов и меняет их так же, как в Европе мужчина меняет галстуки. Однотонные пояса из белого или черного шелка носят менее обеспеченные, пожилые или безразличные к моде мужчины. Как я уже упоминала, наряд араба не полон без его оружия.

Перед тем как войти в зал приемов, знатный мужчина снимает туфли у самой его двери, а простолюдин – на некотором расстоянии от нее. В этом нет и намека на деспотизм: это древний обычай, которому все подчиняются добровольно. Араб оказывает почет и уважение людям любого звания, и особенно сильное инстинктивное преклонение он испытывает перед семьей своего правителя.

Когда барза наполняется посетителями, султан начинает свой торжественный выход. При жизни моего отца это шествие выглядело так: сначала шла рота негров-гвардейцев, затем младшие евнухи, старшие евнухи, султан, старшие сыновья султана и, наконец, его младшие сыновья. У двери зала гвардейцы и евнухи выстраивались в ряд, через проход в котором мой отец входил в барзу. Все, кто там находился, вставали, приветствуя Сеида Саида. При его уходе соблюдался тот же порядок. Если кто-то из знатных посетителей уходил раньше султана, тот иногда проходил вместе с ним несколько шагов по комнате, а остальные должны были в это время стоять.

Кофе редко подавали на утренних приемах, но на вечерних – постоянно. Просьбы и жалобы передавались устно, и ответы на них были тоже устными; применение документов при ведении дел не приветствовалось. Поэтому просители, как правило, должны были являться лично. Менее важные дела поручались одному из министров, кади или главному евнуху. Аудиенция продолжалась около двух часов, а решение нерассмотренных вопросов переносилось на следующий день.

Принцы крови присутствуют на таких собраниях с пятнадцатого года своей жизни, когда это становится для них обязательным. Каждый знатный мужчина тоже обязан раз в день появляться перед своим государем, если этому не мешают какие-то крайне срочные обстоятельства. Если кто-то из них долго отсутствует, султан посылает узнать о причине, а если ему сообщают, что отсутствующий болен, то идет к нему сам. Никакая болезнь, какой бы заразной она ни была, даже холера или оспа, не удерживает его от этого: на все воля Бога.

Мужчины наносят визиты друг другу в те же часы, что и дамы, то есть в основном после семи часов вечера. Арабу, чтобы выйти из дома, нужна определенная цель. Он не знает о существовании моциона и, если видит, как европеец вечером меряет шагами крышу, гуляя для укрепления здоровья, думает, будто дело в какой-то христианской молитве. Мне не нужно описывать подробности мужских визитов на Занзибаре, потому что они очень похожи на женские. Тем для беседы больше, часть из них местные, а часть касается всей страны: обсуждают последнюю аудиенцию, различные просьбы, высказанные на ней, начатые судебные процессы. Поскольку европейцев допускают на аудиенции и на встречи мужчин, они ближе знакомы с этой стороной нашей патриархальной жизни, чем с уединенной жизнью восточных женщин.

Глава 14
Мусульманские праздники

Месяц Рамадан. – Пост в дневное время. – Пиры по ночам и гостеприимство. – Поднесение праздничных подарков. – Ждем, когда появится новая луна. – Всеобщая радость. – Народ баньяны. – Хна и способы ее применения. – Общие молитвы. – Великий праздник. – Паломничество в Мекку. – Десятина в пользу бедных. – Почему необходимо нищенство.

Без сомнения, хорошо известно, что мусульманский мир отмечает один месяц в году суровым постом – воздержание от пищи в продолжение всего дня, что нельзя даже сравнить с гораздо более легким постом католиков. Этот пост обязателен для всех приверженцев ислама, в том числе для детей начиная с двенадцати лет. Моя мать, будучи крайне набожной, заставила меня соблюдать пост в месяц Рамадан уже с моих девяти лет. Разумеется, девятилетнему ребенку очень трудно совершенно ничего не есть и не пить четырнадцать с половиной часов. Но голод гораздо легче терпеть, чем ужасную жажду, которую человек чувствует в тропиках. В моем тогдашнем возрасте я, разумеется, имела очень смутное представление о религии и, к моему стыду, признаюсь, что иногда тайком выпивала глоток воды. Когда моя мать подробно расспрашивала меня, я виновато признавалась в своем проступке и получала прощение с условием, что больше не буду нарушать святой закон. Если строго соблюдать правила, то нельзя даже специально глотать собственную слюну.

В четыре часа утра выстрел из пушки сообщает о начале поста. Тот, кто в этот момент ест, сразу останавливается. Тот, кто только что поднес ко рту сосуд с питьем, прекращает пить, услышав этот сигнал. С этого мгновения ни один взрослый здоровый человек не смеет съесть ни куска, не может выпить ни капли. В месяц Рамадан все предпочитают днем спать, но зато веселиться допоздна. Солнце заходит в шесть часов, так что, помолившись сначала, люди могут прервать пост в половине седьмого вечера. Фрукты и вода в глиняных кувшинах стоят наготове как первая закуска для страдальцев. Вскоре вся семья собирается и, чтобы компенсировать дневной голод, начинает поглощать пищу с эпикурейской жадностью. Араб, который живет просто и бережливо, на пиршествах в Рамадан становится обжорой.

Вечера, а точнее, ночи люди проводят вместе, в дружеском общении; религиозные гимны, декламация стихов, рассказы чередуются с едой и питьем. В полночь пушка будит спящих, напоминая им, чтобы они приготовили *сухур* – еду, которую подают человеку в его комнату между тремя и четырьмя часами утра.

Так проходит целый месяц. Вначале случаются обмороки, и люди заметно худеют. Постепенно они привыкают к лишениям, становится меньше тех, кто спит весь день, и многие, кто выходил только для молитвы и еды в половине седьмого, начинают появляться на людях, как обычно.

Члены каждой семьи должны строго соблюдать пост, и от хозяев ожидают, что они убедят делать это и своих слуг. Работники на плантациях, которые обычно не приобщены ни к какой религии, могут поститься по желанию. Маленькие дети и больные не постятся, но больные должны сделать это после выздоровления. Путешественники и роженицы тоже освобождаются от поста, но и для них этот долг только отсрочивается.

Пост, разумеется, – это не просто воздержание. В Рамадан правоверный мусульманин строго оценивает себя, чтобы обнаружить свои моральные ошибки и вымолить прощение своих грехов, так же как в Страстную неделю благочестивый христианин готовится к причастию. Человек старается в этот месяц делать как можно больше добра, даже не убивать диких зверей. Таким образом, празднование Рамадана смягчает сердца, приближает человека к Богу, улучшает и облагораживает его если не на всю жизнь, то на время поста.

Традиционное гостеприимство арабов в это время достигает максимума и становится, по сути дела, предписанием религии. Каждый, у кого есть дом или семья, угощает за своим столом множество людей, в том числе тех, кого знает лишь по имени. Он просто просит чтеца молитв в мечети, которую посещает, каждый день присылать к нему на ужин столько-то человек. Его гостями бывают не только люди бедные и малоимущие. Часто среди них встречаются очень состоятельные люди: это чужеземцы, оказавшиеся в это святое время года вне дома. Для истинно гостеприимного араба всегда бывает огромной радостью приютить у себя такого гостя. Любой без колебаний принимает пищу и питье от низшего по положению: о том, чтобы заплатить, незачем даже и думать, поскольку предложить деньги – значит оскорбить хозяина. При таких взглядах на жизнь эгоизм не может глубоко укорениться, и счастлив тот народ, который считает братскую любовь нерушимым долгом.

Отчасти Рамадан похож на недели перед Рождеством, потому что в начале следующего месяца раздают подарки. Шитье или вышивку дарят редко и только близким людям. Трудности, связанные с сохранением тайны подарка, те же, которые обычно встречаются здесь. Много раз я видела одинокую фигуру человека, наклонившегося над своей работой в малопосещаемом углу при ярком свете африканской луны! Как правило, для подарков покупают готовые вещи, и у ювелиров бывает самый лучший заработок. Золотых дел мастера у нас только баньяны из Восточной Индии – народ, непревзойденный в хитростях и обмане. Они большие знатоки своего ремесла и потому полностью вытеснили арабских ремесленников. В это время года на них проливается целый дождь заказов, и они никому не отказывают. Если мы желали добиться, чтобы заказанная вещь была изготовлена правильно, мы посылали пару вооруженных рабов наблюдать за нашим мастером во время его работы, чтобы рабы не давали ему заниматься другими заказами. Несомненно, этот способ (изобретенный одной из моих сестер) – весьма решительная мера, но он необходим, когда имеешь дело с мошенниками, которые не держат свое слово и в придачу – жалкие трусы.

Украшения и оружие дарят чаще всего, но допустимы и любые другие подарки – чистокровные лошади, белые мулы и – к ужасу цивилизованных европейцев – даже рабы!

Так что последняя неделя поста наполнена суетой и ожиданием. Ночь 26-го числа месяца Рамадана в особенности свята: это время, когда Магомет получил с неба Коран. Когда, наконец, наступает этот великий день – точнее, когда сгущаются сумерки, – весь народ занят лишь тем, что ищет взглядом новую луну. Наши календари предназначены только для школьников, да и бесполезны в этом случае, поскольку, чтобы пост закончился, луну нужно увидеть глазами. Любой, у кого есть подзорная труба или театральный бинокль, вызывает огромную зависть, этот желанный инструмент передается из рук в руки, друзья и знакомые присылают людей издалека, чтобы попросить его на время. Наш отец посылал людей с хорошим зрением на крышу форта, оставшегося у нас со времен португальского владычества, и на мачты своих кораблей, с поручением высматривать серебристый полумесяц. Вечером все находятся в напряженном ожидании, и каждую минуту кому-то кажется, что он услышал долгожданный радостный сигнал: каждый звук принимают за условный выстрел. Когда, наконец, выстрел действительно раздается, весь город начинает громко ликовать, и все поздравляют друг друга с праздником.

В сельской местности дело обстоит сложнее. Там предусмотрительность правителя не может обеспечить людей звуковым сигналом – знаком того, что нужное время наступило. Те, кто живет на плантациях, посылают в город конного гонца, который после сигнала пушки должен скакать назад с точным сообщением, что луну действительно увидели. Другие хозяева приказывают рабам влезть на верхушки самых высоких пальм и оттуда осматривать горизонт. То и дело такой наблюдатель принимает светлый и узкий клочок облака за лунный серп, дозор прерывается раньше времени, и ошибку обнаруживают лишь позже, когда поступают новости из города. Это значит, что грех придется искупать, возобновив пост, – тяжелый удар для людей, настроившихся на праздник.

В последнюю неделю не только очень много пекут, но и приобретают множество быков, овец, коз, газелей, цыплят и голубей, так что стойла для скота бывают переполнены. Телятины у нас не едят, а свинина строго запрещена мусульманам. Обеспеченные люди раздают деньги беднякам, чтобы те тоже могли удовлетворить свои нужды.

После пушечного выстрела, который разрешает начать так называемый Малый праздник, в арабском доме начинаются – и становятся все сильней – волнение и суматоха. Сотни сияющих от радости людей бегают взад-вперед, забыв о своей обычной, полной достоинства походке: все спешат пожелать благополучия и добра своим родным и друзьям. В порыве этого религиозного восторга два врага готовы пожать один другому руку в знак прощения, надеясь, что заслужили прощение Бога тем, как очистили свои сердца от скверны перед праздником.

Из-за веселого шума, множества криков на разных языках и ругани по адресу уставших от труда рабов спать в эту ночь почти невозможно. Слугам и служанкам в первую очередь не бывает ни минуты отдыха. Мясники хватают своих мычащих или блеющих жертв, чтобы убить их, произнеся перед этим предписанные слова: «Во имя всемилостивого Бога!» В соответствии со священным ритуалом они перерезают животному горло, затем отрезают ему голову и снимают с него шкуру. Так туша попадает на кухню вовремя, и ее успевают приготовить для завтрашнего пиршества.

После такой большой резни наш двор заполнялся лужами крови. Вегетарианцы-баньяны, живущие на Занзибаре, ненавидели наши праздники и обходили стороной те места, где мусульмане резали скот. Баньяны – почти единственные предприниматели на нашем острове и одновременно – самые скупые ростовщики. Их клиенты ненавидят их всем сердцем и

жестоко насмехаются над ними в дни таких праздников: под предлогом, что какая-нибудь богатая дама желает сделать покупку, грубые люди заманивают баньянов – которые всегда ищут случай для торговли – на бойню и не дают уйти, выставляя их на всеобщее посмешище.

Но не только шум мешает дамам спать. Они ломают голову над тем, как затмить одна другую великолепием своих нарядов. Праздник длится три дня, и в каждый из них положено надевать новый наряд – совершенно новый до последней мелочи, с головы до ног. Благовоний в это время потребляют столько же, сколько пива в Берлине в дни праздника Троицы. Многие арабские дамы тратят по пятьсот долларов серебром в год на благовония, и аромат, исходящий от них, нельзя было бы вынести, если бы не постоянно открытые окна и двери.

Важную роль в праздничном наряде восточной дамы играет хна. Ее получают из листьев определенного куста и используют, чтобы окрашивать ладони женщин и детей в стойкий красный цвет, а также и как средство против прыщей, веснушек и зуда. Листья хны – они похожи на листья мирта – сначала высушивают и превращают в порошок, затем соединяют с лимонным соком и небольшим количеством воды, размешивают все это, получившуюся массу выставляют на солнце и наконец снова обрабатывают лимонным соком, чтобы она не затвердела.

Та, кого должны окрасить, лежит на спине, вытянувшись во весь рост. Сначала массу наносят на ступни; их поверхность оставляют неокрашенной, но покрывают хной все пальцы ног, подошвы и бока ступней. На массу кладут слой мягких листьев и туго обматывают все это повязками. Потом то же самое проделывают с ладонями. Тыльную сторону ладони оставляют без окраски, а края ладоней и каждый палец до первого сустава облепляют хной и перевязывают. Тщеславная красавица всю ночь лежит на своей постели неподвижно, чтобы повязка не сдвинулась с места и не испортила ее красоту. Дело в том, что окрашены могут быть только те части ступней и ладоней, которые я назвала; если хна окажется на тыльной стороне руки или над первым суставом пальца, это считается отвратительным уродством. Защититься от комаров и мух невозможно, хотя богатая дама может приказать рабыням отгонять их от нее веерами до утра – времени, когда массу осторожно снимают. На следующую ночь пытка начинается снова и на третью повторяется опять, потому что краску нужно нанести три раза, чтобы получился густой темно-красный цвет, который продержится целый месяц, несмотря на любое мытье. Пожилые дамы и дети не проделывают эту процедуру, а обливают слабым раствором хны

кожу ладоней, чтобы охладиться.

Утром праздничного дня все в четыре часа уже находятся на ногах и долго читают первую молитву, искренне благодаря Всемогущего Творца и Властителя Вселенной за все благое, что Он посылает по своему соизволению, и за то плохое, что Он посылает нам, чтобы испытать нас. Но вот молитвы завершены – и можно увидеть, как нарядные дамы почти бегут по веранде: они желают показаться другим во всей красе, пока вокруг мало народу. Через час женщине уже трудно будет выделиться среди общей роскоши и великолепия. Это можно было бы сравнить с бальным залом, если бы на севере не было столько белого цвета, однообразного и бледного.

Жителям Востока нравятся только яркие сочетания цветов. Как была бы шокирована европейская модница, увидев арабскую женщину в похожей на длинную рубаху одежде из красного шелка, вышитого и обшитого повсюду золотыми и серебряными нитями, и в зеленых сатиновых шароварах! Конечно, ей это показалось бы странным точно так же, как мне показались странными европейцы во всем сером или во всем черном, когда я впервые их увидела. Мне не понравились эти цвета цивилизации, и я немало времени перебарывала себя, прежде чем усвоила эти «элегантные» вкусы.

В шесть часов звучит новый выстрел из пушки. Затем одна за другой разносятся праздничные новости. Военные корабли других стран, которые оказались в этот день в нашей гавани, присоединяются к праздничному салюту и дают залп из двадцати одной пушки. Каждый араб, который может выразить свою радость стрельбой, делает это не жалея пороха, так что иностранец, без сомнения, решил бы, что город обстреливают враги. Все корабли ярко украшены, флаги свисают с нок-рей и мачт и местных, и иностранных судов.

Еще через час мечети наполняются людьми, а сотни тех, кто не смог попасть внутрь, молятся рядом с мечетями. Выполнение мусульманских религиозных обрядов требует усилий от тела, поскольку молящийся должен, находясь перед Богом, много раз низко кланяться, касаясь лбом земли. На грязной и покрытой камнями улице это непросто. Но ни один верный последователь ислама не позволит дождю, буре или чему-нибудь еще помешать его молитвам, а после поста он считает важным долгом вознести молитвы к Богу в мечети или рядом с мечетью. Сеид Саид имел обыкновение исполнять этот обычай в святом здании возле дворца, вместе со своими сыновьями и бесчисленным множеством сопровождающих. Еще один артиллерийский залп сообщает о завершении религиозной службы, и с этого момента верующие

могут сколько угодно вкушать свои любимые лакомства, так что пост, по сути дела, кончается после утренних поклонов.

Мы, женщины, дожидались возвращения Сеида Саида в его покоях и, когда он входил, вставали все сразу, шли навстречу, поздравляли его и целовали ему руку в знак уважения. Руке каждого знатного мужчины и каждой знатной женщины приходится много вытерпеть в религиозный праздник: ее без конца моют и обрызгивают или натирают благовониями с рассвета до заката. Те, кто равен по положению, целуют друг другу руку, люди из средних слоев общества целуют наклоненную голову более знатного человека, а женщина-простолюдинка может поцеловать знатной особе только ноги.

В такие праздники мой отец приказывал устроить, под руководством главного евнуха, большую раздачу подарков, похожих на те, которые описаны в предыдущей главе. Но на этот раз подарки были для всех. Султан одаривал не только свою семью, но также знатных людей из Африки и Азии, находившихся в это время в столице, всех своих гражданских чиновников, солдат и офицеров, матросов и капитанов, управляющих своих сорока пяти плантаций и всех своих рабов, которых было, вероятно, более восьми тысяч. Очаровательный немецкий обычай, чтобы дети делали родителям подарки в их день рождения и на Рождество, не существует в моей стране, где день рождения человека не отмечают и где глава семьи никогда ничего не принимает от своих детей.

У мусульман есть лишь два праздника в году, что может показаться непонятным католикам с их частыми праздниками: Малый праздник и Великий праздник, которые оба называются Байрам. Второй – почти повторение первого, только его отмечают пышнее и в сердцах еще больше религиозного воодушевления. Это еще и время великого паломничества в Мекку, которое по крайней мере один раз в жизни совершает каждый верующий, способный ходить. Ревностные последователи ислама, не боясь холеры и других болезней, которые уносят жизнь тысяч паломников, бесчисленными толпами стремятся в святой город пророка и молят там прощения за свои грехи. Те, кто беден, должны проходить огромные расстояния пешком, а переезды на кораблях, где они просто лежат друг на друге, ужасны. Но они продолжают свой путь: их судьба в руках Господа. Такое упорство, которое не боится никаких усилий, никаких трудностей, никаких опасностей, поистине заслуживает благосклонности.

Великий праздник отмечается в десятый день двенадцатого месяца и длится от трех до семи дней. Каждый, у кого хватает денег купить овцу, приказывает зарезать овцу в первый день и

раздает ее мясо беднякам. Согласно правилам, это животное не должно иметь ни единого недостатка, даже такого мелкого, как отсутствие одного зуба. Ни владелец жертвенного животного, ни члены его семьи, ни даже его слуги не должны прикасаться к мясу жертвы: оно все, до последнего куска, принадлежит неимущим.

В истинно восточных странах (я исключаю из их числа Турцию, Египет и Тунис, поскольку там цивилизация наполовину европейская) никто не понимает значения слов «акции» и «облигации», так что слово «инвестиция» там не существует. Имущество состоит из плантаций, домов, рабов, скота, драгоценностей и денег, и вера мусульманина предписывает ему отдавать в пользу бедных десятую часть того, что остается у него из его урожая, из платы за аренду его домов и от других источников дохода. Более того, его драгоценности – золото, серебро и драгоценные камни – должен оценить знающий свое дело оценщик, и одна десятая часть их должна быть отдана в пользу бедных: два налога – на доход и на собственность – в одном! Власти к нашему обычаю не причастны, каждый чувствует обязательства своей душой. Этот закон установил пророк, поэтому ему строго подчиняются и исполняют без замечаний и обсуждений по принципу «пусть левая рука не знает, что делает правая». Исполняют со скрупулезной точностью, чтобы потом не страдать от мук совести.

При таких обстоятельствах в каждом мусульманском государстве почти неизбежно должна существовать как общественное установление целая армия нищих. Как еще можно исполнять долг самообложения налогом? Наши нищие не похожи на тех несчастных, которых можно увидеть здесь, и примерно половина из них имеет больше, чем на самом деле желает иметь. Нищенство – их профессия, их вторая натура, и если бы они перестали просить милостыню, то были бы несчастны. Иногда нищенство бывает наследственным делом, и в этом случае кто-то может услышать такое обращение: «Вы знаете меня? Я сын (дочь, невестка и т. д.) такого-то, к которому вы были так щедры, когда он был жив (или она была жива). Я занял (заняла) его (ее) место. Поэтому если у вас есть что-нибудь, чтобы дать, то, пожалуйста, посылайте это мне».

Каждый раз, когда мы были должны исполнить обет – а это случалось несколько раз в год, – бедняки толпами собирались к нам, чтобы получить свою долю во время предписанной обычаем раздачи милостыни. Или, если кто-то заболевал, они умудрялись пронюхать об этом и начинали, сменяя друг друга, стоять под окнами, словно часовые, за что получали достаточно крупное вознаграждение. Не могу сказать, что есть подобная

благотворительность – братская любовь или средство угодить всемогущему Богу. В любом случае это красивый обычай.

Тела многих нищих поражены множеством рубцов и язв. У некоторых из них полностью сгнил нос, другие изуродованы иначе, но тоже ужасно. Это жертвы болезни, называемой *белас;* при ней ладони и ступни становятся белыми как снег. Никто не решается иметь дела с несчастными людьми, так как их недуг считается заразным. Я не знаю, проказа ли это. Но страдальцы получают щедрую милостыню, которая делает их горестное существование немного более терпимым.

После завершения большого Байрама раздача подарков не завершается. Те, кто был болен или не смог получить подарок по иной причине – например, был в отъезде, – даже не думают отказаться от них. Может пройти много недель или месяцев после праздника, может даже приближаться следующий праздник, но они все же приходят и просят свои подарки.

Глава 15
Лечение болезней

Установка банок. – Растирание. – Глотание изречений из Корана. – Консультации иностранных врачей. – Домашние лекарства лечат плохо. – Суеверия. – Одержимость духами, добрыми и злыми. – Изгнание и умиротворение духов. – На Занзибаре нужны женщины-врачи.

В странах Востока люди вырастают, не обращая особого внимания ни на какие правила здоровой жизни и не заботясь о поддержании своего здоровья. Только тяжелая болезнь заставляет их искать помощь для природы, но лечебные средства, применяемые в этом случае, – полнейший обман. Великим лекарством от всех болезней считается установка лечебных банок. Эта же мучительная операция считается профилактическим средством против всех болезней – от холеры до оспы. Поэтому крепкие телом люди велят ставить себе банки раз в год, чтобы их кровь очистилась и тело смогло сильнее сопротивляться возможным будущим болезням. То же самое могу сказать о кровопускании. Я помню, как в Бет-иль-Мтони я однажды громко закричала, когда увидела одну из своих сестер, окоченевшую и бледную до белизны после кровопускания. Она была в обмороке от потери крови, а я решила, что она умерла.

Растирание рук и ног приятно и полезно. Наши рабыни были в этом большими мастерицами. Я уже упоминала о том, как они помогали нам уснуть и потом будили с помощью этой процедуры. Ее широко используют как лекарство против многих видов болезней, особенно против «болей в теле». Вызывание рвоты – еще одна распространенная лечебная процедура – требует применения вызывающих тошноту трав, из которых готовят концентрированное питье – такое отвратительное, что достаточно поднести его к носу, чтобы получить желаемый эффект.

При тяжелых заболеваниях мы обращаемся за помощью к Высшей Силе, то есть лечимся изречениями из Корана. Человек, известный своей примерной жизнью, пишет эти изречения раствором шафрана, надпись смешивают с розовой водой, и получается питье для пациента, которое он принимает три раза в день. При этом прилагаются огромные старания, чтобы не пролить ни одну каплю священного напитка. Я сама принимала это лекарство несколько недель подряд, когда была больна злокачественной лихорадкой.

В исключительных случаях к постели больного звали лекаря – либо настоящего врача, либо колдуна. Мою сестру Холе после долгих страданий от не поддававшейся лечению непрерывной боли в ухе показали известному персидскому врачу, и я получила разрешение присутствовать при этой консультации. Холе была закутана так, чтобы ее невозможно было узнать, но больное ухо все же оставили неприкрытым. Затем она села на диван, справа от нее встал мой отец, а слева – мой брат Халед. Мои младшие братья, в парадной одежде и полном вооружении, встали рядом полукругом. Врач вошел в комнату в сопровождении целого отряда евнухов, а другие евнухи стояли на постах в разных частях дома и запрещали идти дальше женщинам – обитательницам дома, чтобы они не встретились с персом. Он, разумеется, не осмеливался обращаться к моей сестре сам, а осматривал ее через посредство моих отца и братьев.

Позже я сама заболела брюшным тифом, и, когда все наши местные лекарства оказались бессильны, одна из старших родственниц моего отца решила позвать врача-европейца. Поскольку мой отец тогда уже умер и я была в какой-то степени сама себе хозяйка, в этот раз не было той церемонии, которая происходила при посещении Холе. Лечивший меня врач, хотя и хорошо знал арабские обычаи, настоял на том, чтобы пощупать мой пульс, на что родственница, которая искренне беспокоилась за меня, наконец согласилась. Все же по этому случаю были расставлены на посты множество евнухов и меня закутали так, чтобы нельзя было узнать (я была в это время без сознания и узнала все это позже из рассказов). Когда же врач попросил показать ему мой язык, главный евнух был так возмущен этим бесстыдным требованием, что ученик Эскулапа ушел из дворца, чувствуя себя очень оскорбленным как профессионал.

Арабам даже на ум не приходит классифицировать болезни. Они знают только два вида заболеваний – «боли в теле» и «боли в голове». К первой категории относят все болезни желудка, печени и почек, а второе название обозначает все проявления болезней, при которых страдает голова, – от солнечного удара до размягчения мозга. Никто никогда не отыскивает основную причину болезни. Если домашние средства оказываются бессильны, иногда отправляют посланца за лекарством к европейскому врачу. Но он попадает в трудное и неудобное положение: ему запрещено видеть больную и неточно рассказывают о ее заболевании. Поэтому неудивительно, что доктор присылает неподходящее лекарство или в лучшем случае – что-нибудь безвредное, но и бесполезное.

О диетах у нас тоже никогда не слышали. Если человек,

страдающий от холеры, оспы или брюшного тифа, имеет аппетит, то может утолять голод любой едой, которая есть на кухне. Предполагается, что вещь, которой желает натура человека, должна быть хороша для него. Так Божье веление правит всем, и по сей причине мусульмане обычно не замечают опасности заражения. Например, никому и в голову не приходит не допускать людей к тем, кто болен оспой. И так во всем. К примеру.

Одна из наших старых бань стала разрушаться, и ее превратили в свалку. Тем не менее, когда участились жалобы на нехватку жилых помещений, новые были построены над этими развалинами, так что люди жили, по сути дела, на куче отбросов.

К несчастью, наш остров периодически опустошает оспа, которая уносит тысячи жертв. Все тело того, кто болен этим недугом, смазывают особым бальзамом, а потом подставляют больного лучам солнца или применяют для лечения кокосовое молоко. Если же больной покрыт струпьями и не может терпеть прикосновение постельного белья, его кладут на мягкую соломенную циновку или на большой свежий лист банана, из которого сначала удаляют жесткую прожилку в середине. При этом даже не пытаются каким-либо образом лечить болезнь изнутри и не допускают, чтобы больного коснулась вода.

И чахотка, к сожалению, у нас частый гость. Ее никак не лечат – хотя боятся больше, чем любой другой болезни, и считают заразной, так же как полагает европейское медицинское сообщество. Больного чахоткой все обходят стороной, люди стараются не пожимать ему руку и не пьют из стакана, которым он пользовался. Многие в нашей семье умерли в раннем возрасте от этой болезни. Вещи умершего от нее обеззараживают таким образом: одежду и постельное белье стирают на берегу моря, а золотые и серебряные предметы нагревают докрасна.

Коклюш у детей встречается так же часто, как в Германии. В этом случае они пьют росу, собранную с банановых листьев, а остальное довершает традиция: высушенную кожуру тыквы режут на куски, нанизывают их на нитку и вешают ребенку на шею. Нарывы некоторых видов обкладывают высохшей луковой шелухой, которая служит вместо пластыря. Если хочешь, чтобы нарыв прорвался, облепи его теплым тестом. И никогда никаких врачей! Только примитивные домашние лекарства!

Что касается предсказателей, то спрос на их услуги большой и цена этих услуг высока. Мы обычно обращались за советом к одноглазой пятидесятилетней старухе.

Свои колдовские принадлежности она хранила в грязном кожаном мешке. Там были маленькие раковины и гальки, осколки

стекла и фарфора, ржавые железные гвозди, покореженные медные и серебряные монеты и так далее. Когда ей приказывали ответить на вопрос, она молилась Богу, чтобы Он руководил ее действиями, встряхивала мешок и высыпала перед собой все его содержимое. По положению всего этого мусора она давала предсказание относительно выздоровления больного. Похоже, этой женщине сопутствовала удача, поскольку ее предсказания часто сбывались, что делало ее занятие еще прибыльней, поскольку каждый успех приносил дополнительную плату в знак благодарности.

Внешние повреждения, конечно, легче вылечить: трут, например, останавливает кровь, текущую из раны. Но с переломами дело обстоит иначе, и я узнала это на собственном горьком опыте. Я была тогда совсем мала, и поэтому мне еще не позволяли сидеть со всеми за едой. Однажды султан прислал мне на блюде лакомства, и я так спешила показать их своей матери, что упала, покатилась вниз по лестнице и сломала себе руку в предплечье. Моя тетя Айша и мой брат Баргаш сделали мне перевязку, но неправильно соединили кости, поэтому рука так и осталась немного искривленной. Теперь она постоянно напоминает мне о том, как нужны моим землякам специалисты в медицине и хирургии.

До сих пор я на этих страницах ни разу не упомянула об очень важном персонаже – Его Сатанинском Величестве. Я думаю, всем известно, что почти все уроженцы Востока верят в существование этого врага рода человеческого, но, возможно, не все знают, что он имеет большую склонность вселяться в людей. На Занзибаре вряд ли есть хотя бы один ребенок, внутри которого он не побывал. Если новорожденный малыш кричит слишком громко или никак не успокаивается, сразу же принимаются меры, чтобы удалить из него дьявола. Для этого изгнания существует простое средство – ребенку надевают на шею ожерелье из крошечных головок лука и чеснока.

Неплохая мысль, если у дьявола есть нос. Взрослые тоже часто бывают одержимы духами, хотя женщины гораздо чаще, чем мужчины. Внешние признаки этого – судороги, потеря аппетита, апатия, любовь к темным комнатам и тому подобные болезненные симптомы.

Но чтобы проверить, действительно ли в больную вселился дух, устраивают допрос по определенным правилам. Она или ее родственники приглашают на эту церемонию людей, которые всеми считаются одержимыми. Больная сидит в темной комнате, и голова ее закутана так, что под повязки не может проникнуть даже самый слабый отблеск света. Ее окуривают в буквальном

смысле этого слова – не жгут немного ароматных курений, а окутывают дымом. Дело в том, что курильницу держат у самого носа больной, под тканью. Гости окружают ее и, покачивая головой, поют особую песню. При этом невозможно обойтись также без одного абиссинского напитка, который готовят из пшеницы и фиников, доводя их дробленую смесь только до самого начала брожения; впрочем, питье достаточно приятно на вкус. Под действием всего этого главная героиня события входит в транс и начинает говорить что-то неразборчивое. Наконец она начинает бредить, топает ногами, изо рта у нее появляется пена. Теперь дух находится в ней. Зрители обращаются к нему и спрашивают, каковы его намерения. Считается, что людей посещают не только злые духи, но и добрые, которые делают это, чтобы утешать и защищать их в течение всей жизни. Может случиться и так, что человека посещают два духа сразу – добрый и злой, тогда они начинают яростно сражаться один с другим, и только самые отважные люди находят в себе смелость оставаться на месте боя во время наводящих ужас заклинаний и обрядов изгнания. Злого духа может изгнать опытный прорицатель, а с добрым духом устанавливают соглашение: он должен посещать свою подопечную только в определенное время, она в этих случаях всегда будет устраивать праздник, приветствуя духа, а он должен будет сообщать ей обо всем, что ожидает в будущем ее или ее семью.

С этими глупейшими суевериями связаны другие привычки, которые следует осудить как грубые. Многие одержимые духами люди не позволяют заранее резать коз и кур, которых они выбирают для своих тайных жертвоприношений, а упорно желают пить теплую кровь. Кроме того, они пожирают сырое мясо и десятки сырых яиц. Неудивительно, что эти несчастные в конце концов заболевают так, что не могут встать с постели.

Дурной пример заразителен. Хотя магометане очень склонны к суевериям, жители Омана отвергают те нелепые обряды, которые я сейчас описала. Когда они приезжают в Африку, то сначала считают нас варварами и хотят сейчас же уехать обратно, но скоро становятся восприимчивы к тем понятиям, которые раньше осуждали, и усваивают самые бессмысленные из них. Я была знакома с одной такой арабской женщиной. Она убедила себя, что одержима злым духом, который заставил ее заболеть, и верила, что его можно умилостивить, если она будет устраивать в его честь праздники.

Мне кажется, что лучше было бы посылать на Занзибар женщин-врачей, чем бренди, которое портит нравы его жителей. Почему вестником цивилизации всегда должен быть порок? Для

христиан открывается реальная возможность проявить братскую любовь, и трудности вовсе не такие уж огромные. Со своей стороны, если бы какое-нибудь общество решило отправить на мою родину подходящую посланницу, я бы охотно помогла ей изучить арабский язык и язык суахили; это самое меньшее, что я могу сделать для своей любимой страны. Такое предприятие было бы успешным и в денежном отношении. Но врачом обязательно должна быть женщина. Она смогла бы сделать на Востоке больше, чем десяток мужчин, ведь даже здесь дамы часто предпочитают лечиться у медиков-женщин. А заботливость, жизнерадостность и доброта легко завоевывают сердца восточных людей.

Глава 16
Рабство

Освобождение рабов оказалось разорительным. – Лень негров. – Доводы в защиту порки. – Рабы и наложницы, которых имеют на Востоке европейцы. – Освященную временем систему надо отменять медленно. – Мусульмане не так уж фанатичны.

Я была еще ребенком, когда истек срок, в течение которого, согласно договору между Англией и Сеидом Саидом, жившие на Занзибаре подданные Великобритании должны были отпустить на свободу своих рабов. Это было тяжелое время для владельцев, которые горько жаловались и посылали к нам своих жен и дочерей с просьбами проявить сострадание, хотя мы совершенно ничего не могли для них сделать. Некоторые владельцы имели сто или больше рабов, трудившихся в их имениях; без работников имения перестали приносить доход, а это означало разорение для хозяев. Кроме того, всех нас ожидала еще одна неприятность: население нашего острова увеличилось на несколько тысяч бездельников, бродяг и воров. Вольноотпущенники, эти большие дети, поняли свободу как возможность больше никогда не работать и твердо решили использовать эту возможность полностью – все равно, обязан кто-то дать им крышу над головой и еду или нет.

Гуманистам, выступавшим против рабства, это было безразлично. Они ведь уже добились своей цели – освободили несчастных невольников от унизительного рабства. Что будет потом, их не касалось; достаточно, что их дамы вяжут толстые шерстяные чулки для жителей экваториальных областей. Пусть правители этих стран сами справляются, как могут, с ленивыми бездельниками.

Я должна сказать снова, что после определенного соглашением срока только британские подданные не могли иметь рабов. Англия не имела права указывать моему отцу, как он должен управлять своей страной. Однако не следует представлять себе положение рабов на Востоке по тому, что было в Северной Америке и Бразилии, поскольку рабы мусульман живут гораздо лучше.

Очень большое зло – торговля рабами. Рабы, которых ведут из внутренних областей материка, должны проделать много долгих переходов, прежде чем достигнут побережья, и в этом пути

множество их гибнет от голода, жажды и усталости. Но работорговец сам переносит такие же лишения, и потому нет никаких разумных оснований клеймить его как чудовище. Его интересы требуют, чтобы рабы оставались живы и здоровы, потому что в этот караван, возможно, вложены все его деньги.

Когда они доходят до места назначения, их быт полностью обустроен. Правда, они должны работать бесплатно, однако избавлены от всех хлопот, и им обеспечено содержание, поскольку хозяева заботятся об их благе. Или вы считаете, что каждый нехристианин – бессердечный негодяй?

Кроме того, негры очень ленивы и не желают работать добровольно, а потому за ними надо строго присматривать. К тому же они вовсе не ангелы: среди них есть воры, пьяницы, беглецы, поджигатели. Что надо делать с такими? О том, чтобы оставлять их без наказания, не может быть и речи: это означает поощрять беспорядок и анархию. А если сажать их в тюрьму, то эти люди только посмеются над таким наказанием: для них будет огромным удовольствием отдохнуть несколько дней в прохладе и набраться сил для новых злых дел. При таких обстоятельствах остается только одно средство – порка. Здесь это вызывает шумное негодование в некоторых кругах – среди людей, которые всегда руководствуются отвлеченными теориями и пренебрегают изучением реального положения дел. Да, порка бесчеловечна, но пусть кто-нибудь найдет ей замену. И кстати, не лучше ли было бы иногда пороть плетью заключенных в немецких тюрьмах, чем применять фальшивый «гуманизм» к заключенным всех разновидностей одинаково?

Тиранию нужно осуждать, кто бы ни был ее жертвой – бедный негр или цивилизованный белый труженик на сибирском руднике. Но тот, кто хочет быть честным, не может требовать, чтобы представления о добре и зле были одинаковыми во всех странах. Рабство у восточных народов – освященное веками установление. Я сомневаюсь, что оно когда-либо будет полностью отменено, и в любом случае попытки уничтожить древний обычай одним ударом – глупость. Поэтому европейцам следует делать это медленно, и прежде всего пусть они сами подают нам пример. А ведь многие европейцы, живущие на Востоке, имеют рабов, которых покупают для своего удобства. Они не рассказывают об этом на родине или же говорят, что поступают так «для пользы науки». Араб использует рабов для работ в поле и в доме, а европеец принуждает их выполнять более тяжелый труд кули, то есть носильщика, – в чем тут разница с точки зрения морали? К тому же европейцы, владеющие рабами, не всегда отпускают негров на свободу после долгой службы, как делают арабы, а

продают их другим хозяевам.

Однажды магометане Занзибара были очень возмущены, узнав, что некий англичанин, уезжая, продал свою чернокожую наложницу – конечно, не открыто на рыночной площади (где теперь стоит английская церковь), а без огласки – одному чиновнику-арабу. Был и еще один случай, тоже оскорбивший наше чувство приличия. Сосед французского консула наказывал своего непокорного раба так сурово, как тот заслужил, но этот раб, с обычной для негров трусостью и неспособностью молча терпеть боль, стал вопить с ужасной силой, и только отчаянный крик пробился через довольно высокомерное безразличие французского консула. Этот господин и сам не был безупречным святым и, похоже, придерживался правила: «Пусть другие исполняют то, что я проповедую». Он жил с негритянкой, которую купил, и она родила ему чернокожую дочку, эту девочку в конце концов взяла на воспитание французская миссия.

Нечему удивляться, если арабы, насмотревшись на такое, не доверяют европейцам. Они считают, что освобождение рабов имеет целью разорить их и таким путем разрушить исламский уклад жизни. В первую очередь они подозревают в коварстве и интригах англичан.

Если уж необходимо отказаться от рабства, это придется делать в высшей степени медленно и осторожно. Нужно убедить владельцев плантаций, что применение усовершенствованных сельскохозяйственных машин позволит им обойтись без сотен работников. Нужно добиться, чтобы владелец осознал, что никто не желает его разорить и что справедливость будет проявлена к нему так же, как к рабу.

Это, несомненно, было бы более гуманно и более по-христиански, чем напоказ построить на невольничьем рынке церковь, которая к тому же является лишней, потому что две уже существовавшие церкви, католическая и протестантская, имеют мало прихожан.

Любые насильственные меры могут лишь оскорбить арабов, которые, как и большинство других жителей Востока, в высшей степени консервативны и очень крепко держатся за старые традиции. Поэтому не следует грубо навязывать арабу новые идеи, которые он не может понять и которые его возмущают. Несогласие с европейскими взглядами на мир немедленно приводит к тому, что арабов обвиняют в мусульманском фанатизме, но эти обвинения в огромной степени преувеличены. Доказательство этому я увидела, когда вернулась на Занзибар после девятнадцати лет отсутствия. За эти годы я стала христианкой и потому, как вероотступница, заслуживала

ненависть моих земляков больше, чем если бы родилась в христианской вере. Но они все поздравляли меня с приездом, искренне и сердечно просили Бога защитить меня. Не фанатизм, а инстинкт самосохранения руководит ими, когда дорогие для них установления подвергаются нападкам со стороны невежественных или недостойных христиан.

Негры обычно безразличны к религии, и их согласие принять какую-либо веру часто зависит от того, какими материальными выгодами может привлечь их миссионер. На Занзибаре один английский священник однажды пожаловался мне, что количество его прихожан меняется в зависимости от того, сколько и каких товаров присылают ему с родины. Прежде чем можно будет повысить уровень духовности негров, нужно разбудить в них инстинктивное религиозное чувство. И в этом случае тоже надо действовать продуманно!

Глава 17
Дворцовый заговор

Рассказчица лишается матери. – Раскол в семье. – Двусмысленное положение принцессы Саламы. – Она встает на сторону Баргаша. – Он рвется к престолу и устраивает заговор, чтобы свергнуть Маджида. – Дом Баргаша окружен. – Его уводят оттуда в женской одежде. – Поражение его сторонников. – Его возвращение. – Он отвергает мирные предложения Маджида. – Дом претендента на престол обстреливают британские морские пехотинцы. – Баргаш сдается, его отправляют в изгнание.

После смерти моего отца я мирно жила в Бет-иль-Тани со своей матерью и с Холе, счастливая благодаря их любви и дружбе. Это полнейшее счастье продолжалось три года, а потом случилась эпидемия холеры, которая опустошала весь остров Занзибар и каждый день уносила жизнь нескольких человек из нашего дома. Эпидемия началась в самое жаркое время года. Однажды ночью я была не в состоянии спать на своей кровати из-за удушающей жары и приказала горничной постелить мягкую циновку на полу, надеясь найти там немного прохлады и покоя.

Можете себе представить мое изумление, когда, проснувшись, я увидела у своих ног мою горячо любимую мать, которая корчилась в судорогах от боли. В ответ на мой встревоженный вопрос, что с ней, она простонала, что провела на этом месте полночи. Чувствуя, что умирает от холеры, она хотела быть рядом со мной в последние минуты жизни. При виде того, как моя милая мать страдает, я едва не сходила с ума – и мое отчаяние усиливалось тем, что я не могла облегчить ее муки. Она сопротивлялась смерти еще два дня, а потом навсегда покинула меня. Мое горе не имело границ. Я не слушала ничьих предупреждений и в отчаянии обнимала тело матери, несмотря на опасность заражения, – потому что моим самым горячим желанием было, чтобы Бог призвал меня к Себе вместе с дорогой умершей. Но болезнь пощадила меня, и я покорно смирила свое сердце.

Теперь, в возрасте пятнадцати лет, я была совсем одна, без отца и без матери, как корабль без руля в открытом море. Моя мать всегда отличалась предусмотрительностью и разумно руководила мной, а теперь я вдруг оказалась один на один с обязанностями и ответственностью взрослого человека и должна

была заботиться не только о себе, но и о тех, кто зависел от меня. К счастью, Господь устроил так, что в большинстве случаев осознание долга сопровождается силами, чтобы вынести его. Поэтому я сумела спокойно взглянуть на создавшееся положение и уладить дела без посторонней помощи.

Но впереди меня ждали новые неприятности: почти против своей воли я оказалась вовлечена в заговор против моего благородного брата Маджида!

Было похоже, что после смерти отца в нашей семье навсегда начался разлад, – правда, при любых обстоятельствах было бы трудно поддерживать идеальное согласие среди тридцати шести братьев и сестер. После смерти Сеида Саида мы разделились на группы – по три или четыре самых близких по духу сестры или брата. Для посторонних это было непонятно, и даже наши ближайшие знакомые не всегда могли понять эту сложную систему. Верный друг моего брата или близкая подруга моей сестры отныне должны были стать моими злейшими врагами, если не принадлежали к одному со мной кружку.

Хотя такое соперничество могло привести только к катастрофе, страсти ослепляли нас, и мы бессмысленно, со жгучей ненавистью преследовали один другого.

Скоро мы совершенно перестали встречаться друг с другом. Многочисленные шпионы, которых имели мы все, расширяли пропасть между нами, докладывая о каждом слове и движении недруга. По ночам эти достойные представители своего ремесла приходили за наградой, размер которой зависел от того, сколько ценности или сколько ядовитой злобы было в принесенной новости. Иногда после полуночи у ворот дома возникала фигура человека в плаще со скрывавшим лицо капюшоном, раздавался стук – просьба впустить, нас будили, чтобы мы могли задать вопросы своему информатору, и тот получал щедрую награду.

В это время Маджид и Холе были в самых лучших отношениях друг с другом, и это меня очень радовало, потому что я любила обоих всем сердцем. После смерти моей матери они оба обращались со мной как с собственной дочерью.

Но постепенно они охладевали друг к другу, а причиной был мой брат Баргаш. Дело закончилось полным разрывом. Как бы горячо я ни была привязана к Холе, я с болью в сердце должна признать, что виновата была она, а не Маджид, хотя я не могу подробно рассказать здесь о поступках, которые привели к разрыву.

Для меня эти дни стали временем душевной борьбы. Я жила с Холе. Ела вместе с ней, и в течение всего дня мы были неразлучны. Когда она стала избегать встреч с Маджидом и всеми

возможными способами показывать, что стала ему врагом – а для этого не было никакой причины, я думала, что сумею удержаться и не принимать ничью сторону. Я даже пыталась заступаться за брата, который был виноват лишь в том, что султаном был он, а не Баргаш. Много месяцев подряд я находилась таким образом между двух огней, не зная, на чью сторону встать, и, когда больше нельзя было откладывать, присоединилась к своей сестре Холе: хотя она и была не права, мне казалось, что ее я люблю больше и она приобрела надо мной безграничную власть.

Маджид, во всем благородный и великодушный, завоевал любовь нашего народа. Но он был слаб здоровьем и не мог сам руководить всеми государственными делами, а потому передавал многие из них своим министрам. Один из них, Солиман бин-Али, к несчастью, сумел благодаря своей ловкости стать для него необходимым. Хитрый плут Солиман постепенно сумел сделать так, что его воля была главной в стране, а другие министры ничего не значили. Он был так высокомерен, что при любой возможности давал понять, что он – хозяин. К тому же он не достиг еще того возраста, который вызывает у арабов уважение: это был совсем молодой человек, притом распутник и щеголь. Тщеславие и хитрость привели его к одной из моих мачех, которая по возрасту годилась ему в матери. Он попросил ее стать его женой, поскольку желал забрать в свои руки ее огромное состояние, а она оказалась так глупа, что согласилась выйти за него, – и после свадьбы горько раскаивалась в этом.

Итак, этот злой дух добился такого влияния на Маджида, что, по сути дела, управлял им и одновременно втайне раздувал огонь вражды между братьями и сестрами султана, чтобы укрепить свою собственную власть. В нашей семье одна ссора следовала за другой, знатными людьми страны пренебрегали или наносили им обиды, и в конце концов дошло до того, что народ стал громко высказывать свое недовольство. Нам повезло, что среди министров оставался по крайней мере один, который отчасти противостоял губительному влиянию Солимана и исправлял его ошибки. Но в остальных своих советниках Маджид не мог быть полностью уверен, и это облегчало задачу Баргашу, который развивал и поддерживал вражду к нему среди наших родственников и народа. Поскольку у Маджида была только одна дочь, а сыновей не было, Баргаш был его наследником. Два старших брата, Мухаммад и Туэни, были по-прежнему живы, но это ничего не значило: они жили в Омане, а Оман был далеко.

На Востоке предполагаемый наследник престола всегда спешит стать правителем, не слишком задумываясь о чьих-либо еще правах, и при осуществлении своей честолюбивой мечты

слишком часто забывает и о совести, и о справедливости.

Так вел себя и Баргаш. Ему не удалось взять власть в свои руки после смерти нашего отца, Сеида Саида, но он все же упрямо продолжал надеяться, и судьба стала благоприятствовать его планам после того, как он переехал в город вместе со своей сестрой Медже из Бет-иль-Мтони. Их дом находился напротив того, где жили Холе и я. Как только эти двое поселились через улицу от нас, между Холе и Баргашем возникла нежная дружба, и Баргаш иногда стал проводить у нас целый день. Медже была обижена и сказала об этом при свидетелях, в результате чего между ней и Холе возникло суровое отчуждение. Кончилось тем, что они при встрече делали вид, что не замечают одна другую. Хотя я была рада, что не нахожусь ни на чьей стороне в этой новой ссоре, рассерженные сестры все же втянули меня в нее одними лишь своими разговорами со мной. Моя близкая дружба с двумя моими племянницами, Шембуа и Фаршу, сблизила их с Баргашем, и они тоже вошли в наш союз. Они жили напротив нашего с Холе дома, а дом Баргаша был отделен от их дома узким переулком.

Главной задачей Баргаша было привлечь на свою сторону как можно больше знатных людей и племенных вождей. Арабы делятся на бесчисленное количество более и менее сильных племен, каждое из которых безоговорочно повинуется своему вождю. Поэтому естественно, что каждый принц стремится – открыто или, как бывает чаще всего, втайне – завоевать поддержку одного или нескольких таких вождей, чтобы иметь союзников, когда их помощь окажется нужна. Разумеется, в этих переговорах большую роль играют обещания повысить в должности. Ни одно племя никогда не покинет своего вождя, так велики верность и преданность арабов. Тот, кто умеет писать, пишет под своим именем название своего племени, и в мою полную подпись входит название маленького, но доблестного племени, к которому мы принадлежим, – лебу саиди. Сблизившись с несколькими местными вождями, Баргаш постепенно создал что-то вроде своего маленького двора, и это породило скандал. К тому же те, кто очень часто собирался в его доме, имели плохую репутацию: это было буйное и беспокойное сборище. Конечно, все достойные люди держались в стороне от его интриг и заговоров. Но все же нашлось много своекорыстных людей, разочарованных или жаждавших отомстить, которые были готовы помочь ему и десятки которых уже представляли себя назначенными на высокие должности или получившими тепленькое местечко или выгодные льготы; они думали о собственных интересах, а не об интересах своего покровителя.

Сторонников Баргаша становилось все больше, и план замышляемого восстания становился все определеннее. Если говорить коротко, они собирались захватить Маджида и провозгласить султаном Баргаша. В любом случае надо было готовиться к вооруженному столкновению. И они снова и снова сходились по ночам, до восхода луны или после ее захода, на сборища под председательством Баргаша. Повсюду царили лихорадочное возбуждение и всеобщее недоверие. Мы считали, что нас все время сторожат или выслеживают. Нам даже приходилось выполнять вместо служанок их работу, чтобы держать их подальше от себя и не позволить им узнать наши планы. Мы, женщины, перестали ходить в гости и редко принимали гостей. Напор Баргаша становился все заметнее и проявлялся все более открыто. Баргаш стал не каждый раз появляться на ежедневных приемах у султана и наконец заявил, что вообще отказывается на них бывать. А по традициям Занзибара это означало склонность к бунту против власти, и подданный, который упорно оскорбляет своего государя таким образом, подлежал наказанию. Теперь уже все должны были догадаться о враждебных намерениях Баргаша; правду говоря, он сам начал действовать так неутомимо, что сильно насторожил этим сторонников правящего государя и почти лишил себя надежды на успех своих планов захватить Маджида в плен.

Султан сделал последнюю попытку развеять мои заблуждения, пока не стало слишком поздно. Поскольку в этих обстоятельствах он не мог прийти ко мне сам, а я уже давно обходила стороной его дворец, он прислал ко мне с просьбой об этом одну из моих мачех, которую я любила. Он просил меня отказаться от участия в заговоре его врагов, которые просто используют меня и от которых я не могу ожидать никакой награды. Если же я по-прежнему буду упорствовать, я пожалею об этом, потому что в случае перестрелки мой дом не пощадят. Но еще до того, как я получила это предупреждение от своего благородного брата, я уже дала клятву верности Холе и претенденту на престол и чувствовала, что это торжественное обязательство меня связывает. Когда мачеха уходила от меня, по ее щекам катились слезы.

Хотя я была самой младшей из заговорщиков, из-за моего умения писать меня сделали чем-то вроде их главного секретаря, и я вела всю переписку с вождями. Тем не менее я была достаточно взрослой, чтобы чувствовать угрызения совести. Я вздрагивала от ужаса, когда мне приходилось заказывать пушки, порох и снаряды, которые убьют ни в чем не повинных людей. Но что я могла сделать? Нарушить свое слово и покинуть любимую

сестру в час опасности? Нет, ни за что! Моя преданность Холе влияла на меня гораздо больше, чем все добрые чувства, которые я испытывала к ее брату. Он, сын абиссинки, очень талантливый человек, превосходит нас всех в проницательности и сообразительности. Он гордый, властный и надменный; трудно было не заметить в его характере склонность к насилию. Как мало его любили, видно по тому, что из всей семьи полностью перешли на его сторону только мы – четыре женщины и наш двенадцатилетний брат Абд иль-Азиз, находившийся под опекой Холе.

Несмотря на бдительность, с которой следили за нашими передвижениями, мы продолжали действовать как раньше, встречаясь иногда при очень опасных для нас обстоятельствах. Мы уже назначили день для открытого выступления, но вдруг дом Баргаша был окружен войсками. Мы ожидали, конечно, что с нами поступят таким образом, а это означало бы конец всем нашим надеждам. И действительно, министры и несколько других чиновников были за то, чтобы оцепить все три дома, но Маджид не дал на это своего согласия, потому что желал пощадить нас, женщин.

Нам пришлось полностью изменить наши планы. Было решено, что все сторонники Баргаша соберутся в имение Марсель возле столицы и займут там оборону. Это была неплохая мысль, поскольку Марсель легко можно было превратить в крепость, и он мог вместить несколько сот человек. В согласии с этим планом туда были отправлены оружие, боеприпасы и продовольствие; поблизости от Марселя были размещены солдаты. Предполагалось, что из этого нового агитационного центра восставшие будут вести пропаганду по всему острову. Мы напрягли свои силы до предела и благодаря этому быстро и успешно выполнили план. У нас отсутствовала казна, откуда можно было бы брать деньги для расходов, и потому каждый из нас внес сколько мог средств из своих собственных сбережений, а также не забыл предоставить достаточное число хорошо вооруженных рабов.

Закончив превращать Марсель в новое средоточие заговора, мы стали замышлять большой удар и в итоге решили похитить Баргаша из его дворца, чтобы он смог бежать в Марсель и сам управлять оттуда действиями восставших. Мы полностью осознавали, как велика опасность этого предприятия, но наша решимость довести его до конца была непоколебима.

В тот памятный вечер мы с Холе вышли из нашего дома в сопровождении большой свиты. На улице к нам, как было условлено заранее, присоединились наши племянницы и их

служанки, и мы все направились к дверям Баргаша. Там наше шествие остановили солдаты, не знавшие, кто идет. Когда мне пришлось остановиться, я громко возмутилась таким необоснованным унижением и не признающим возражений тоном потребовала, чтобы они позвали своего капитана. Это было грубейшее нарушение обычая и этикета, но результат оправдал его: офицер был ошеломлен, когда Холе и я выступили вперед из процессии и подошли к нему. Мы начали ругать его в сильных выражениях за то, что он позволил своим подчиненным помешать нам. Сначала он потерял дар речи, потом пробормотал, что просит извинить его, и наконец освободил дорогу, уступая нашему настойчивому желанию увидеть арестантов. Он даже согласился, в ответ на нашу просьбу, предоставить нам довольно много времени для свидания.

В доме мы обнаружили Медже и Баргаша, почти обезумевших от волнения. Из окна они видели спор, исход которого означал для них успех или поражение. Но возникла новая трудность: Баргаш в своей мужской гордости не желал одеваться в женский наряд, и это затруднение было еще больше оттого, что у нас оставалось не так уж много времени. Наконец он позволил нам одеть себя так, что были видны только глаза, и маленького Абд иль-Азиза мы одели так же. Перед тем как отправиться в путь, мы помолились всемогущему Богу.

Мы не спеша вышли из этого дома, беззаботно разговаривая о каких-то пустяках, но дрожа от страха, что солдаты что-нибудь заподозрят. Баргаш шел между двумя самыми высокими женщинами. Но солдаты пропустили нашу процессию с учтивостью, соответствующей нашему сану, и мы продолжили свой путь целые и невредимые. Как только мы оказались за городом, Баргаш и мальчик сняли с себя женский камуфляж, торопливо попрощались с нами и скоро скрылись из вида в той стороне, где находился Марсель.

Остальные вернулись домой маленькими группами и обходными путями. Нетрудно понять, что о сне в эту ночь не было и речи. Обессилев от пережитого события, которое потребовало от нас огромного напряжения всех сил, с ужасом ожидая завтрашнего дня и осознав, как близко мы были от смерти, мы дали волю стонам и слезам, а некоторые из нас едва не падали от слабости. Ночью нам казалось, что мы слышим стук лошадиных копыт и выстрелы из мушкетов.

Уже в семь часов пришло горестное известие, что наши враги знают о том, что произошло. Правительству оставалось только одно – ответить на открытое восстание силой, и оно направило против Марселя несколько тысяч солдат с артиллерией. Этот

очаровательный дворец был полностью разрушен, заговорщики, побежденные численно превосходящим противником, в беспорядке бежали после короткого ожесточенного боя, который стоил жизни сотням ни в чем не повинных людей.

Читатель спросит меня, какое наказание понесли мы, женщины, за то, что посмели участвовать в мятеже. Вообще никакого! Но если бы решение принимал не великодушный Маджид, мы, конечно, не отделались бы так легко, поскольку наши интриги заслуживали серьезного наказания.

Затем стало известно, что Баргаш после разгрома своих людей вернулся в город и тайком пробрался в свой дом. Разумеется, все подумали, что он намерен добровольно сдаться своему брату. Маджид даже постарался облегчить ему это ожидаемое изъявление покорности – вместо солдат послал к нему своего племянника Сууда бин-Хилаля с сообщением, что готов простить и забыть то, что произошло, если Баргаш пообещает больше не поступать таким образом. Сууд, добрый и мягкосердечный человек, отправился с этим поручением к Баргашу один, чтобы показать, как мирно настроен султан. Баргаш начал с того, что не впустил его в дом и потребовал, чтобы посол – который был намного старше его – передал ему письмо с улицы. Сууд, естественно, ответил отказом, и после долгого ожидания дверь открылась – ровно настолько, чтобы он смог войти. После этого послу пришлось в буквальном смысле этого слова карабкаться вверх по забаррикадированной лестнице. Добравшись до ее верха, он должен был проползти через люк, от которого для этой цели был отодвинут тяжелый сундук. Баргаш, которому недостаточно было того, что он заставил посла Маджида войти таким унизительным образом, сорвал переговоры, патетически заявив, что отказывается от снисхождения, которое предлагает ему султан.

После такого упорства у Маджида оставался только один путь – во второй раз применить насилие, как бы сильно он ни хотел избежать этого. Английский консул, с которым он совещался, убедил его в необходимости окончательно прекратить затянувшиеся беспорядки и предложил для этого свою помощь. Британская канонерка должна была появиться напротив дворца Баргаша и высадить на берег отряд моряков, а если эта демонстрация силы не подействует, начать обстрел. На самом же деле моряки начали с того, что дали несколько залпов из ружей по дому Баргаша; тогда он вместе с Медже и Абд иль-Азизом укрылся в задних комнатах дома, спасаясь от пуль, которые уже свистели возле их ушей.

При первом залпе Холе разрыдалась, стала ругать по очереди

Маджида, его правительство и англичан и обвинять их, тоже поочередно, в том, что они возмутительно и несправедливо оскорбляют и обижают нас. Тем временем ружейный огонь становился все сильнее, и все в нашем доме обезумели от страха, потому что дом этот стоял как раз позади дома Баргаша, и мы тоже, старые и молодые, знатные и простые, словно сошли с ума. Некоторые прощались друг с другом навсегда, кто-то просил у всех остальных прощения за прежние обиды; самые хладнокровные начали паковать свои вещи, готовясь к бегству. Остальные замерли на месте и стонали или причитали, не способные ни думать, ни делать что-либо. А некоторые начали молиться там, где стояли, – в коридорах, на лестницах, во дворе, на крыше, которая была защищена оградой. Их примеру последовали другие, и постепенно страх и суета уступили место успокоительной уверенности в том, что всегда должна совершаться не воля человека, а воля Господа, что судьбы людей предначертаны всемилостивым и премудрым Богом. И тогда мы все благочестиво опустились на колени и коснулись лбом пола в знак глубочайшего смирения и покорности перед лицом Господа.

Опасность все усиливалась, и Холе наконец убедила нашего упрямого брата покориться. Нарушая все правила приличия, она сама побежала к английскому консулу с сообщением об этом и желая потребовать, чтобы боевые действия были прекращены. В то время британцы не имели в Восточной Африке такой власти, как сейчас, и во внутренних делах Занзибара их мнение значило так же мало, как, скажем, мнение турок во внутренних делах Германии. Это положение коренным образом изменилось только с 1875 года, благодаря политике Англии в отношении рабов – в пользу этой страны и в сторону полного разорения нашего народа.

Холе не нашла консула, но в это время люди из дома Баргаша стали кричать морякам: «Мир, мир!», стрельба прекратилась, и нам удалось избежать большей беды. Если бы та канонерка действительно обстреляла дворец претендента из орудий, сейчас на троне Занзибара сидел бы не он, а другой султан, и я бы никогда не уехала в Европу.

Чтобы подобные заговоры не происходили в будущем, было решено, что Баргаш будет выслан в Бомбей. Он отплыл туда на британском военном корабле, и вместе с ним отправился (добровольно) Абд иль-Азиз. Это было сделано по совету английского консула. Вероятно, британцы хотели держать в своих руках предполагаемого наследника Маджида, чтобы без грубости принуждать султана действовать в согласии с их планами. Баргаш прожил в Бомбее два года, затем без шума вернулся на Занзибар,

и после смерти Маджида в 1870 году наконец получил по наследству давно желанный престол.

Глава 18
Сельская жизнь

Сложные отношения с невидимым управляющим. – Жизнь на плантации Кисимбани. – И на плантации Бубубу. – Продажа Бубубу. – Снова в городе. – Примирение с Маджидом. – Ссора с Холе. – Ненависть восточных людей к лицемерию. – Их великая верность в дружбе.

Наш замысел, который начался с таких больших надежд и так старательно был разрушен до основания, обошелся нам дорого. Мои племянницы были достаточно богаты, чтобы легко перенести свои потери, но многие из наших лучших рабов погибли в бою, а другие стали инвалидами или были изуродованы, и их вид постоянно напоминал нам о бедствии, которое вызвали мы сами. Но это еще самое слабое наказание, самый безобидный урожай, который мог вырасти из посеянных нами семян зла. Гораздо хуже для нас – Холе, Медже, моих двух племянниц и меня – видеть, что все наши добропорядочные родственники и друзья явно сторонились нас, и при этом чувствовать, что это отношение совершенно оправданно. Были и такие люди – те, кто не любил нас или надеялся добиться благосклонности властей, передавая сплетни, – которые продолжали шпионить за нами и прилагали для этого огромные усилия. Нам это было все равно, поскольку наше дело было проиграно навсегда, но то, что мы оставались на подозрении, отпугивало немногих оставшихся у нас друзей. Даже хитрые баньяны долгое время обходили нас стороной и лишь иногда пробирались в наши дома по ночам, чтобы расхваливать свои индийские товары. Наши когда-то полные движения дома, где все время, как в голубятне, кто-то входил, кто-то выходил, теперь наполнились давящей пустотой, стали одинокими и мрачными; к нам не заходила ни одна душа из внешнего мира. Это становилось невыносимо, и я решила переселиться в одно из своих имений; мои четыре сообщницы вскоре последовали моему примеру – покинули город и поселились в сельской местности.

С тех пор как умерла моя мать, я редко бывала на какой-нибудь из своих трех плантаций и приезжала туда только на пару дней. Поэтому, после всех моих недавних бедствий и всех семейных раздоров, я вдвойне радовалась, предвкушая удовольствия сельской жизни. Я выбрала Кисимбани, потому что это имение предпочитала моя дорогая мать и из-за воспоминаний о ее частых поездках туда. Но я также понимала, что мне

придется терпеть те неудобства, от которых страдают живущие в одиночку арабские дамы из-за своей вынужденной независимости от мужчин-советчиков.

Тиранический этикет нашей страны запрещает нам, женщинам, разговаривать даже с нашими собственными служащими, если они – свободные мужчины. Распоряжения и отчеты должны передаваться через рабов, а поскольку лишь немногие знатные дамы умеют писать, то можно пересчитать по пальцам дам, которые когда-либо видят баланс, составленный их управляющим. Если управляющий обеспечивает дом госпожи всем необходимым и присылает ей достаточно денег после урожая, это ее обычно вполне удовлетворяет. Эти доходы поступают от продажи гвоздики и кокосов. Есть еще картофель, ямс и другие плоды, вырастающие на земле, но мы слишком горды, чтобы продавать их, и управляющий может делать что пожелает с той их частью, которая не нужна для домашнего потребления.

Пока я жила в городе, мой управляющий Хасан раз в неделю или в две недели приезжал, чтобы передать мне свой отчет через одного из моих домашних рабов и попросить указаний, которые я посылала ему этим же путем. Для таких случаев, как этот, существует особая комната на первом этаже дома, где мужчины отдыхают после долгой езды на муле, подкрепляясь едой и питьем перед возвращением домой. Но теперь, когда я собиралась жить в Кисимбани, Хасан стал для меня неудобен; ему, бедняге, самому приходилось все время прятаться или сворачивать в сторону, чтобы не увидеть какую-нибудь из нас, женщин. Поэтому я перевела его на другую плантацию, а на его место назначила сообразительного (он умел читать и писать) и энергичного абиссинца, который был рабом, а не свободным человеком. Абиссинцы вообще ловкие и смышленые люди, и мы, если есть выбор, покупаем их охотнее, чем негров.

Теперь я могла сколько угодно ходить по своему имению, не боясь создать этим трудности для своего управляющего.

Мои домашние животные доставляли мне много удовольствия, и я каждый день проводила с ними по нескольку часов. Кроме того, мне было приятно радовать стариков и больных в их маленьких низких хижинах лакомствами, которые мои служанки относили им с моего обильного стола. Детей рабов – они принадлежат владельцу родителей, вроде дивидендов с капитала, – я приказала присылать ко мне каждое утро. Их умывали возле колодца водой с *расселем,* а затем кормили. Рассель делают из листьев одного восточного дерева. Их высушивают и превращают в порошок, который, соприкасаясь с

водой, превращается в пенистый состав, похожий на мыло. До четырех часов дня, когда родители этих малышей возвращались с поля, я оставляла детей на своем дворе, где они играли под присмотром надежной рабыни. Для маленьких озорников это было лучше, чем весь день провести под солнцем на спине у матери, которая привязывает ребенка к себе и носит его с места на место.

Такая вольная сельская жизнь была мне очень по душе, и я была в восторге оттого, что сменила беспокойный город на это очаровательное место. Жены и дочери моих знатных соседей стали, согласно этикету, наносить мне визиты, и вскоре у меня появились гостьи, которые оставались в моем доме на несколько недель, а то и месяцев. Кроме того, незнакомые люди тоже иногда отдыхали в мужской комнате после утомительного пути: у нас это старый обычай. А поскольку Кисимбани находится на перекрестке двух дорог и движение на обеих оживленное, таких залетных птиц всегда было много.

Я постоянно поддерживала связь с городом. Два раба через день ездили туда верхом и привозили мне новости. Кроме того, два или три раза в неделю я посылала туда служанку, которая привозила мне письма от моих друзей и родственников. Тревога, остававшаяся после того прискорбного и неудачного заговора, утихла, но разлад между моими братьями и сестрами продолжался. И это была еще одна причина, по которой я не спешила переселиться обратно в город.

Для полного счастья мне не хватало только моря. Я привыкла подолгу и не отрываясь смотреть на него каждый день моей жизни и теперь скучала без него. Все три мои плантации находились в глубине острова, но, поскольку ни разу не бывало, чтобы мое желание оставалось неисполненным, я решила купить еще одну плантацию, у воды. Поэтому я после положенных переговоров приобрела имение Бубубу. Мои домашние любимцы переехали туда со мной и, несомненно, выходя из своих корзин и клеток, удивились, когда встретились в новом дворе. Было заметно, что эта перемена им так же приятна, как мне. Я могла часами сидеть, наблюдая за ними, или же бродила вдоль берега моря, глядя на его синие воды, на корабли, которые шли к городу с севера, и на быстрые рыбачьи лодки, скользившие мимо одна почти сразу за другой.

В Бубубу я была ближе к городу, до него можно было легко добраться и по дороге, и по воде. И, живя в этом имении, я действительно больше общалась с людьми, чем в Кисимбани. Трое из моих братьев часто приезжали ко мне либо на коне, либо в лодке, и мы счастливо проводили время вместе – болтали, ели и

пили, играли в карты, взрывали фейерверки. За все это время не проходило и суток, чтобы меня не посетили по меньшей мере одна или две дамы, а иногда этих дам бывало не меньше десяти. Одни заезжали ненадолго, другие оставались на несколько дней. Но я сама по воле судьбы прожила в Бубубу мало времени, хотя очень сильно полюбила это место. Маджид сообщил мне о том, что новый английский консул желает приобрести Бубубу, чтобы жить там, когда ему захочется отдохнуть за городом. Как ни больно мне было расставаться с моим любимым владением, я не могла упустить первую возможность показать тому, кому так подло причинила вред, что раскаиваюсь, – и я принесла эту жертву.

Примерно через неделю после своего отъезда из Бубубу я снова поселилась в городе. Однажды вечером ко мне пришла Холе. Она была в раздраженном состоянии, и я не могла не заметить этого, как только она вошла. И действительно, сестра пришла укорять меня за то, что я уступила свое имение консулу. Когда я вежливо ответила, что это только мое дело, она принялась с большим жаром обвинять меня в том, что я продала свою собственность, чтобы угодить «проклятому», как она высказалась, Маджиду. Потом она повела себя еще грубее и, наконец, вышла из дома, воскликнув на прощание: «Выбирай – или Баргаш и я, или этот раб англичан! До свидания!»

После этого я больше никогда не видела Холе, хотя сама продолжала жить в городе; только после моего отъезда с Занзибара ее неприязнь ко мне ослабла. А тогда я решила обходить стороной и Маджида, и Хадуджи, чтобы не могло возникнуть подозрений, будто обвинение Холе в конце концов оказалось правдой. Но меня ждала неожиданная встреча.

Через две недели после моего переезда в город ко мне пришел не кто иной, как Маджид, и не один, а в сопровождении огромной свиты! Он сказал, что желает поблагодарить меня за то, что я вывела его из затруднения в деле с английским консулом: Маджид оказался бы в неприятном положении, если бы ответил отказом на его просьбу. Я пробормотала в ответ несколько неразборчивых фраз, и Маджид перевел разговор на другие темы – и ни разу не упомянул о заговоре, чем великодушно дал мне понять, что не сердится на меня за участие в нем. Мы расстались лучшими друзьями, а перед этим он попросил меня отдать визит ему, Хадуджи и моей тете Айше, которая была с ними. Так я и сделал; но эта простая вежливость позже дорого обошлась мне: до сих пор ее считают преступлением с моей стороны те самые люди, которым я во время заговора помогала возвести на престол Баргаша. Подобные недоверие и зависть могут показаться

непонятными, но они были характерны для моей родни, когда нашу семью разрывали на части споры между партиями внутри ее.

Две партии существовали по-прежнему, и интриги не утихали, только теперь их плели не так открыто и с меньшим шумом. Эти трения между родственниками было еще тяжелее терпеть оттого, что никто не скрывал своего мнения и не сдерживался, выражая его. Дело в том, что восточные люди по своей природе очень искренни. Они совершенно не способны прятать свои чувства, что с таким мастерством делают европейцы. Когда восточный человек считает кого-то своим заклятым врагом, он редко хранит это в тайне, и ему совершенно все равно, если он грубо оскорбил врага взглядом, словом или жестом. Восточный человек просто не понимает, как это можно – делать то, что противоречит твоим истинным чувствам и мнениям. Ему почти неизвестна та формальная вежливость, которую здесь соблюдают все люди без исключения при всех обстоятельствах. Даже только попытка лицемерить – но и это трудно для нас с нашими пылкими страстями и горячей кровью – привела бы к тому, что клеветники обвинили бы лицемера в трусости. В те дни я много раз, снова и снова, слышала такие вопросы: «Почему я должен показывать, будто я не такой, какой я есть?», «Разве Господу не ясны все мои мысли и чувства?», «Почему я должен дрожать или притворяться перед человеком?».

С другой стороны, именно на Восток нужно отправиться, чтобы увидеть верную и по-настоящему самоотверженную дружбу. Нельзя сказать, что такие отношения между людьми возможны только там, но совершенно верно, что, если араб любит, его верность предмету этой любви так велика, что способна сдвинуть горы. Хотя нигде границы между сословиями не соблюдаются так строго, как там, нигде они не значат так мало, как там, если возникает подлинная дружба. Принц обращается с сыном конюха, который стал ему любимым другом, как с потомком благородного семейства, и не иначе. Принцесса будет так же ласкова с женой или дочерью своего управляющего, как с дамой из высшей знати. Моя сестра Медже, например, взяла к себе жить во дворец девушку низкого происхождения, и ее привязанность к этой бедной и скромной, но умной девушке не угасла, пока их не разлучила смерть.

Иногда аристократка становится близкой подругой чужой рабыни – конечно, не негритянки, а черкешенки или абиссинки. Это большая удача для рабыни, поскольку такая покровительница купит ее за любую цену, чтобы потом освободить. Это освобождение происходит под покровительством закона, который

провозглашает, что никто не имеет права нарушить или отменить принятое решение. Если мужчину бросают в тюрьму, его лучший друг позволяет каждый день на несколько часов запирать себя в камере вместе с ним. Вместе с изгнанником уезжают с родины его ближайшие друзья.

В случае несчастья или внезапной бедности друг может рассчитывать на кошельки своих друзей, и поэтому у нас не прижилась общественная благотворительность. Мы привыкли к этому с юности, и для нас это естественно.

Глава 19
Бегство с Занзибара

Знакомство с господином Руэте. – Побег. – Свадьба в Адене. – Короткое счастье в Гамбурге. – Жизнь в Германии после него.

В эти мрачные дни раздоров в нашей семье мне принесла счастье любовь молодого немца, представлявшего на Занзибаре одну из гамбургских коммерческих компаний. Поскольку в печати были неверно описаны подробности связанных с этим событий, я думаю, что будет лучше коротко рассказать, как это случилось.

При правлении моего брата Маджида европейцы пользовались большим почетом. Они были желанными гостями в его дворце и в его имениях, и к ним всегда относились с подчеркнутым вниманием. Моя сестра Холе и я поддерживали с жившими на Занзибаре европейцами приятные знакомства, обмениваясь с ними теми знаками вежливости, которые были разрешены обычаями нашей страны. Большинство европейских дам, живших на Занзибаре, наносили визиты только Холе и мне. Я познакомилась с моим будущим мужем после возвращения из Бубубу. Новый дом, который я тогда приобрела, был рядом с его домом, и его плоская крыша была чуть ниже моей. Из верхнего окна я часто смотрела на веселые мужские праздники, которые он устраивал, чтобы показать мне, как в Европе принято накрывать на стол и принимать пищу. О нашей дружбе, которая в конце концов переросла в глубокую взаимную любовь, пошли разговоры в городе, и мой брат Маджид услышал их.

Но рассказы о его враждебном отношении ко мне из-за этого и моем заточении – чистый вымысел.

Естественно, я желала тайно покинуть свою родину, где не могло быть и речи о том, чтобы мы соединились. Первая попытка не удалась, но появилась другая возможность – благодаря посредничеству моей подруги миссис С., жены английского врача, который был также консульским агентом. Однажды ночью меня увез в лодке мистер П., командир британского военного корабля «Хайфлайер». Как только я оказалась на борту, заработали двигатели корабля, и «Хайфлайер» взял курс на север; он благополучно доставил меня в конечный пункт моего пути – порт Аден. Там меня приютили у себя супруги-испанцы, с которыми я была знакома на Занзибаре, и в их доме я стала терпеливо ждать моего избранника. Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы

закончить дела, а после этого он последовал за мной в Аден. За это время я была наставлена в христианской вере; крещение – с именем Эмилия – я приняла в английской часовне Адена, и сразу после него мы были обвенчаны по англиканскому обряду. Затем мы с мужем отправились на корабле в его родной город Гамбург, где нас радушно встретили его родители и другие родственники.

Я скоро привыкла к чужой стране и усердно училась всему, что могло оказаться подходящим для моей жизни в ней. Мой незабвенный муж увлеченно и заинтересованно следил за различными этапами моего нового развития. Особенно интересно ему было видеть мои первые впечатления от европейских привычек и обычаев. Эти впечатления я записывала на бумаге и, возможно, расскажу о них в будущем.

Однако нашему счастью было суждено оказаться очень коротким. Через три с небольшим года после того, как мы поселились в Гамбурге, мой горячо любимый муж погиб в результате несчастного случая: выпрыгивая из трамвайного вагона, он был раздавлен и умер после трех дней тяжелых страданий. Я осталась одна в огромной чужой стране с тремя маленькими детьми, самому младшему из которых было всего три месяца. Сначала я думала вернуться домой, но судьба распорядилась так, что через два месяца после моей ужасной потери скончался мой брат Маджид, который всегда был так добр ко мне.

Он даже не обиделся на меня за мой тайный побег с острова: как истинный мусульманин, он верил в Божественное предопределение и был убежден, что мой отъезд предначертан Богом. Незадолго до смерти он трогательно проявил свою братскую любовь – нагрузил целый корабль подарками, которые должны были быть доставлены мне в Гамбург. Но ни один из них не попал ко мне, потому что, как я узнала позже, судно вышло из порта, но Маджида бесчестно обманули, и его намерения не были выполнены. Я могу также добавить, что он не причинил никакого вреда моему жениху после моего внезапного исчезновения, а наоборот, позволил ему вести бизнес совершенно свободно.

Я прожила в Гамбурге еще два года, постоянно терпя все новые несчастья. По чужой вине я потеряла значительную часть своего имущества и увидела, что должна взять свои дела в собственные руки. Я почувствовала сильнейшее отвращение к городу, где когда-то испытала так много счастья, и отвращение возникло прежде всего потому, что некоторые люди здесь обращались со мной не так вежливо, как я, надеюсь, заслуживала.

Переехав в Дрезден, я была там дружески и сердечно принята во всех кругах общества. Оттуда я ездила в Лондон; об этой

поездке будет рассказано в следующей главе. Со временем у меня возникло желание жить в спокойном городе, и тогда я выбрала очаровательную маленькую столицу Рудольштадт. За годы моей жизни здесь я тоже испытала множество примеров подлинной дружбы, а их светлейшие высочества сделали все возможное, чтобы эта жизнь была приятной. В Рудольштадте мое здоровье окрепло, и я переехала в Берлин – подходящее место для обучения моих детей. Снова я нашла много друзей, которые старались сделать мое проживание в этом городе приятным. Сама королевская семья милостиво проявила ко мне интерес, о котором я всю мою жизнь буду помнить с искренней благодарностью.

Глава 20
Немного английской дипломатии

Поездка в Лондон. – Встреча с сэром Бартлом Фрером. – Предложенный выбор. – Отказ от встречи с Баргашем. – Возвращение в Германию. – Разочарование. – Двуличие британского правительства. – Его мотивы.

Все это время я постоянно поддерживала связь с родиной через переписку и никогда не теряла надежды побывать там. Но упрямство Баргаша лишало меня всякой возможности встретить радушный прием у моей семьи. Причиной такой долгой и упорной вражды была одна лишь мстительность: он не мог мне простить, что я восстановила дружеские отношения с его давним противником Маджидом. Однако это не ослабило мою тоску по родине и друзьям, и я начала тайно искать путь к примирению.

Весной 1875 года в газетах появилось сообщение, которое глубоко взволновало все мое существо: мой брат Баргаш, султан Занзибара после смерти Маджида, должен был приехать в Лондон. Вначале я ничего не делала и скрывала свою тревогу, но друзья уговорили меня действовать, хотя после всех моих разочарований у меня оставалось мало иллюзий. Поэтому я в итоге решила поехать в Лондон, и граф Бюлов, министр иностранных дел Германии, заверил меня, что я могу ожидать дипломатической поддержки от посла империи графа Мюнстера – увы, эта поддержка оказалась малоэффективной.

Короткий отрезок времени, который был в моем распоряжении, я потратила на изучение английского языка, не желая быть совсем уж беспомощной. В эти два месяца я часто сидела за книгами до зари, заучивая наизусть слова и фразы. И к тому же все сильнее становилась моя тревога за троих моих детей, с которыми я никогда не расставалась надолго.

Наконец я отправилась в Лондон через Остенде. Измотанная усталостью и с расшатанными нервами, я добралась до огромной метрополии, где мои единственные тамошние знакомые, мистер и миссис П., меня любезно поселили у себя и делали для меня все, что могли. Я приехала в Лондон на неделю раньше Баргаша и в остававшиеся до его визита дни отправилась к графу Мюнстеру, который заверил меня, что готов проявить добрую волю. Мои друзья в Германии взяли с меня обещание действовать осторожно и в первую очередь заручиться в моем деле поддержкой английского правительства. Первоначально я, уже узнав на

собственном опыте, как мало существует людей, заслуживающих доверия, склонялась к тому, чтобы полагаться лишь на Бога и собственные силы; но потом уступила друзьям. Опасения, что меня вежливо угостят формальными дипломатическими фразами, а потом отложат мое дело в долгий ящик, были пустяком по сравнению с тем, что произошло на самом деле. Мне еще надо было узнать и заучить как урок, что теперь я находилась в мире, где ложь и обман считались почти добродетелями.

Однажды мне доложили, что пришел сэр Бартл Фрер. Этого человека, который потом стал губернатором Капской колонии, я знала только по имени, но если я когда-либо верила предчувствиям, то именно в этот день, когда были погублены моя самая большая надежда и будущее моих детей. Не поддающаяся описанию тревога охватила меня в тот момент, когда я увидела этого великого дипломата, который управлял судьбой Занзибара как хозяин и полностью подчинил султана своей воле.

После обычного обмена приветствиями сэр Бартл начал расспрашивать меня о моих делах; в особенности он хотел узнать причину моего приезда в Лондон. Хотя было видно, что он уже прекрасно знает ее, я сказала ему, какова в точности моя цель. По сути дела, говорить было почти нечего: я просто желала помириться со своей семьей. Поэтому вы можете представить себе, как я удивилась, когда сэр Бартл холодно спросил меня, что мне важнее – это примирение или обеспечение будущего моих детей? Даже теперь у меня едва хватает сил анализировать чувства, которые вызвало во мне это предложение. Я ожидала чего угодно, но не такого удара. Пусть меня обвиняют в трусости или нерешительности за то, что я дрогнула в такой момент. Будущее детей, конечно, было дороже, чем мои личные желания.

Немного придя в себя после того замешательства, в которое меня привел этот изумительный дипломатический маневр, я потребовала, чтобы сэр Бартл объяснил, что побудило его сделать такое предложение. Тогда он твердо заявил, что британское правительство не желает быть посредником между мной и моим братом, которого оно считает своим гостем и потому должно избавить от всего, что может быть ему неприятно. (Все же я не уверена, что протянуть руку кающейся сестре было бы для султана неприятнее, чем подписать под моральным давлением рабский договор и этим косвенно признать над собой верховную власть англичан.) Однако, если я торжественно пообещаю не приближаться к брату и не писать ему, пока он будет в Лондоне, британские власти гарантируют материальное благополучие моих детей.

Испытав горькое разочарование, я теперь стояла перед

выбором – действовать самостоятельно без помощи официальных английских властей (но я была уверена, что этот путь полон трудностей, непреодолимых для того, кто слишком слаб, чтобы справиться с ними) или принять помощь, которую правительство предлагало моим детям.

Я приняла в расчет обещание не идти к брату одна и без защиты, которое дала своим немецким друзьям (хотя я не думаю, чтобы он сделал что-то, нарушающее английские законы, если бы я вдруг появилась перед ним), и согласилась на предложение сэра Бартла Фрера. Когда один мой друг, который догадывался о намерениях правительства, спросил сэра Бартла, откуда у того вдруг возник такой благосклонный интерес к моему делу, этот умный и хитрый дипломат назвал в ответ целых три причины: 1) мы оказываем одолжение султану; 2) мы умиротворяем принцессу и 3) мы опередим германского канцлера (в лице графа Бюлова) и не дадим ему принять участие в этом деле. Все это звучало правдоподобно и обнадеживало.

Чтобы случайно не встретиться с Баргашем в музеях или других общедоступных зданиях, в Гайд-парке или на улицах, я изучала газеты, где заранее писали о том, куда он отправится на экскурсию в этот день. Я просила мою любезную хозяйку не брать меня с собой на прогулки в карете, но она не пожелала и слышать об этом, потому что мое здоровье требовало постоянных прогулок на свежем воздухе. Поэтому, когда султан шел на восток, мы ехали на запад, и наоборот. Я считала эти меры предосторожности абсолютно необходимыми, поскольку не была уверена в силе своего духа и боялась, что нарушу свое слово, если действительно встречусь с ним. Но в европейской одежде, которую я теперь носила, меня вряд ли узнала бы даже моя праведная мать, и уж тем более не узнал бы брат, который обычно видел меня под покрывалом.

Я предпочла бы сесть на корабль и отплыть в Германию, оставив позади этот город, в котором потерпели крушение все мои надежды. Но я была лишена даже этого удовольствия. Я должна была, вдали от своих детей, много недель подряд терпеть неописуемые муки в городе, где узнала только горе и разочарование. Сэр Бартл Фрер велел, чтобы я составила для властей подробную записку. Я не имела опыта в таких делах, и у моего ума тогда хватало сил лишь на бессознательную автоматическую работу. Поэтому я с радостью позволила моим добрым друзьям составить за меня этот отчет, полагая, разумеется, что из этого не может выйти ничего, кроме хорошего. Когда он был закончен – примерно через шесть недель, – я вернулась в Германию к своим детям.

В то время на Занзибар смотрели как на будущую британскую колонию, и потому мою записку вначале нужно было передать британским властям Индии. Прошло несколько месяцев, и вот однажды я получила письмо из Лондона. В него была вложена копия документа, который британское правительство вручило немецкому послу для передачи мне; этот документ был коротким сообщением, что та записка, которую так настойчиво требовал от меня сэр Бартл Фрер, отклонена. Причиной отказа в документе назвали то, что, поскольку я вышла замуж за немца и живу в Германии, мое дело будет представлять больший интерес для германского правительства. Эта неуклюжая отговорка выглядела еще смешнее оттого, что я не выпрашивала милостыню ни у одного, ни у другого правительства, а просила их лишь о моральной поддержке. Сэр Бартл Фрер сам потребовал у меня эту записку – тот самый дипломат, который вырвал у меня обещание не видеться с моим братом в обмен на обеспечение моих детей.

Предоставляю каждому справедливому человеку самому решить, достойно ли такой великой страны, как Англия, подобное обращение с несчастной женщиной.

Но мне бы хотелось спросить: разве британское правительство, которое представлял сэр Бартл Фрер, делая мне свое предложение, не знало, что я вышла замуж за немца и потому являюсь подданной Германии? Об этом ни разу не заходила речь, когда у меня выманивали обещание не видеть моего брата. Я точно и добросовестно выполнила свою часть этого соглашения. Вы понимаете, что, пока я имела возможность общаться с моим братом, для англичан я была не немкой, которая ничего для них не значит, а сестрой султана, которая может повредить их интересам. Но вот когда мой брат вернулся домой, я перестала представлять какую-либо опасность, и они разыграли эту карту, чтобы навсегда избавиться от меня.

Позже мне объяснили, почему власти не дали нам с Баргашем помириться. Султан не знал ни одного европейского языка и не понимал тонкостей европейской политики. Англичане очень хотели, чтобы он оставался в этом невежестве: меньше была вероятность того, что он заупрямится, когда надо будет подписать некоторые договоры. Я, немного узнавшая европейский образ мыслей, могла бы сказать брату такое, что, возможно, было бы полезно знать правителю Занзибара, но что мешало бы планам британского правительства.

Все же я должна отметить, что между английским правительством и английским обществом существует огромная разница. В этом обществе я позже встретила горячую симпатию и перед некоторыми его представителями буду чувствовать себя в

долгу всю оставшуюся жизнь.

Глава 21
Поездка на родину

Отплытие. – Александрия. – Нелюбовь египтян к англичанам. – Плавание по Суэцкому каналу. – Горячее Красное море. – Прибытие. – Приветствия народа. – Это не нравится Сеиду Баргашу. – Его временщик, бывший чистильщик ламп. – Разрушения и упадок. – Ужасающая жестокость Баргаша. – Требования рассказчицы отклонены. – Британское влияние на султана. – Заключение.

Когда я несколько лет назад писала предыдущую главу, то почти перестала надеяться на осуществление того желания, которым были полны все мои мысли и все мое существо. Богатые событиями годы, пробежавшие с тех пор, как я покинула мою южную родину, были для меня временем невероятных ударов и жизненных бурь. Я много пережила, в том числе перенесла такие испытания, которых человек не пожелает даже врагу. Благодаря своему крепкому телосложению я смогла долго выдерживать суровый климат севера, но два года назад наконец уступила желанию перемен и задумала побывать на Занзибаре вместе со своими тремя детьми.

Я предприняла необходимые действия для подготовки путешествия и при этом встретила со стороны властей добросердечие и поддержку. Но тем не менее дело затянулось, я уже готова была расстаться с надеждой когда-либо снова увидеть родину, но тут пришло письмо из канцелярии министерства иностранных дел. Меня просили быть готовой к отъезду на Занзибар. Эта новость так потрясла меня, что я не сразу осознала свою удачу. Восхвалив Господа, я почувствовала себя в огромном долгу перед нашим почитаемым и любимым императором и его правительством. Мы – мои дети и я – всегда будем вспоминать о них с огромной благодарностью.

1 июля 1885 года я выехала с детьми из Берлина и 3 июля, через Бреслау и Вену, благополучно добралась до Триеста. Только на борту парохода «Венера» компании «Ллойд», который поднял якорь в двенадцать часов того же дня, моя тревога ослабла настолько, что я смогла насладиться покоем, которого мне так не хватало перед этим. Утром 5-го числа мы были на Корфу. Поездка, занявшая несколько часов, позволила нам познакомиться с лучшими достопримечательностями этого очаровательного острова. Оттуда мы продолжили путь мимо

бесплодного острова Итака у южной оконечности Греции и высокой Кандии[4] и прибыли в порт Александрии.

Как тепло стало у меня на душе, когда я сошла на берег в этом городе, среди пальм и минаретов: он был так похож на мою родину! Понять мои чувства может лишь тот, кто много лет не был в родной стране при обстоятельствах, похожих на мои. Девятнадцать лет я не видела настоящего юга, все это время я сидела в Германии у очага, и одна зима сменяла другую. Хотя я стала жительницей севера и мне выпали на долю многочисленные обязанности немецкой домохозяйки, мои мысли обычно были очень, очень далеко. Из всех видов отдыха, из всех развлечений самым лучшим для меня было сидеть, погрузившись в чтение книги о южных странах. Поэтому неудивительно, что при виде Александрии я едва не лишилась чувств и стояла, глядя на суетливое движение в порту, словно во сне.

На таможне у нас потребовали, чтобы мы назвали свои имена. Я решила, если будет возможно, не называть свое имя и попросила у одной из своих спутниц ее визитную карточку. К моему изумлению, этой карточки для таможенников оказалось достаточно. Потом мы оказались в настоящей осаде: так плотно нас окружила шумная толпа. Нам пришлось потратить немало сил, чтобы нанять кеб и добраться до своего отеля. Десятка полтора людей окружили нас, стали шумно предлагать свои услуги и не сходили со своих мест, пока их не разогнала полиция. После этого кеб смог сдвинуться с места, но один предприимчивый человек запрыгнул на него сзади и, когда мы уже ехали по улицам, громко рекомендовал себя в качестве переводчика. Он не мог понять, как получается, что я сама говорю по-арабски и поэтому могу обойтись без переводчика; это казалось ему какой-то загадкой.

Два дня в отеле, оказавшемся дорогим и грязным, пронеслись мгновенно. Больше всего мне нравилось ходить в арабский квартал, наблюдать его оживленную жизнь, которая была для меня непрекращающимся удовольствием. Сначала люди там смотрели на меня подозрительно. Но как только я обращалась к ним по-арабски, их лица становились веселее, а глаза начинали блестеть, и они кричали: «Матушка, где вы так хорошо научились говорить по-нашему? Вы, должно быть, долго жили в Багдаде? Сколько времени вы там пробыли?» Извозчик, управлявший нашим кебом, так нас полюбил, что в конце концов попросил, чтобы я взяла его к себе слугой. Он клялся, что будет верен мне всю свою жизнь и никогда не выпьет ни капли моего вина. Бедняга очень опечалился, когда узнал, что я не могу исполнить его просьбу.

Некогда прекрасный город Александрия все еще лежит в развалинах – вот памятник английскому «гуманизму»! Все местные жители ненавидят англичан от всего сердца; исключением являются лишь вице-король Египта и несколько его министров – и то просто потому, что они британские ставленники. Несколько раз я слышала, как люди в лавках и на улицах обменивались очень пренебрежительными замечаниями на их счет. Много раз меня спрашивали, англичанка ли я. Когда я отвечала, что я немка, это производило хорошее впечатление. В европейской колонии Александрии мнение об англичанах ничуть не лучше.

Из Александрии мы за восемнадцать дней добрались до Порт-Саида. Там мы встретили транспортный корабль «Орел» из Восточно-Африканской эскадры германского флота и были приняты на его борт. Хотя Порт-Саид – всего лишь маленький портовый город, там можно достать почти все; есть много магазинов со всеми предметами роскоши, какие может пожелать человек.

Здесь начинается пустыня и прорытый через нее канал, который связывает Средиземное море с Красным. Канал так узок, что одно судно не может пропустить вперед другое, поэтому через одинаковые промежутки устроено то, что я для удобства назову «запасными путями». На них указывают знаки, поставленные на берегу: что-то вроде «Южная граница вокзала» или «Северная граница вокзала». На этом водном запасном пути корабль может ждать много часов, пока встречное судно не пройдет в противоположную сторону. В Порт-Саиде каждый пароход принимает на борт лоцмана, обученного, как благополучно провести судно через канал; он также понимает значение сигналов-шаров, которые движутся вверх по канатам. Эти сигналы сообщают, нужно ли вам ждать, сколько кораблей вы должны пропустить вперед, и так далее. Ни один корабль не может идти по каналу на полной скорости, потому что большие волны, которые он поднял бы при этом, могли бы повредить непрочные песчаные берега. По ночам движение вообще прекращается.

Канал заканчивается в Суэце. И вот мы выплыли в Красное море. Уже на канале зной душил нас, а когда мы оказались между высокими скалистыми берегами залива, жара стала невыносимой. Мы и днем и ночью обливались потом. Мне эта родная жара была по душе, но моим детям она не подходила, и от нее они стали беспокойными и раздражительными. Волны на море были такими высокими, что мы не могли открыть иллюминаторы; в каютах из-за этого становилось душно. Мы проводили ночи на палубе в

шезлонгах, что было неудобно и не позволяло отдохнуть. Плавание до Адена продолжалось неделю, а там мы прождали пять дней, прежде чем «Орел» получил разрешение продолжить путь. 2 августа мы увидели остров Пемба. Какая это была радость! Это значило, что до берега Занзибара осталось не больше тридцати миль и до него можно легко доплыть за три часа. Но наступила ночь, и мы остановились у Северного мыса: из-за песчаных отмелей было опасно пытаться войти в порт в темноте.

На следующий день мы встали рано. На горизонте был виден целый лес мачт в порту. Когда корабль плыл вдоль берега, мы могли прекрасно рассмотреть пальмовые рощи и в них – негритянские деревни. После множества сигналов нам указали, где встать на якорь, но это место нам очень скоро пришлось сменить на другое. В гавани стояли четыре немецких военных корабля – «Стош», «Гнейзенау», «Элизабет» и «Принц Адальберт», два корабля английского флота, пять пароходов султана и несколько парусников. Коммодор Пашен посчитал, что меня следует рассматривать как «секретный груз», и это обозначение очень позабавило офицеров эскадры. Но когда прибыл на корабле «Бисмарк» любезный и благородный адмирал Кнорр, положение изменилось, и я получила возможность отправляться на берег когда захочу.

Во время нашего первого выхода в город мне показалось, что на лицах людей, которые толпой окружали нас, я прочла непритворное удивление. Справа и слева звучали их крики на арабском и суахили: «Добро пожаловать, госпожа!» Если мы заходили в лавку, чтобы купить что-нибудь, перед ее дверью собиралась огромная толпа, которая почтительно расступалась перед нами, когда мы выходили. День за днем наша добровольная свита становилась все больше, а воодушевление народа становилось все сильнее. Это, разумеется, вызывало гнев и у султана, и у английского генерального консула, его советчика в политических делах. Баргаш даже приказал выпороть нескольких человек плетьми за то, что они ходили следом за нами. Затем он и английский чиновник сочли нужным подать командиру эскадры жалобу на то, что народ устраивает в мою честь демонстрации.

Услышав об этом, я предупредила горожан, чтобы они больше не сопровождали меня; но они ответили, что возможность наказания не остановит их. Ко мне подходили рабы с записками, в которых их хозяйки просили меня принять уверения в их верности и преданности, писали, что желают посетить меня на корабле и что их дома открыты для меня. Другие рабы тайком клали мне в ладонь записки, которые приносили, спрятав под шапкой. Иногда, проходя возле какого-нибудь дома, я замечала,

что за его дверью прячутся дамы, которые дожидаются меня. Когда я шла мимо них, они заговаривали со мной или просто восклицали: «Пусть Бог будет с вами и сохранит вас в добром здравии!» Мои братья, сестры, другие родственники и давние друзья много раз передавали мне на словах, что просят меня прийти к ним в гости. Я отклонила все эти приглашения, но не по личным причинам: меня принудили к этому обстоятельства.

Если мы проплывали в шлюпках мимо дворца или под окнами султанского гарема, жены султана махали нам рукой. Поскольку в таких прогулках нас сопровождали офицеры флота, я была вынуждена попросить их, чтобы они, ради блага этих дам, не отвечали на их приветствия. Я даже не делала этого сама, чтобы уберечь беспечных красавиц от гибели, поскольку мне рассказали, что их господин и повелитель имел обыкновение, спрятавшись где-нибудь во дворце, наблюдать за водой или улицей, таким образом ловить нарушительниц и наказывать их. И это не выдумка. Очень хорошо известно, что за год до моей поездки на Занзибар султан из своего укрытия увидел, как его любимая жена, очаровательная черкешенка, обменялась приветствием с проплывавшим мимо в легкой лодке. То, что она сделала, – вовсе не новый обычай. Я помню, что тридцать лет назад, в дни моего детства, европейцы, особенно французские и английские морские офицеры и живущие на острове коммерсанты, кланялись нам, а мы отвечали им тем же, и наши мужчины никогда ни в малейшей степени не возражали против этого. Но Баргаш посмотрел на это иначе. Он лично так жестоко выпорол свою черкешенку за это оскорбление, что та через несколько дней умерла. Говорят, что он умолял ее о прощении, но напрасно; до сих пор он приказывает читать молитвы на ее могиле.

Во время наших поездок в глубь страны мы часто встречали людей, ехавших верхом на ослах. Из уважения к нам эти люди спешивались, вели своих животных мимо нас под уздцы, а потом снова садились в седло. Несмотря на султанские наказания, местные жители упорно демонстрировали свою любовь ко мне. Конечно, крики «Куахери, биби!» («Прощайте, госпожа!»), частенько звучавшие почти под окнами султана, когда мы отправлялись обратно на корабль, должны были раздражать его. Мне рассказали, что каждый раз, когда наши лодки приближались к берегу, кто-нибудь стучал по старой жестяной коробке из-под печенья, как по барабану, созывая людей.

Разумеется, за нами постоянно следовали шпионы, в основном уроженцы Восточной Индии; к их величайшему горю, мы говорили по-немецки. Вечером накануне моего отплытия с

Занзибара два верных друга обратили мое внимание на мрачную фигуру человека, который часто оказывал нам честь своим вниманием как торговец-разносчик. Этот торговец был умен и служил орудием в руках влиятельного временщика Перы Дауджи, в прошлом чистильщика ламп и придворного цирюльника. Временщик, поразительно хитрый индиец, сумел возвыситься для положения помощника на все руки при султане и брался за любое дело, почетное или низкое. Все дипломатические переговоры идут через него, и он же прислуживает за столом гостям султана. Он получает огромное жалованье – тридцать долларов в месяц! Все на Занзибаре очень стараются не становиться на пути у всесильного Перы Дауджи, который, не имея возможности жить на тридцать долларов с той роскошью, о которой можно судить по его великолепным одеждам, ищет себе другие источники дохода. Придворный ювелир отказался платить бывшему чистильщику ламп определенный процент со всех заказов султана – и лишился этих заказов: Пера Дауджи отдал их более сговорчивому конкуренту.

Возможно, долго живя вне родины, я стала привередливой, но, на мой взгляд, по меньшей мере внутренняя часть города находится в плачевном состоянии. Вдоль всех улиц видны руины домов, улицы узкие, и за их чистотой не особенно следят. Захламленные пустыри заросли сорняками, на них даже растут молодые деревца. И похоже, что это никого не волнует: все равнодушно идут вперед, прокладывая себе путь между лужами и кучами мусора. Ямы для золы и выгребные ямы здесь неизвестны: то и другое заменяет улица. Кроме того, управлять городом – нелегкая задача для городских чиновников, иначе султан, который узнал в Бомбее, Англии и Франции, как приятно ходить по чистым улицам, уже давно устранил бы это зло. А пока что он ввел на Занзибаре изготовление льда, электрическое освещение, так называемую железную дорогу и другие прекрасные новшества, из которых не последнее – французские повара и французская еда.

Мне очень больно было видеть ужасные разрушения, постигшие внутренний город, но я еще не представляла, в каком состоянии увижу мой старинный почтенный Бет-иль-Мтони. Придя туда, где я впервые увидела свет дня, я испытала тяжелый удар. Что это было за зрелище! Вместо дома – одни развалины.

Ни один звук не помогал мне очнуться от тяжелого чувства, порожденного этой неожиданной картиной. Мне понадобилось немало времени, чтобы прийти в себя. Одна лестница полностью исчезла, другая заросла травой и стала такой шаткой, что сделалась опасной. Более половины дома лежало в руинах,

остатки стен были оставлены валяться там, где упали. С бань исчезли крыши, а некоторые бани превратились в кучи мусора. Те части дома, которые еще стояли, тоже были лишены пола или крыши. Разруха и распад во всем! Во дворе пышно разрослись все виды сорняков. Не осталось ничего, что напоминало бы зрителю о былом великолепии этого места.

Я упомянула здесь, в последних строках своей книги, о главе нашей семьи на Занзибаре и теперь чувствую искушение рассказать о еще нескольких эпизодах из его жизни. Мне очень больно выставлять на позор кровного родственника: несмотря на то что я прожила много лет вдали от моего народа, и независимо от жестокости Баргаша ко мне, однажды рискнувшей жизнью и имуществом ради его успеха, во мне по-прежнему живет неистребимая любовь к семье. Но Сеид Баргаш не имеет ни капли сострадания ни к своим подданным, ни к своей ближайшей родне.

Всем на Занзибаре известно, что, взойдя на трон, он без повода и без всяких оснований заточил в тюрьму своего следующего по возрасту брата, Халифу. Несчастный Халифа много лет мучился, закованный в кандалы. Почему? Никто не смог объяснить. Возможно, Баргаш боялся, что Халифа, как его ближайший наследник, мог возглавить заговор, как когда-то он сам замышлял заговор против Маджида. Когда одна из сестер, которую он оскорбил, отправлялась в паломничество в Мекку, Баргаша стала мучить совесть, и он стал вымаливать у нее прощение: он боялся, что будет проклят в святом городе пророка. Но сестра отказывалась простить его до тех пор, пока он не выпустил на свободу своего невиновного брата.

Однако Баргаш продолжал следить за Халифой и его друзьями. Узнав, что один из близких друзей его брата щедро наделен земными благами, он вспомнил, как раньше был важен для него самого союз с богатыми вождями, и решил лишить своего предполагаемого наследника такой ценной поддержки. Он послал за другом Халифы и сказал ему – если передавать только основное содержание – вот что: «Я слышал, что ты намерен продать свои плантации. Скажи мне, сколько ты хочешь за них, поскольку я хотел бы приобрести их». – «Это, должно быть, ошибка, – ответил его собеседник. – Я никогда не думал продавать свое имущество». – «Но тебе будет выгодно продать мне твою землю. Поразмысли над этим», – произнес в ответ султан.

Вскоре этого человека снова вызвали к султану, и он еще раз объяснил, что не собирается ничего продавать. В этот раз он услышал окончательный ответ: «Твои намерения ничего не

значат. Я даю тебе пятьдесят тысяч долларов. Вот распоряжение о выдаче этих денег». Несчастный друг Халифы в расстройстве попрощался с султаном, вышел от него – и получил еще более тяжелый удар. Когда он попытался получить деньги по султанскому распоряжению, ему сообщили, что деньги будут выплачиваться в течение двадцати лет, по две тысячи пятьсот долларов в год. Этот человек оказался разорен, чего и добивался султан.

Вот еще один случай, который заставляет меня краснеть от стыда и наполняет мое сердце жалостью. Об одной из моих сестер кто-то распространил злую клевету, будто бы она влюблена в кого-то, кого Баргаш не желал иметь своим зятем. Султан пришел к ней с обвинениями. Она возражала, заявляя, что ничего не знает об этом деле, но напрасно. Этот «любящий брат» лично нанес родной сестре пятьдесят ударов тростью. После них она целый месяц пролежала больная в постели и потом еще долго страдала от последствий столь грубого обращения. Несомненно, когда-нибудь он прикажет читать молитвы на ее могиле, как на могиле своей жены-черкешенки.

Часто можно слышать, как европейцы хвалят султана Занзибара за приветливость и учтивость. По тому, что я о нем написала, можно судить, каков он на самом деле. Несомненно, в глубине души он ненавидит уже одно слово «европеец» сильнее всего на свете. А что касается его мнимой дружбы с Германией, то, я думаю, у Германского Восточно-Африканского общества есть достаточно доказательств, которые опровергают его заверения.

Легко можно понять, что я немногого ждала от Сеида Баргаша в деле удовлетворения моих личных требований. Газеты распространили сообщение, что я будто бы вернулась в Германию, полностью завладев всем своим наследством, состоявшим из выручки от продажи двадцати восьми домов. Это вымысел. Я не получила ни гроша. Мои требования – которые признал справедливыми даже британский генеральный консул, а это много значит – остаются неудовлетворенными и сегодня. Колоссальную сумму шесть тысяч рупий (около пятисот фунтов стерлингов), которую мой богатый брат предложил мне в качестве отступного, я с благодарностью отвергла. С тех пор как Баргаш взошел на престол, умерли пять моих братьев, пять сестер, моя тетя Айша, три племянницы, один племянник и богатая мачеха, и я имею право на долю имущества каждого из них. Султан отказался от примирения со мной, которого в ничего не значащих выражениях потребовало германское правительство. Он, должно быть, поздравлял себя с удачей, когда мои личные дела были отодвинуты в тень политическими вопросами.

И еще одна неприятность. Каждый, кто хорошо знает Занзибар, прекрасно понимает, что султан правит лишь в мелочах, а остальными делами занимается британский генеральный консул, о котором даже его враги справедливо отзываются как о великом мастере дипломатии. Если бы я была так же незнакома с практикой и стратегией дипломатии, как десять лет назад, и принимала за чистую монету каждое красиво звучащее слово, я, вероятнее всего, поверила бы тому, что генеральный консул сказал одному старшему офицеру германского флота.

А сказал он, что, к своему величайшему сожалению, не был в состоянии ничего сделать для меня, потому что, к несчастью, в этом квартале года ему не представилось ни одной возможности увидеться с султаном и передать мои пожелания. Вскоре я узнала, что за две недели до этого разговора этот джентльмен провел с султаном несколько дней в одном из его имений. Говорят также, что дворец султана связан с генеральным консульством его величества короля Великобритании телефонным проводом и эта линия связи активно работает.

Приближаясь к Занзибару, я очень сомневалась в том, что меня ждет там теплый прием. Я не ожидала, что мой брат полностью откажется выполнить желания немцев, и я не ошиблась. Я была готова к тому, что он будет только терпеть мое присутствие на острове из уважения к Германии. Его злодейское обращение с остальными моими братьями и сестрами явно не предвещало мне дружескую встречу с его стороны. Но был другой вопрос: как воспримет мое появление народ? К счастью, на него я могу ответить, что люди приняли меня тепло и сердечно. Арабы, индийцы и коренные местные жители – все вместе горячо просили меня провести остаток моих дней на Занзибаре. Этим подтверждается мое предположение о том, что у них не было религиозных предрассудков против меня из-за моего перехода в христианство. Один араб даже сказал, что всегда считал меня дочерью моего отца, что мой переход в другую веру был предначертан с начала мира, что и мой отъезд, и мое возвращение произошли по воле Бога. «А теперь, – добавил он, – вы и ваши дети, конечно, останетесь у нас».

Такие доказательства любви и преданности и вместе с ними – бесконечная радость оттого, что я снова увидела свою дорогую родину, давали моей душе силы выдержать многие тяжелые часы, наполнили мою поездку счастьем, которое я буду ощущать всю жизнь, и я могу лишь вновь смиренно восхвалить Бога за Его великие доброту и милосердие.

Мой второй отъезд с родины не обошелся без тяжелой

душевной боли, которую разделили со мной мои друзья. Их прощальное письмо, написанное на арабском языке, было прислано мне в Германию. Его дословный перевод станет хорошим завершением моей книги.

Они уехали отсюда, не сказав мне, что уезжают.
Это разбило мое сердце и наполнило душу
испепеляющим огнем;
О, если бы я мог прижаться к ним, обняв их за шею,
когда они покидали нас…
О Господин Вселенной, сведи нас вместе, прежде чем мы умрем,
Хотя бы всего лишь за несколько дней до смерти!
Если мы будем живы, мы встретимся снова,
А когда мы умрем, бессмертная часть нас продолжит жить.
О, если бы я был птицей!
Тогда я с тоской полетел бы вслед за ними.
Но как может улететь птица, у которой подрезаны крылья?

notes

Примечания

1

Черкесами называют себя потомки переселившихся в XIX веке в Турцию кавказских горцев. Ныне живут в Турции, Сирии и других странах Ближнего Востока. *(Примеч. ред.)*

2

Боболинка – птица, похожая на скворца, черная, имеет светлые крылья и желтый затылок, другое название – рисовый трупиал. *(Примеч. пер.)*

3

Это примерно 72 градуса по Фаренгейту и около 22 градусов по Цельсию. *(Примеч. пер.)*

4

Кандия – прежнее название острова Крит. *(Примеч. пер.)*